

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С. И. ВАВИЛОВА
УНИВЕРСИТЕТ Г. КРАГУЕВАЦ (СЕРБИЯ)

**РОССИЙСКО-СЕРБСКИЕ СВЯЗИ
В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ:
XIX – первая половина XX в.**

«Нестор-История»
Санкт-Петербург
2009

УДК 394.912(491.11:470)

ББК 6.3.3(4)

Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. / Отв. ред. Э. И. Колчинский и А. Петрович; ред.-сост. М. В. Лоскутова и М. В. Хартанович. — СПб. : Нестор-История, 2009. — 144 с.

ISBN 978-59818-7371-3

В сборнике рассмотрены аспекты взаимосвязей российских и сербских ученых; обрисована история русской академической эмиграции после Октябрьской революции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия), обозначена роль российской науки и литературы, русских ученых и литераторов в становлении и развитии определенных областей знаний на территории этой южнославянской страны в XVIII–XX вв. Проведен обзор вклада выходцев с территорий современной Сербии, Черногории и Далмации в культурную жизнь Российского государства; вниманию читателей предложена история обучения представителей королевских и княжеских домов Сербии и Черногории в учебных заведениях Санкт-Петербурга, а также история поступления черногорской этнографической коллекции в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Сборник представляет интерес для историков, историков науки и социологов, политиков, публицистов и специалистов смежных специальностей.

УДК 394.912(491.11:470)

ББК 6.3.3(4)

Перевод с английского М. В. Лоскутова,
перевод с сербского М. В. Хартанович.

ISBN 978-59818-7371-3

9 785981 873713

© Коллектив авторов, 2009

© Издательство «Нестор-История», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россию и Сербию объединяют давние, веками складывавшиеся отношения, которые не раз становились предметом исторических исследований взаимодействия русской и сербской культур в ходе обретения Сербией независимости и утверждения своей культурной идентичности на государственном уровне. Менее известно в России, что современная наука в Сербии сформировалась в первой трети XX в. преимущественно усилиями российских ученых, вынужденных покинуть свою родину после революции и Гражданской войны. Но и ранее Россия не только несла свободу и независимость Сербии, но и всячески способствовала зарождению сербской науки и развитию образования.

Обращаясь к общим вопросам трансляции научного знания из одного национального контекста в другой, его освоения в новой культурной среде, российские историки науки традиционно рассматривали проблему овладения Россией европейской наукой Нового времени в XVIII–XIX вв. История российско-сербских научных связей дает возможность детально изучить обратное явление — ситуацию, в которой Россия и ее ученые были «донорами» научного знания, активно формируя систему научного знания, научную терминологию и научное сообщество другой страны. Изучению уникального опыта становления и развития сербской науки под влиянием ярких представителей российского научного сообщества, анализу сложного и многогранного процесса установления и развития контактов и сотрудничества между Россией / СССР и Сербией / Югославией была посвящена международная конференция «Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в.», прошедшая 20 октября 2008 г. в Санкт-Петербурге. Ее организаторами были Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, университет города Крагуевац (Сербия) и Центр научных исследований Сербской Академии наук и искусств. С российской стороны в конференции участвовали сотрудники ИИЕТ и СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Библиотеки РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Сербская сторона была представлена профессорами и преподавателями университетов г. Крагуеваца, г. Новый Сад и Сербской академии наук и искусств.

Публикуемые материалы конференции очерчивают пути будущих исследований широкого спектра русско-сербского сотрудничества в гу-

манитарных, общественных, естественных и технических науках. В них рассмотрены различные аспекты взаимосвязей российских и сербских ученых, обрисована история русской академической эмиграции после Октябрьской революции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия), обозначена роль российской науки и литературы, русских ученых и литераторов в становлении и развитии определенных областей знания на территории этой южнославянской страны в XVIII—XX вв. Проведен обзор вклада выходцев с территории современной Сербии, Черногории и Далмации в культурную жизнь Российского государства. Вниманию читателей предложена история обучения представителей королевских и княжеских домов Сербии и Черногории в учебных заведениях Санкт-Петербурга, а также история поступления черногорской этнографической коллекции в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Авторы надеются, что сборник будет способствовать развитию научных связей с сербскими исследователями, в том числе со всех территорий исторического расселения сербов и некогда объединенных в единую страну.

Однако научное значение сборника представляется гораздо более значимым. Обсуждаемые в нем вопросы связаны с пониманием механизмов и путей сохранения и развития национальной науки в периоды разнохарактерных национально-политических кризисов. Волею судеб и Сербия, и Россия оказались в эпицентре глобально-исторических разломов, завершившихся крупными социально-политическими и экономическими катаклизмами и в конечном счете — распадом Югославии и СССР. Если данная тематика до сих пор обсуждалась преимущественно в политологических и социально-философских работах, то здесь предпринимается попытка охватить разные аспекты противоречивых и порою разнонаправленных процессов формирования и сохранения национальной науки в условиях сложных социально-политических трансформаций и кризисных ситуаций, включая революции, мировые и гражданские войны. Это позволяет лучше понять роль контактов между отдельными учеными, научными сообществами и учреждениями в сохранении национальных наук. Не менее интересен и вопрос о механизмах и трудностях интеграции эмигрантов в научное сообщество другой страны, несмотря на близость языка, конфессий и культур. В целом изучение опыта русско-сербского сотрудничества в области науки способствует лучшему пониманию взаимодействий национальных культур в геополитическом контексте.

Э. И. Колчинский

I. ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Лиляна Миятович, Александр Петрович, Джордже Джурич

Метаморфоза русско-сербских интеллектуальных связей

Каждое повествование о русско-сербских связях и отношениях неизбежно должно начинаться с напоминания о том, что русские и сербы — народы одного славянского корня. Народы, чей язык, обычаи, верования и культура происходят из одного источника. В результате практически двух тысячелетий обособленного развития каждый народ сформировал свою собственную культуру, но и в значительной степени сохранил общие черты в сферах коллективного и индивидуального сознания.

В средние века русское и сербское государства были созданы на основе византийской универсальной традиции и христианской религии в ее православной ветви. Литература и изобразительное искусство обоих славянских народов строилась по византийским образцам, а свою принадлежность к византийскому содружеству средневековые династии Рюриковичей и Неманичей обозначали браками с византийскими принцессами. И русские, и сербы внутри православия сохраняют многочисленные славянские народные верования и обычаи, существующие в «перелицованном» виде и по сей день.

Оба народа в конце средних веков пережили великие сокрушения, когда насильственно было приостановлено естественное развитие их государств, институтов и культур. Российское государство захватили монголы, а сербское — турки. Наступил период многовекового рабства, которое оставило глубокий след в обеих славянских культурах. В конечном счете, и монгольское, и турецкое ярмо было сброшено, началось возрождение национального государства, но народный дух и культура как русских, так и сербов хранит глубокие отпечатки культуры захватчиков. Уже бесчисленное количество раз прозвучало выражение «поскреби русского — найдешь татарина». Сербь в этом также

не оригинальны — практически в каждом из нас живет часть турецкого наследия.

Россияне, к своему счастью, смогли раньше воссоздать страну и в короткий срок превратили ее в мощное государство, в то время как сербы продолжали освободительную борьбу вплоть до начала XIX в. Единственная национальная институция сербов — Сербская православная церковь (которая, скорее, была хранителем государственной традиции и народной культуры, чем религиозным учреждением), установила тесные связи с российским государством и русской церковью. В XVIII в. сербская церковь начала процесс обновления сербской школьной системы при непосредственной помощи России; существенную роль в этом процессе сыграли Максим Суворов и Эммануил Козачинский.

В переломные годы сербской истории, в 1804 г., когда великий Карагеоргий Петрович начал восстание, превратившееся в национальную революцию за возрождение сербского государства, возникли политические отношения между сербскими восставшими и российским государством. Приведем высказывание протоиерея Матея Ненадовича, возглавлявшего сербскую делегацию в России в 1804 г. Отправившись в Россию искать помощи в восстании против турецкого владычества, Ненадович записывает в мемуарах: «Из народных песен мы слышали, что Россия существует, но где точно она находится, мы и не знали». Разве не странно искать помощи у кого-то, кто и находится-то неизвестно где? Такого можно ожидать только от самых близких родственников. Эта надежда сербов на помощь русских станет константой следующих двухсот лет сербской истории. Вторая константа, образовавшаяся во время упомянутого восстания и существующая по сей день, сформулирована следующим образом: Сербия вызывала недовольство Запада, как только вступала в более близкие отношения с Россией.

Нет таких народов, история отношений которых не знает непонимания и политических столкновений, примеры тому мы находим между сербскими и российскими политическими элитами. Возможно, самой яркой иллюстрацией послужат конфликты между Карагеоргием и русским дипломатическим представителем в Сербии К. К. Родофиникиным в начале XIX в. или между И. В. Сталиным и Иосипом Броз Тито в конце 1940-х гг. Тем не менее, такие политические столкновения уступали место длительному сотрудничеству, и, что еще важнее, они никогда не выходили за пределы политики, не влияли на мнение о российском или сербском народах и на межкультурные отношения между нами.

Русско-сербские отношения часто рассматриваются в политическом контексте, однако об интеллектуальном аспекте, в первую очередь научном, написано не так много исследований. Можно сказать, что такая работа находится в начале пути. Начнем с основной вехи, обозначающей суть русско-сербских отношений. Обратим внимание на случай, который в нашем представлении является парадигмой, а не эпизодом. Известно, что одним из главных героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» является Алексей Вронский. Но не столь известно, что этот персонаж родился в результате литературной транспозиции жизни полковника русской армии Николая Николаевича Раевского (3-го), потомка древнего аристократического рода, верного идее и ценностям русского исторического и культурного самосознания. Л. Н. Толстой не случайно помещает его в центр романа. Став добровольцем, Николай Раевский в 1876 г. приезжает в Сербию и присоединяется к сербской армии, стремящейся освободить свою страну от векового турецкого рабства. В то время Европа хладнокровно созерцала действия сербов и оставила их в одиночестве сражаться с турецкой армией, превосходящей и числом, и вооружением.

Там, где заканчивается история, начинается миф. В гиблые сербские окопы приезжают добровольцы из России, всего их около трех тысяч, в основном офицеры. Среди них выделяется генерал М. Г. Черняев, ставший впоследствии главнокомандующим сербской армии. Один из добровольцев — полковник Николай Николаевич Раевский (3-й). Подвиг его деда, генерала Николая Николаевича Раевского (1-го), в Бородинском сражении описал Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». Его сыну, Николаю Николаевичу Раевскому (2-у), А. С. Пушкин посвятил стихотворение «Кавказский пленник». Бабушка Николая Николаевича Раевского (3-го) — Софья Алексеевна (в девичестве Константинова) — внучка М. В. Ломоносова. Возможно, благодаря таким родовым корням Раевский заканчивает физико-математический факультет Московского университета. Род Раевских как будто пребывает между литературой и историей, мифом и реальностью, поэзией и наукой. Пытаясь найти точку равновесия в самоопределении, Раевский все же выбирает ратный путь; отслужив в гвардейском полку и получив чин полковника, он отправляется в Сербию. Николай Раевский погиб в бою с турками 20 августа 1876 г. Но уже на следующий год он воскреснет как литературный герой Алексей Вронский в романе Л. Н. Толстого, а на месте его гибели, в местечке Адровац у г. Алексинац, усилиями Марии Раевской и сербской королевы Наталии Об-

ренович в 1902 г. будет построена церковь Святой Троицы, существующая и поныне. Важно отметить, что на стенах церкви изображены мотивы из истории обоих народов, вместе с Александром Невским мы видим святого Саву Сербского.

Таким образом Л. Н. Толстой через Николая Раевского и Алексея Вронского соединил русскую литературу и сербскую историю, перейдя границу, разделяющую вымысел и реальность. Он разместил центр русско-сербских интеллектуальных отношений там, где они всегда и находились — между легендой и реальностью. В некоторой степени это их естественное состояние. При всем стремлении русско-сербские отношения нельзя назвать полностью рациональными, ведь эмоции в этих отношениях, коллективное бессознательное, как бы определили психологи, всегда находили способ выражения, а перевес зачастую был на их стороне. Смерть Раевского в Сербии сделала его героем романа Толстого — в своем метафорическом существовании Вронский более всех достиг внутреннего соединения сербской и русской культур, воплощая их максимальное экзистенциальное соприкосновение, в котором пересекаются история, религия и искусство. Непросто будет найти другой пример, который может сравниться по глубине и силе связи.

Встреча сербской и русской культур не находит более сильного символа, чем личность Николая Раевского — Алексея Вронского. Искусство Толстого не осталось только на страницах книги, а превратилось в архетип прошлой и будущей жизни. В 1914 г., во время Первой мировой войны, принятие Россией стороны Сербии создало угрозу существованию страны. В итоге царская Россия исчезла, чтобы появился Союз Советских Социалистических Республик, как и не стало Сербии, вместо которой возникла Югославия.

На месте гибели Раевского построена церковь — так и после гибели царской России великой волной русской эмиграции в Сербии создается настоящий научный храм. Русские ученые и художники оказали значительное влияние на развитие сербской науки и культуры, своими трудами они создали в Сербии своего рода аналог церкви Святой Троицы под Алексинцем. Влияние идей и культурная близость находили все большее практическое выражение. Русские артисты основали балет в Белградском Народном театре, архитекторы создали проекты монументальных зданий в Белграде и во всей Сербии, около семидесяти русских ученых получили звание профессоров Белградского университета, причем девять из них стали членами Сербской

королевской академии наук и искусств. После Второй мировой войны членами Сербской академии наук и искусств становятся приехавшие в Сербию в 1920-х гг. семнадцатилетними эмигрантами Георгий Острогорский — основатель сербской византистики, и Константин Воронец — инженер-механик.

По окончании Второй мировой войны в изменчивом русле политических обстоятельств русско-сербские интеллектуальные связи находят продолжение, но, на сей раз, без той интенсивности, которую им придавали переломные исторические события прошлого. В середине 1950-х гг., когда конфликт с Информбюро был исчерпан, возобновились отношения между учреждениями СССР и СФРЮ, продолжилось сотрудничество в различных областях науки и обмен опытом ученых двух стран. В то же время современные Сербия и Россия не имеют договора о двустороннем научном сотрудничестве, и отношения в области науки скорее результат отдельных инициатив, а не систематически развивающегося процесса. Например, введя в поисковую систему Google фразу „Russian Serbian intellectual relations“, мы получим 0 страниц. Исходя из перспективы истории науки, мы имеем убедительные доказательства, что пришло время приступить к содержательному пониманию российско-сербских отношений, так как еще со времен Атанасия Стойковича и Огнеслава Костовича история науки — более чем увлекательное и плодотворное поле для исследований. Мы надеемся, что эта первая двусторонняя конференция в Санкт-Петербурге войдет в интеллектуальную историю как шаг в этом необходимом направлении.

Перевод с сербского М.В. Хартанович

Сербы на этнических картах славянских народов Европы (вторая половина XIX – начало XX в.)

Изучение динамики расселения народов, населяющих обширные пространства обитаемого мира, ведется уже более трех столетий. Одними из самых информативных документов в этом отношении являются этнические карты. Изучение истории этнического картографирования представляет собой основу познания современного состояния распределения наций и народностей.

В картографическом собрании Библиотеки Российской академии наук сохранилось немало печатных этнических картографических документов. В 2005 г. сотрудники Сектора картографии Библиотеки РАН получили грант РГНФ на исследование по теме «История этнического картографирования в России XVIII – начала XX в. в документах»¹. Целью проекта было выявление, описание и введение в научный оборот печатных и рукописных этнических картографических документов (называвшихся в XIX в. «этнографическими картами»), составленных в течение XVIII – начала XX в. отечественными и иностранными учеными на территорию Российского государства и отдельных его частей: Европейской части, Сибири, Кавказа, губерний, уездов и иных административно-территориальных образований².

Было выявлено и описано более 300 печатных карт и планов, ряд рукописных этнографических карт и чертежей, а также найдено несколько десятков упоминаний в научной литературе и архивных документах о составлявшихся этнических картах. В основу систематизации обнаруженных документов был положен территориальный принцип. Но, как обычно бывает, и на этот раз не обошлось без исключений — отдельную, сопоставимую по объему с другими группу составили этнические карты славянских народов, нередко показывающие терри-

¹ Грант РГНФ «История этнического картографирования в России XVIII – начала XX в. в документах». № 05-01-01361а.

² Результаты исследования будут представлены в подготавливаемом аннотированном каталоге картографических документов, составленных учеными Академии наук, Русского географического общества и других учреждений и ведомств, на территорию России и ее отдельных частей в период XVIII–XX вв.

торию не только Российской империи, но и Европы. Таким образом, возникла необходимость выйти за объявленные в исследовательском проекте рамки и продолжить работу, целенаправленно разыскивая сведения об этнических картах и этнические карты славянских народов. Настоящее сообщение посвящено описанию лишь нескольких этнических карт из тех, на которых помещены сведения о сербском народе. Здесь можно выделить два блока документов: иностранные карты (карты, подготовленные иностранными учеными и изданные в европейских государствах) и российские карты (изданные в России, на русском языке или подготовленные отечественными учеными).

Известно, что само понятие «этническая карта» возникло в середине XIX в., когда такие картографические произведения стали составлять на основе статистических данных о национальном составе населения, что давало возможность с большой долей вероятности очертить границы расселения того или иного народа. Первоначально на ранних картах и чертежах данные о расселении народов и племен по территории государств отражались при помощи этнонимов, без указания этнических границ. В частности, именно так составлена карта сербского автора Димитрия Давидовича «Земли, в которых пребывают сербы» (Данные по истории сербского народа. Вена, 1821). На этой карте, составленной после Второго сербского восстания, показаны земли, где сербы проживают в пределах и за пределами своего прежнего Царства Стефана Душана³. Кроме того, здесь отмечены некоторые города, духовные и культурные центры, имеющие важное значение в истории сербского народа, например, Косово, где в 1389 г. произошло сражение сербов с турками и разгром сербских войск. Цель карты — способствовать пробуждению национального самосознания сербов во время многовекового турецкого гнета⁴.

Начало составления этнических карт в Европе было связано именно с подъемом национального движения в многонациональных империях. Первая точная для своего времени карта „Slovanský žemevid“, по-

³ Царство Стефана Душана существовало с 1346 г. После Косовской битвы в 1389 г. и разгрома сербского ополчения турками Сербия попала под владычество Турции. В 1815 г. Сербия добилась автономии в составе Турции; в 1878 г. Сербия обрела независимость.

⁴ Атлас Древней Сербии: Европейские карты Косово и Метохии / Др. М. Вемич, М. Стругар; пер. на рус. яз. С. Луганская. Цетинье, 2007. (Београд: Портал). 316 с.: геогр. карт. Карта № 18.

казывающая расселение славян по территории Австро-Венгрии, была подготовлена на основе статистических данных одним из крупнейших представителей словацкого возрождения, славистом П. Шафариком в 1842 г.⁵ Она и послужила в дальнейшем основой множества карт, дающих представление о распределении славянских народов в Европе.

Во второй половине XIX в. было издано значительное число этнических карт территории Сербии, Балканского полуострова, Европейской Турции. В их составлении принимали участие многие сербские ученые — М. Ст. Милоевич (Историко-этнографическая географическая карта сербов и сербских (югославских) земель в Турции и Австрии, 1873), Д. Жегликович (Этнографическая карта Балканского полуострова, 1875), В. Карич (Карта распространения сербов, 1887), С. Гопчевич (Этнографическая карта Древней Сербии и Македонии, 1889), М. В. Веселинович (Этнографическая карта Сербии, 1889), М. Й. Андранович (Этнографическая карта сербских земель с южной границей Древней Сербии и границей Сербии Царя Душана, 1905), Й. Цвиич (Политико-этнографический эскиз Македонии и Древней Сербии, 1906); Этнографическая карта сербского народа (приложение к брошюре «Аннексия Боснии-Герцеговины и сербский вопрос», 1909); Этнографическая карта Балканского полуострова (к статье «Распоряд Балканских народов», 1913); Carte Ethnographique de la Peninsule des Balkans, (1918) и др. На картах была отражена не только чрезвычайно пестрая картина расселения на этих землях сербов, болгар, греков, румын, турок, албанцев и др., но и сложная конфессиональная ситуация. Постепенно усложнялась легенда карт, возрастало число этнических единиц, уточнялись этнические границы. И хотя воззрения местных ученых чаще всего не были свободны от политических и национальных влияний⁶, все же составленные карты достаточно верно отражали полноту знаний об этнической ситуации на Балканах.

Труднее приходилось иностранным исследователям, которым сложно было охватить во всей полноте разнообразные и сложные вопросы этнографии Балкан. Турецкое владычество затрудняло научное исследование Сербии и прилегающих территорий, а снаряжение научных экспедиций оказывалось почти невозможным. Тем не менее уче-

⁵ Slovánský zemevid / Od P. I. Šafaříka. V Praze, 1842.

⁶ Например, в вопросе о судьбе и этническом составе Македонии в связи с разразившейся в 1912 г. войной балканских народов с Турцией (*Флоринский Т. Д.* Новая этнографическая карта Южной Македонии. Киев, 1914. С. 2).

ные и специалисты из Франции, Пруссии, Великобритании и Австро-Венгрии также занимались этнографическими исследованиями, и на изданных ими картах были отражены границы расселения сербского народа в Европе.

Особенно сложной была картина расселения народов на Балканском полуострове, и это создавало значительные трудности для нанесения даже относительно точных этнических границ. Важным источником здесь послужила «Карта Дунайской Болгарии, Балкана и Юго-восточной Сербии» (СПб., 1876), выполненная по глазомерным съемкам Ф. Каница, австрийского географа и этнографа, знатока жизни южнославянских народов, много раз путешествовавшего по Балканскому полуострову. К сожалению, сейчас карта известна значительно меньше, чем сопровождавшая ее книга Каница — «Дунайская Болгария и Балканский полуостров: исторические, географические и этнографические путевые наблюдения»⁷.

Среди заметных этнических карт можно назвать также «Этнографическую карту Европейской Турции и ее областей в начале 1877 г.» (Вена, 1878), составленную К. Саксом, консулом Австро-Венгерской империи в Адрианополе⁸; «Этнографическую карту Сербии» (Лондон, 1909)⁹, автором которой является известный британский исследователь сербского этнического пространства А. Стед, и др. Глубокие изменения в этнической ситуации связаны со следовавшими одна за другой Балканскими войнами, поэтому этнические карты сразу по выходе нередко отражали уже прошлое, хотя и очень близкое. Обострение этнических проблем на Балканах, связанное с началом Первой мировой войны, привело к новому всплеску интереса к этническим картографическим документам. В течение непродолжительного времени были подготовлены и изданы десятки карт, например: «Этническая и язы-

⁷ Русский перевод издания был сделан с немецкого „Donau-Bulgarien und der Balkan“, вышедшего в 1860 г. В своей книге автор осуждал турецкое владычество на Балканах. Идеиная направленность книги Каница настолько не понравилась турецким властям, что экземпляры ее были преданы в Стамбуле сожжению.

⁸ Ethnographische Karte der Europaische Türkei und ihrer Dependenzen zu Anfang des Ihres 1877 / von Carl Sax k.u.osterreichisch-ungarischer Consul in Adrianopel. Wien: Ed. Holzel's institute, 1878. Mittheilungen der k. k. geograph. Gesellschaft 1878. Taf. III. Вена, 1878.

⁹ Ethnographical map of Serbia / Alfred Stead // Servia by the Servians. London, 1909.

ковая карта Средней Европы с Италией и Балканским полуостровом» Г. Фрайтага (Вена, начало 1910-х гг.)¹⁰; «Расы Балканского полуострова» — одна из самых значительных этнографических карт, составленная выдающимся британским специалистом Р. В. Ситон-Уотсоном (Лондон, 1917)¹¹, и многие др.

Можно с уверенностью утверждать, что в Российской империи начало составления этнических карт связано именно с деятельностью европейских славистов. Основоположником нового для России направления — составления этнических карт — стал статистик П. И. Кеппен. Во время путешествия по Европе в 1822–1824 гг., предпринятого им для установления связей с европейскими учеными и доставления им сведений о славянских древностях, он встретился с П. Шафариком (тогда директором Сербской гимназии в Новом Саде (Нейзаке)) и познакомился с его работами. Возможно, именно это побудило Кеппена, уже прежде собиравшего сведения о различных наречиях, заняться также вопросом об их географическом распределении. Однако при составлении первых в России этнических карт — Финляндии (С. И. Барановский, завершена и опубликована П. И. Кеппеном, 1848), Санкт-Петербургской губернии (1849) и Европейской России (1851) — Кеппен поставил своей задачей показать расселение малочисленных по сравнению со славянами «инородческих племен».

Безусловно, наибольшие достижения в деле составления в России этнических карт славянских народов связаны с деятельностью славянских общественных организаций, а также отечественных славистов.

Определенную положительную роль в развитии отечественной и зарубежной славистики сыграл Славянский съезд 1867 г., приуроченный к Всероссийской этнографической выставке, который стал крупным событием в общественно-политической и культурной жизни славянских стран и России. Организационным центром съезда был Московский Славянский благотворительный комитет, основанный еще в 1858 г., первоначально для помощи иностранцам-славянам, учащимся в России, и культурным учреждениям в зарубежных славянских странах. Открывшиеся в Петербурге, Киеве и Одессе отделения

¹⁰ Volker- und Sprachenkarte von Mittel-Europa nebst Italien und der Balkaninsel. — Nach den neuesten statistischen Veröffentlichungen bearbeitet / G. Freytags. Wien, [191+].

¹¹ The Race of the Balkan peninsula / By R. W. Seton-Watson D. Litt. London, 1917.

были вскоре преобразованы в самостоятельные «Славянские благотворительные комитеты». В 1876 г. Санкт-Петербургский комитет стал Санкт-Петербургским Славянским благотворительным обществом.

На съезде присутствовали сербы, хорваты, словаки, словенцы, чехи, лужичане, зарубежные украинцы. Многие, как в России, так и за границей, отнеслись к съезду отрицательно, полагая, что это — политический маневр России, стремящейся включить в круг своего влияния все славянские народы. Однако нельзя не отметить, что после съезда укрепились научные и литературные связи, оживилась переписка с зарубежными славянскими деятелями. С этого времени и отечественные ученые стали работать над составлением этнических карт, показывающих расселение славянских народов по территории Европейской России и Европы. Изображению территорий проживания сербов нередко уделялось особое внимание как из-за того, что тогда еще недостаточно точно было определено понятие этой народности, так и из-за чрезвычайной пестроты поселений разных этнических групп на пространстве Балканского полуострова.

В 1867 г., возможно специально подготовленная к съезду, вышла из печати «Этнографическая карта славянских народностей» М. Ф. Мирковича, охватывающая территорию Европейской России, Кавказа и европейских государств. В объяснительной записке Миркович подробно описал, какими источниками пользовался при составлении своей карты. Одним из основных была карта Шафарика, использованы были и данные карт Кеппена. Сложная этническая ситуация на Балканах не всегда позволяла очертить точные этнические границы в масштабе карты. Так, территории смешанного проживания были показаны на карте полосами тех цветов, которыми обозначались эти народности: например, где арнауты жили в пределах сербской и болгарской территорий. Карта Мирковича выдержала несколько изданий в 1874 и 1877 гг. К изданию 1877 г. были приложены статистические таблицы, показывающие распределение славян по государствам и народностям, а также по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам, составленные известным филологом-славистом, профессором А. С. Будиловичем¹². В число десяти выделенных им славянских народностей вошли сербо-хорваты, верхнелужицкие и нижнелужицкие сербы.

¹² В 1901 г. А. С. Будилович был избран членом Сербской Королевской академии. С 1881 г. он являлся членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук.

Впервые в России расселение славянских народов было подробно показано на «Этнографической карте Европейской России» (1875), составленной военным топографом, членом РГО А. Ф. Риттихом. Позднее Риттих составил общую «Этнографическую карту славянского мира», охватывающую территорию Российской империи, восточную часть Европы и северную часть Азии¹³.

Российские историки, слависты, публицисты (Т. Д. Флоринский, А. Кочубинский, В. В. Комаров, Н. С. Зарянко, М. О. Коялович и др.) также собирали сведения о славянских народах и их расселении в историческое время по территории Европы и Малой Азии. На опубликованных по результатам исследований этнических картах нашли отражение все детали распределения европейских славянских народов, выделены территории, населенные сербами. И хотя некоторые из этих отечественных деятелей по своим идейным взглядам входили в крайнее правое крыло отечественного славяноведения, нельзя не согласиться с тем, что они внесли важный вклад в формирование общих представлений о расселении славян в Европе.

В конце 1880-х гг. в Санкт-Петербурге вышла из печати «Карта западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран», составленная выдающимся деятелем галицко-русского возрождения Я. Ф. Головацким. Карта являлась составной частью издания труда Головацкого «Географический словарь западнорусских и югославянских земель и прилежащих стран», в котором он пытался восстановить местную славянскую географическую терминологию. Поэтому, наряду с общепринятыми, автор поместил на карте старинные славянские названия: «Балтийское море (в старину Варяжское)», «Мраморное море (в старину Белое)», «Адриатическое море (в старину Синее)» и др. В то же время Головацкий старался вернуть прежние географические названия городов и местностей, вошедших в русскую литературу

¹³ Карта вышла как приложение к его труду «Славянский мир: историко-географическое и этнографическое исследование» / Сост. А. Ф. Риттих; Имп. Моск. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии; Имп. Вольного экономического общества; СПб. Славянского благотворительного общества; Харьковского статистического комитета и др. Варшава, 1885. В тексте помещены, наравне с другими, около 10 черно-белых мелкомасштабных карт территорий расселения сербов. Обширный труд этот, к сожалению, нельзя считать научным исследованием, из-за ярой славянофильской позиции, которую занимает автор, однако этническая карта и схемы в тексте представляют несомненный интерес.

ру в немецком варианте, например «Львов» вместо «Лемберг». Особую ценность представляет помещенная на карте таблица, в которой приведены статистические сведения о славянах, живущих в Пруссии, Австро-Венгрии, Боснии и Герцеговине, Румынии, Черногории, Сербии, Болгарии и др. по административным районам.

При Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе в 1890 г. началось издание «Русско-Славянского календаря», в приложении к которому должны были быть изданы «портреты и рисунки с изображением разных славянских местностей, обрядов и достопримечательностей». Однако по причине «неудовлетворительного исполнения» их заменили составленной Н. С. Зарянко «Картой славянских народностей»¹⁴. В 1890 г. карта, охватывающая территорию Европейской России и восточную часть Европы, вышла в двух вариантах. Первый — карта и сопровождающие ее статистические таблицы распределения славян по вероисповеданиям, азбукам и наречиям, и второй — то же, но с сопровождающим текстом, озаглавленным «Заметка для друзей и недоброжелателей Славянства», составленным, по-видимому, издателем карты В. В. Комаровым¹⁵. Основным содержанием текста было обращение к сербским, хорватским и болгарским ученым указать на несоответствия, допущенные при изображении территорий расселения их народов, поскольку карту предполагалось переиздавать еще несколько раз «с уверенностью достигнуть должной точности». Можно отметить особенное внимание к верному определению именно сербской народности: в тексте обращается внимание на «непростительный и невежественный промах», допущенный при составлении карты — объединение в одну народность «южных Сербов» и «западных Сербо-Лужичан». По замыслу составителей ежегодное издание календаря с приложениями должно было дать полную картину обычаев, типов, истории славянских народов.

¹⁴ Первое издание карты было осуществлено в 1889 г. как приложение к «Славянским известиям» (№ 52 за 1889 г.), издававшихся Санкт-Петербургским Славянским благотворительным обществом.

¹⁵ В. В. Комаров, закончивший Николаевскую академию Генерального штаба, в 1876 г. отправился в Сербию, где служил начальником штаба тимокоравской армии и был произведен в сербские генералы. По возвращении в Россию после окончания русско-турецкой войны занимался издательской деятельностью.

Одним из самых значительных достижений стала «Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси» (Киев, 1911), составленная профессором Т. Д. Флоринским (издание Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества). Приложением к карте служит небольшая брошюра «Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси: Приложение: Объяснения. Источники и пособия. Статистические данные. Поправки» (Флоринский Т. Д. Киев, 1911). Задача этой карты — «представить возможно более полно, точно и наглядно географическое распределение юго-западных (южных) и северо-западных (западных) славянских народов и западной части русского народа и их разграничение как между собой, так и с иноплеменными народами, живущими в непосредственном соседстве со Славянством или на славянской земле»¹⁶. Автор признает, что осуществление этой задачи в связи с современными научными требованиями представляет иногда непреодолимые трудности, главнейшие из которых — отсутствие источников: недостаток хороших подробных этнографических карт для большинства славянских народов и надежных сведений об этнографических отношениях в некоторых славянских областях, например, Старой Сербии, Добрудже, Бессарабии и др. Кроме того, Флоринский отметил и противоречивость таких сведений для земель славянского мира даже в таких странах, где правовой государственный строй и состояние образованности позволяли надеяться на наличие более объективных официальных данных — Австро-Венгрия и Пруссия. В то же время необходимо отметить, что карта Флоринского подводит, хотя и промежуточный, но итог многолетним этническим исследованиям, поскольку при ее составлении автор использовал, вероятно, все известные на тот момент источники: карты, описания, статистико-этнографические труды о славянских народах периода XIX — начала XX в., архивные документы и данные, собранные им путем переписки и встреч с местными славянскими учеными деятелями¹⁷.

¹⁶ *Флоринский Т. Д.* Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси: Приложение: Объяснения. Источники и пособия. Статистические данные. Поправки. Киев, 1911. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 3–22. Перечень важнейших источников и пособий составляет около 300 наименований на немецком, французском, английском и славянских языках. Поскольку многие из них есть в составе картографического собрания Библиотеки РАН, представляется возможным составить аннотированный каталог этих произведений.

Одним из самых трудных вопросов автор называет разграничение сербской и болгарской народностей. На данной карте представлено более точное, по мнению Флоринского, решение этого вопроса, чем приведенное в его же книге «Славянское племя: Статистико-этнографический обзор современного славянства» (Киев, 1907).

В приложении к карте помещены также статистические данные о численности славян к началу 1911 г., как в целом, так и в составе государств, земель и областей. Дана численность сербо-хорватов в Сербском королевстве, Черногорском королевстве, Австро-Венгрии, Турции, России, Италии, Америке, а также сербо-лужичан в Саксонии, Пруссии, Америке, Австралии и других землях¹⁸. Таким образом, карта в значительной степени отразила современное на тот момент состояние знаний о географическом распределении и разграничении славянских народов.

Комплекс этнических картографических документов XIX – начала XX в. Библиотеки РАН, включающий иностранные и отечественные произведения, позволяет проследить, как изменялась картина расселения сербов и формировались научные представления об этнических границах на протяжении этого времени. Эти документы, по свидетельству Т. Д. Флоринского, могут «служить толчком к дальнейшему, более тщательному исследованию наиболее трудных, темных и спорных вопросов славянской этнографии и тем облегчить в будущем появление в близком будущем такой полной и подробной этнографической карты славянства, в которой уже все будет ясно, точно и бесспорно»¹⁹.

¹⁸ Флоринский Т. Д. Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси: С. 23–25.

¹⁹ Там же. С. 2.

Влияние русской культуры на творчество Йована Раича, основателя сербской научной историографии

Архимандрит Йован Раич (1726–1801) считается основателем современной сербской исторической науки. Его работы, опубликованные в 4-х томах под названием «История разных славенских народов наипаче Болгар, Хороватов и Сербов», были написаны во второй половине XVIII в. и оставались важнейшим источником сведений о сербской истории на протяжении следующих 100 лет¹. Данные работы являлись существенным источником для формирования национального духа сербского народа во времена борьбы против турок и национальной революции, начавшейся в 1804 г. Большое влияние на личность Раича и на его научные взгляды оказала русская культура и наука. Это воздействие было многосторонним и исходило из всеобщего влияния русской культуры на сербскую литературу, язык и культуру XVIII в. Раич начал свое обучение в русской школе в Сремских Карловцах, а окончил его в Киевской духовной академии. К тому же он был современником русского историка и государственного деятеля В. Н. Татищева и пользовался теми же методами и подходами, что и русские историки, работавшие в то время.

Так же как развитие русского средневекового государства и культуры было насильно прервано монгольским нашествием, так и естественное развитие сербского государства — прервано турецким завоеванием. Несмотря на это в течение пяти веков турецкого ига сербский народ сохранил свою культуру и, что особенно важно, государственную традицию. В условиях, когда письменность сохранялась только в монастырях, эта традиция передавалась через формы устной литературы, игравшей

¹ Ниже приводим лишь краткий перечень литературы, посвященной жизни и творчеству Йована Раича: *Руварац Д.* Архимандрит Јован Раич 1726–1901. Сремски Карловци, 1901; *Радоич Н.* Српски историчар Јован Раич. Београд, 1952; *Самарджич Р.* Писци српске историје. Београд, 1976. I. С. 29–77; Йован Раич. Живот и дело / Ред. М. Фрайнд. Београд, 1997; Сборник радова научног скупа «Йован Раич. Историчар, песник и црквени великодостојник» / Ред. Ч. Попов. Нови Сад, 2002; История культур славянских народов. М., 2005. Т. II. С. 269–271; *Лешиловская И. И.* Сербский народ и Россия в XVIII в. СПб., 2006. С. 166–169.

тогда ту же роль, какую теперь играет история. Единственным институтом была Сербская православная церковь, которая сохраняла народную культуру и была политическим предводителем народа.

Вследствие войн ведущих европейских государств на Балканах и многочисленных переселений, в начале XVIII в. сербский народ был разделен между двумя сильными государствами. К югу от рек Сава и Дунай сербы жили в Турции, а к северу от этих рек — в Австрии. Несмотря на географическое разделение, сербский народ сохранил культурную и церковную целостность. Связи сербского народа и церкви с русским государством и церковью усиливаются в начале XVIII в. Особенно прочными они были во времена императора Петра I, императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Со времен Петра I все больше сербских монастырей принимают финансовую поддержку из России, увеличивается число сербов, поступающих на русскую государственную службу. Во время правления Елизаветы произошло переселение сербских солдат-пограничников в южную Россию, где они получали привилегии и создавали автономные территории под названием «Новая Сербия» и «Славяносербия»².

По причине большого давления иезуитов и государственных властей на сербов в Австрии с целью привлечения к униатской церкви, сербские митрополиты обращаются за помощью в Россию. Карловацкая митрополия (так называлась церковная организация сербов под австрийской властью) выписывает книги из России, чтобы уменьшить влияние униатской церкви. Для этого в Сербию приглашают и русских учителей, которые открывают русские школы для сербской молодежи. Таким образом в Сремских Карловцах — духовном центре сербов в Австрии — были основаны школы Максима Суворова и Эммануила Козачинского (последний сыграл большую роль и в театральной жизни сербов). Эти школы продержались недолго, но имели большое влияние на образование сербских интеллектуалов, которые в них учились. Австрийская власть запрещала ввоз книг из России, якобы по экономическим причинам, но их по-прежнему привозили и даже занимались контрабандой³.

² Подробнее см.: *Костич М.* Српска насеља у Русији, Нова Сербия и Славеносербия. Београд, 1923; *Форишкович А.* Политички, правни и друштвени односи код Срба у Хабсбуршкој монархији 1739–1804. Историја Српског народа. Т. IV. С. 233–284; *Рудяков П.* Сеоба Срба у Русију у 18 Веку. Београд, 1995.

³ *Лециловская И. И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. С. 129–170.

Йован Раич родился в 1726 г. в Сремских Карловцах. Это произошло как раз в то время, когда упомянутый выше русский учитель Максим Суворов начинал свою деятельность в этом городке, позже известном под названием Сербский Сион.

Начальную школу Раич проходил по русской школьной программе и по русским книгам. Поскольку у сербов тогда не было ни одной гимназии, он был вынужден продолжить обучение в Комароме в иезуитской гимназии. Раич позже напишет, что из-за церковного содержания и попыток иезуитов приобщить его к униатской церкви он был вынужден перейти в протестантскую гимназию в Шопроне. За это время Раич написал несколько литературных сочинений и работ религиозного содержания. Давление иезуитов еще более укрепило Раича в православии. Ему хотелось продолжить обучение, изучить богословие, чтобы своим знанием помочь сербам избавиться от униатского давления со стороны Австрии⁴. По этой причине в 1753 г. он поступил в Киевскую духовную академию. В Киев он пришел пешком, без денег. По сохранившимся данным этого периода известно, что Йован Раич был одним из самых прилежных и успешных студентов. Учебу он закончил за три года с лучшими оценками. Как записал один из студентов, Киевская духовная академия для сербов того времени была «Новым Иерусалимом», потому что это было единственное место, где сербы могли на славянском языке изучать богословские книги и при этом не бояться, что их будут заставлять перейти в другую веру. Следует упомянуть, что сербы как раз посредством русских школ во второй половине XVIII в. начали знакомиться с основами рационализма и просвещения. Рационалистические и просветительские взгляды на историю Раича, вероятно, развивались под влиянием Феофана Прокоповича, который в труде «Букварь, или Первое учение отроком с Катехизисом», между прочим изложил некоторые методологические основы исторической науки, не утратившие актуальности до сих пор. Сербам были известны методологические рекомендации Феофана Прокоповича в переводе Захарии Орфелина, опубликованном в 1767 г.⁵ Приведем некоторые из них, оказавшие влияние на труды Раича, например, об истории: «История есть описание всего, что когда-то случилось на свете», или «Чтобы лучше понимать историю, потребно знать географию... а также хронологию, то есть науку о времени». Интересно деление истории, в

⁴ Радочић Н. Српски историчар Йован Раич. С. 30–38.

⁵ Они были известны Йовану Раичу по русскому оригинальному тексту.

переводе Орфелина звучащее таким образом: «Существуют две истории: духовная и мирская. Духовная история также двойка: события, приведенные в книгах Старого и Нового завета, и церковная, происходящая после, например, соборы и другое». Далее говорится: «Светская история состоит из разных ветвей: универсальная или вселенская история, касающаяся всех царств и земель с начала существования света до наших дней, затем, история одного царства и народа, включающая биографию и деяния одного царя или генерала, и т. д. Затем история о зарождении искусства, ремесел и торговли и разных других вещей и событий из истории». Очевидно, что эти методологические начала находятся под влиянием средневековых взглядов на историю, но не исключают и рационалистическое мировоззрение⁶.

Окончив курс богословия в Киеве в 1756 г., Раич некоторое время проживал в Москве, а потом через Смоленск вернулся к себе на родину в Сремские Карловцы. Он хотел преподавать богословие, но обстоятельства уготовили ему иную судьбу.

В середине XVIII в. австрийские сербы, кроме угрозы потерять свою веру, испытывали и политическое давление. Государственная власть сужала автономию и сокращала привилегии, которые сербам были даны после «Великого переселения» сербов в 1690 г. При таких обстоятельствах возникла потребность в исторической науке, которая смогла бы доказать, что сербы — народ с государственной традицией и с достоинствами, которые ни в чем не уступают соседним народам. Использовать славу былых времен для доказательства политических требований было характерно и для других народов в XVIII и XIX вв. Кроме политической, история была и духовной потребностью общества, поскольку у сербов не было развито направление гражданской истории.

Раич под влиянием сербской среды и церкви решил начать писать историю своего народа. С исследовательской целью он отправился в очень долгий и интересный путь. Через Австро-Венгрию он снова оказался в Киеве, где изучал русскую историю и литературу. Потом через Молдавию он двинулся в Константинополь, а оттуда — на Святую гору Афон, где находится сербский средневековый монастырь Хиландар, в котором хранятся многочисленные рукописи

⁶ *Джурич Дж.* Раичева история у српской историографии 18. Века — Янкович, Орфелин, Раич // 36. Йован Раич. Историчар, песник и црквени великодостојиник. Нови Сад, 2002. С. 189–197.

периода сербского средневекового государства. Переписав эти рукописи, в конце 1758 г. Раич через Сербию вернулся в Австрию, в родные Сремские Карловцы. Некоторое время он занимался преподавательской деятельностью, а потом отправился в Темешвар (Венгрия), а в 1764 г. вернулся в Новый Сад. В Новом Саде Раич преподавал ряд предметов священникам до 1772 г., а потом принял монашество и стал игуменом монастыря Ковиль⁷.

Свое самое крупное произведение — «История разных славенских народов наипаче Болгар, Хорватов и Сербов» в 4-х томах — Раич закончил в 1768 г. Написанный на архаичном русском литературном языке, этот труд был напечатан позже, по инициативе сербского митрополита Стевана Стратимировича, в 1794—1795 гг.

Сначала Раич хотел написать историю русских и сербов, поскольку он считал русских самым важным славянским народом. Но от этого намерения он отказался по причине масштабности работы, для которой не имел достаточных исторических источников.

Труд Раича является первой сербской историей, созданной на основе исследования и сбора материала из разных источников и, что еще важнее, — на основе научной критики достоверности и точности данных источников. В первом томе Раич описал некоторые из варварских племен и переселение славян на Балканы. Во втором томе он изложил историю хорватов и сербов до битвы на Марице в 1371 г. В третьем томе описана история сербов со времен князя Лазаря до Мохачской битвы, а в четвертом — история сербов под австрийской властью. В приложениях находятся списки государей, географические карты и выписки из важнейшего средневекового юридического документа — Законника Стефана Душана.

В те времена, когда Раич писал свою работу, было очень трудно найти нужные книги и особенно исторические источники, которые находились в удаленных монастырях и архивах, что объясняет многочисленные пропуски в исследованиях. Для критики исторических источников Раич иногда применял странные критерии. Если три источника не совпадали по хронологии определенного события, Раич брал средний, или всегда больше верил сербским источникам, чем иностранным. Такую недоверчивость к иностранным источникам мы встречаем и у русских историков того времени, особенно касающихся варяжского вопроса, т. е. вопроса о происхождении русского народа.

⁷ *Радойчић Н.* Српски историчар Ђован Раич.

В предисловии Истории, опубликованной Раичем в 1795 г., написано, что обязанность историка — «просто и правдиво описывать события».

История Раича написана в просветительском духе. Неудачи государей и крушение их государств он объяснял непросвещенностью народов. В своих текстах он никогда не упускал возможности хвалить науку и критиковать незнание и невежество.

О большом значении русского влияния на сербскую историографию XVIII в. говорит и тот факт, что кроме «Истории» Йована Раича в XVIII в. у сербов опубликовано всего два исторических произведения, и оба они связаны с Россией. Первое — «Краткое введение в историю славяно-сербского народа» — написано Павле Юлинцем, который также учился в России и построил карьеру русского дипломата. Вторым произведением является «Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца Всероссийского с предположением краткой географической и политической истории о Российском царстве, ныне перее на славенском языке списана и издана», написанное Захарией Орфелином⁸.

Из всего сказанного легко можно заключить, что начало сербской исторической науки тесно связано с русским влиянием. Последнее состояло в большом культурном и политическом значении России для сербов в Австрии в XVIII в., в обучении сербских интеллектуалов в русских школах и на факультетах, а также и в заимствовании методологических принципов русской исторической науки.

⁸ Подробнее см.: *Радойчић Н.* Захария Орфелин као историчар // Гласник Историјског друштва у Новом Саду. Кн. VI. С. 263.

**Исторический аспект этнографического памятника:
черногорские костюмы в собрании Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук**

Музейные собрания представляют интерес не только как памятники материального и духовного наследия человечества, но и как свидетели исторических процессов и событий. К таким по праву можно отнести костюмы черногорца и черногорки, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук — наследнике и приемнике первого российского государственного общедоступного музея Кунсткамеры. Первоначально, в 1838 г., костюмы были размещены в Царскосельском Арсенале¹, затем поступили в 1886 г. в Императорский Эрмитаж² и в 1899 г. были переданы в Музей антропологии и этнографии³.

В царствование Николая I в Царскосельском Арсенале хранилось одно из богатейших собраний оружия в Европе и самое богатое по восточному оружию. Николай I, отличавшийся, по мнению современников, особым вниманием к рыцарским традициям, любил хорошее оружие. «Родоначальницей» его собственного собрания стала турецкая сабля, взятая в кампании 1811 г. на Дунае⁴.

Относительно черногорских костюмов существует выписка из инвентарной книги Царскосельского Арсенала: «оба наряда поднесены в 1838 г. полковником Озерецковским»⁵. Яков Николаевич Озерецковский (1804–1864), сын российского естествоиспытателя, академика Николая Яковлевича Озерецковского⁶, вошел в историю как извест-

¹ Архив ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 83; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 77 об.

² Архив ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 82.

³ Книга поступлений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Колл. 533.

⁴ Царскосельский музей с собраниями оружия, принадлежащего Государю императору. СПб., 1860. С. 2.

⁵ Архив ГЭ. Оп. 5. Д. 17. Л. 83; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 77 об.

⁶ Н. Я. Озерецковский был директором Кунсткамеры Академии наук с 1800 по 1827 гг. См.: *Станюкович Т. В.* Музей антропологии и этнографии

ный деятель Новороссийского края, участник кавказской, турецкой, иранской военных кампаний, он также оставил и литературное наследие. В 1830-е гг. Яков Озерецковский служил в корпусе жандармов в чине подполковника, состоял при шефе корпуса графе А. Х. Бенкендорфе. С секретным поручением был отправлен в Вену (1836–1839), где собирал сведения о настроениях в национальных окраинах Австро-Венгрии и в соседних с нею странах⁷.

События в Черногории исторически входили в поле политических интересов России в ее противостоянии Османской империи. С конца 1830-х гг. Черногория становится крепкой опорой России в Балканском регионе; открытое участие России в делах Черногории оказывает значительное влияние на развитие Черногории как государства⁸. Петр II Петрович Негош (1813–1851), светский и духовный правитель Черногории с 1830 г.⁹, просветитель, поэт, продолжает политику своих предшественников и ищет поддержки у России. В 1837 г. он едет в Санкт-Петербург к императору Николаю I, однако во время пути возникает конфликт: поверенный в российских делах в Вене сообщает, что Негош обращался в Французскую Миссию за паспортом для проезда в Париж, но, получив отказ, высказал желание ехать в Россию.

Проведенное расследование¹⁰ исчерпало конфликт, и Петр II Петрович Негош был представлен Николаю I. В правительственных кругах России на Негоша смотрели с недоверием: он казался слишком молодым для своего церковного сана и тяжелой ответственности по управлению страной, в которой ему было сложно найти помощь и сочувствие¹¹.

за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1964. Т. XXII. С. 38.

⁷ *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский архив: (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 2003. Вып. XII. С. 304–305.

⁸ *Анашков Ю.* Защитники вольных людей. Черногория и Россия от времен Екатерины II до Крымской войны // Родина. Вып. 1–2. 2001. С. 97; *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский // Исторически записи. XX. XXIV. Т. 1. Титоград, 1967. С. 5.

⁹ Отметим, что традиционно правители Черногории совмещали светскую и духовную власть. В 1831 г. Петр II Петрович Негош становится архимандритом.

¹⁰ В Черногорию для проведения расследования отправился И. М. Гагич, российский вице-консул в Рагузе (Дубровнике) и Далмации.

¹¹ *Ровинский П. А.* Петр II Раде Петрович Негош: Владыка Черногории: 1830–1851. СПб., 1889. С. 81.

Николай I пожаловал 80 000 рублей ассигнациями ежегодно на благоустройство народа Черногории¹². Правитель Черногории выразил свою благодарность российскому императору в письме: «Всемиловитейший Государь! Позвольте, великодушный монарх и милосердный покровитель наш, пред отъездом моим изъявить именем народа черногорского живейшую нашу благодарность за все изливаемые на нас благодеяния. Мы чувствуем всю важность их. Единый Бог воздаст православной России за неоставление единоверного и единоплеменного ей народа. Нам токмо остается употребить все усилия наши сохранить непорочную честь славян, к семейству коих великому и Богом благословенному, имеем счастье принадлежать»¹³.

В письме исполняющего обязанности министра иностранных дел в 1837–1838 гг. К. К. Родофиникина к Д. П. Татищеву, занимавшему в те годы должность чрезвычайного и полномочного посла в Вене, говорится, что «... при сем представлении Его Величеством сделаны Петру Негошу самые строгие, но с отеческой милостью произнесенные, ясные и понятные для всего ума замечания касательно его поведения, а наипаче желания, которое он имел, проехать из Вены в Париж и Лондон, где бы, без сомнения, сделался бы слепым орудием врагов общего спокойствия. Сколько ни праведно было неудовольствие противу Правителя Черногории, нельзя было однако же не обратить внимание на донесение Вице-Консула Гагича, который по предписанию Министерства ездил в Черную Гору для исследования на месте положения народа и сделанных на Архиепископа наветов. Из донесения его явствует, что сии последние не во всех частях основательны, что народ действительно претерпевает большую нужду, но имеет доверие к своему Владыке, и что если в иных случаях поведение Преосвященного Негоша не вполне соответствует достоинству сана, коим он облачен, то это приписать было можно молодости и неопытности его, нежели закоренелым порокам.

Основываясь на сем донесении и принимая во внимание в сообщении, что Архиепископ Негош более чем кто-либо другой может при настоящих обстоятельствах управлять народом Черногорским, во-первых, как назначенный по завещанию дяди своего¹⁴, во-вторых, как действительно имеющий в виду благо своего народа, и в-третьих, как

¹² Бокова В. Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 331.

¹³ Цит. по: Лавров П. А. Петр II Петрович Негош Владыка Черногории: Его литературная деятельность. М., 1887. С. 95.

¹⁴ Петром I Негошем (1747–1830).

человек с природным умом, доступный просвещению, Государю Императору благоугодно было явить новый опыт Всемилостивейшего благоволения к черногорскому народу, высочайше повелев послать оному временное пособие, но для наблюдения, чтобы сие пособие, назначенное от щедрот Августейшего нашего Монарха, было действительно употреблено на необходимое ныне обеспечение беднейших Черногорцев и на внутреннее благоустройство народа, Его Величеству угодно, чтобы находящийся в Вене подполковник Озерецковский сопутствовал Пресвященному Негошу в Черногорию и оставался там до дальнейшего распоряжения. Обязанность его будет состоять в том, чтобы иметь надзор над действиями Архиепископа, делать ему внушения к приличному благочестию, подавать советы касательно внутреннего благоустройства народа, отклонять от всяких неприязненных действий противу турок и строго наблюдать, дабы сказанное Всемилостивейшее пособие именно было употреблено на тот предмет, на который оно предназначено. Вместе с тем подполковник Озерецковский воспользуется пребыванием своим в Черной Горе, чтобы собрать подробнейшие и положительные сведения о сей стране, доселе во всех отношениях малоизвестной. Сведения сии тем более важны, что они покажут, какие Черногория имеет собственные средства, остающиеся пока без внимания, и на какие предметы преимущественно должны быть обращены усилия Владыки»¹⁵.

Тем временем подполковник Я. Н. Озерецковский получил вексель на 11631 гульден достоинством 26660 руб. 60 коп.¹⁶ временного пособия, отправился из Вены в Триест, где встретился с черногорским владыкой, и в начале августа 1837 г. правитель Черногории Петр II Петрович Негош и подполковник Я. Н. Озерецковский высадились в тогда австрийской крепости Катаро (ныне г. Котор), где, по предварительному распоряжению Негоша, их встретили празднично одетые черногорские воины, сопроводившие их в центральное селение Черногории — Цетинье¹⁷.

Яков Озерецковский составил краткую экономико-географическую зарисовку страны и направил служебную записку чрезвычайному и полномочному послу в Вене Д. П. Татищеву с копией шефу корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфу. По мнению Я. Н. Озерецковского, отсутствие

¹⁵ Цит. по: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 334–335.

¹⁶ Там же. С. 334.

¹⁷ *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский. С. 11.

путей сообщения — проходимых дорог¹⁸ — есть одна из важных причин экономического и культурного недостатка населения: «Без сомнения, одна из главнейших надобностей Черногории есть дороги. Их вовсе не существует здесь ни внутри страны, ни к соседним землям, ни даже к крепости Катаро. Глыбы гор, через которые пробираются Черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и туесам, прыгая, так сказать, с камня на камень, позволяет им посещать Катаро, этот единственный пункт, откуда могло бы перейти к ним какое-нибудь понятие о Европейском устройстве, и куда с трудом приносят они на базар связками дрова, шерсть, кожи и пригоняют по несколько штук скота. Четырех или пяти часов ходьбы налегке достаточно черногорцу, чтобы дойти до Катаро от монастыря Цетинье. Но трудность, или, лучше сказать, непроходимость гор, преграждает путь оттуда для всякого торговца»¹⁹. Однако суровый рельеф помогал черногорцам противостоять нападениям со стороны Османской империи: «В течение многих столетий, оспаривая независимость своих скал и гор, она осталась по сие время на той же степени необразованного состояния, на которой устояла одна против Турции после падения Сербского царства»²⁰.

На основании географических заметок Озерецковского по распоряжению Николая I в Черногорию был отправлен горный инженер (впоследствии дипломат) Е. П. Ковалевский (1811—1868), чьи труды о Черногории широко используются исследователями²¹.

Во время пребывания подполковника Озерецковского в Цетинье Петр II Петрович Негош снова избрал Сенат, созвал народную полицию, ввел институт казначейства, продолжил и усилил работы по государственному строительству²². Также планировалось расширение застройки Цетинья каменными зданиями, например, для будущей

¹⁸ О дорогах в Черногории можно процитировать следующее интересное замечание: «С детства привыкнув к своим скалам, Черногорец считает не нужным для себя дороги и даже восстает против их проведения, утверждая, что дороги только облегчат врагам проход в неприступные доселе их твердыни». См.: *Макушев В.* Дневник путешествия из Дубровника в Черногорию // Русский вестник. М., 1866. Т. 62. С. 10.

¹⁹ Цит. по: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 338—339.

²⁰ Там же. С. 339.

²¹ *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 346, 366; *Милович Й.* Петар II Петрович Негош у свом времену. Титоград, 1984.

²² *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский. С. 12—19.

школы и для сенаторов. Отдельно отметим, что в 1838 г. на выделенные средства была построена резиденция Негоша, называемая «Бильярда» (здесь располагалась и бильярдная комната)²³. Здание служило не только резиденцией; в нем размещалась типография, библиотека, архив, а также и свой Арсенал — комната с трофейным оружием. Проект резиденции был разработан с участием Я. Н. Озерецковского²⁴.

Озерецковский не находит подтверждения слухам о неблагоприятном черногорском владыке, тревожившим российское правительство. Справедливо было о нем лишь одно мнение — он молод. Подполковник восклицает: «Я не считаю еще себя старым, но чувствую, что приходит время, в которое рад был бы подобному обвинению! Но, к несчастью, оно будет ложью!»²⁵ При том же сан Черногорского Владыки не может сделаться исключительно священным, пока Черногория не сойдет с своего воинственного образа жизни на жизнь мирную и гражданственную. Следовательно, пока не водворится мир со стороны Турции. Теперь Черногорский поп, с обритой бородою и двумя пистолетами за поясом — тот же воин»²⁶.

Яков Озерецковский покинул Черногорию осенью 1837 г. тяжело больным. Негош с вниманием и благодарностью относился к его советам и рекомендациям, кроме того их связали и искренние дружеские отношения. К отъезду Озерецковского из Черногории Негош опубликовал посвященное ему стихотворение в издании «Грлица» (1839)²⁷. По возвращении в Вену Озерецковский, терзаемый равнодушием остальных к положению черногорского народа, решает ехать в Петербург, хотя доктора и давали ему не более полугода жизни. Подполковник планировал передать императору Николаю I точные и подробные сведения о Черногории, представить личность черногорского правителя в истинном свете, опровергнуть ходившие о нем ложные слухи, а также обратить благосклонность императора к далекой стране. Еще в Вене Я. Н. Озерецковский подготовил подробный отчет о Черногории для императора

²³ *Латкович В.* Петар Петрович Негош. Београд, 1949. С. 115.

²⁴ Негош у слици и у риечи. Титоград. 1974. С. 85.

²⁵ Заметим, что Я. Н. Озерецковскому в 1837 г. было 33 года, Петру II Негошу — 24.

²⁶ Цит. по: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. С. 345.

²⁷ *Павичевич Б.* Негош и Яков Николаевич Озерецковский; *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковальевскога и Чевкина Владици Раду // Споменик Српске краљевске академије. LXXXI. 1935. С. 3.

Николая I. В отчет вошли: краткая хронологическая таблица исторических происшествий в Черногории с 1389 по 1820 г., статистические сведения, информация о нападении турок на границы Черногории с 15 августа по 8 октября 1837 г., заключение, сделанное капитаном корпуса горных инженеров Озерским о рудах в Черногории на основании вывезенных из страны образцов пород, сведения о монастырях, информация о разделении страны, уже в Петербурге были написаны заметки политического характера²⁸. К отчету Озерецковский приложил альбом с зарисовками Черногории и черногорцев и географической картой страны, скопированной им с карты, выполненной Твердохлебовым, с объяснением административного деления²⁹. Кроме того, для демонстрации вывезенных из Черногории мужского и женского костюма подполковник заказал в Вене две деревянные статуи, которые были выполнены профессором Кеземаном с удивительным мастерством. Для статуй были сделаны парики из натуральных волос³⁰.

Черногорский альбом был передан императору Николаю I через графа А. Х. Бенкендорфа. Император оставил его в своем кабинете, где любовался им вместе со своим семейством и вельможами. Я. Н. Озерецковский пишет черногорскому владыке из Петербурга о представлении деревянных скульптур в черногорских костюмах: «Через день я выпросил у Графа позволение представить Государю костюмы; Его Величество приказал мне поставить их у Себя в столовой в Аничковом дворце, где теперь живет по случаю пожара Зимнего дворца. Я привез своих статуй, свинтил их, нарядил, причесал на славу и поставил в столовой зале, где в тот же день любовались ими Государь, Государыня, Наследник и все, кому позволен въезд во дворец. Ее Величество в один день изволила приходить четыре раза взглянуть на Черногорцев. Потом через три или четыре дня Государь приказал отвести их в Царское Село в новый арсенал, который составляется для лица, арсенал богатый и, вероятно, один из знаменитейших в мире, — я сам отвез туда моих друзей Черногорцев и поставил их на видном месте»³¹.

²⁸ Черногорско-русские отношения: 1711–1918. Т. 1: Русские архивные документы о Черногории с конца XVIII по середину XIX в. Подгорица; Москва, 1992. С. 194–225.

²⁹ Негош у слици и у риечи. С. 90.

³⁰ Вуксан Д. Писма Озерецковскога, Ковальевскога и Чевкина Владици Раду. С. 7.

³¹ Там же. С. 8.

Необходимо отметить, что в исторической ретроспективе костюм черногорцев — это демонстрация независимости и самобытности, сопротивление турецкому владычеству и притязаниям. Христианским народам, жившим в Османской империи, запрещалось носить одежду ярких цветов, богатого материала и, вдобавок, имеющую позолоченные или серебряные украшения. Черногорцы считали, что и ношением такой яркой, богатой одежды они наглядно показывают свою готовность отстаивать независимость. В черногорском мужском костюме мы найдем еще одно воплощение исторического сюжета — следует обратить внимание на головной убор. Подобная шапка («шишак», «завратка») получила самое широкое распространение во времена Петра II Негоша, он всячески поощрял ношение такого головного убора как обозначения сербства³². В его же время цветовой решение убора получило символическое толкование. Красный верх — кровавое озеро, в котором со времен битвы при Косово находилась Черногория; кровь сербов, пролитая на Косовом поле. Черный шелковый околышек — скорбь о потере независимости при сражении на Косовом поле³³.

Итак, Озерецковский был представлен российскому правителю и получил благодарность за аналитические отчеты о Черногории. За результативную деятельность в Черногории подполковник Я. Н. Озерецковский по приказу императора был произведен в полковники, также император пожаловал ему бриллиантовую табакерку³⁴.

Таким образом, черногорские костюмы, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, являются своего рода памятниками внешней политики России эпохи Николая I и развития отношений со славянскими странами.

³² *Влахович М. С.* О найстарийой капи код Югословена с обзиром на збирку капа Этнографского музея у Београду // Зборник Этнографского музея у Београду. 1901–1951. Београд, 1953. С. 151.

³³ Фриллей и Влохити: Современная Черногория. СПб., 1876. С. 52; *Влахович М. С.* О найстарийой капи код Югословена с обзиром на збирку капа Этнографского музея у Београду. С. 151; *Wyon Reginald, Prance Gerald.* The Land of the Black Mountain. The Adventures of Two Englishmen in Montenegro. London, 1903 // Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/17613> (дата обращения: 02.09.2008).

³⁴ *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковальевскога и Чевкина Владици Раду. С. 8.

Представители королевской династии Карагеоргиевичей в учебных заведениях Санкт-Петербурга

Исторические связи русского и сербского народов уходят своими корнями в глубокую древность. Взаимоотношения наших народов всегда имели особое звучание. Даже краткий экскурс в историю, которая на протяжении веков была общей, свидетельствует о большой духовной близости и часто возникающем переплетении национальных интересов. Этому способствовало и этническое родство, и близость языков. Еще более сблизило два народа появление славянской азбуки, созданной солунскими братьями Кириллом и Мефодием в IX в. Династические связи объединяли Дом Романовых и Сербский Королевский Дом¹. Эти связи носили характер не только политический — не меньшее родство наши народы испытывали и в сферах культуры, науки, образования.

Контакты с Россией стали особенно активно набирать силу с начала XVIII столетия. В эпоху правления Петра I сербы и черногорцы стали активно проникать в Россию и поступать на государеву службу. Многие из них оставили заметный след, немало потрудившись во славу русской науки и культуры, достигнув при этом высоких чинов при русском дворе. Поскольку разговор в дальнейшем пойдет об образовании, то нельзя не упомянуть яркую фигуру сербского купца Саввы Лукича Владиславич-Рагузинского (ок. 1669–1738). Судьба забросила его в Россию в самом начале XVIII в. Круг его интересов был необычайно широк. Обладая великолепным художественным чутьем, Рагузинский немало сделал для развития культуры Нового времени в России. Он неоднократно выполнял поручения Петра I о покупке и отправке в Россию произведений искусства, выполняя функции художественного агента на западных аукционах.

Сложно недооценить талант Рагузинского во время его работы на дипломатическом поприще. Служа в Посольском приказе, он в 1711–

¹ *Сидорченко В. И.* Дом Романовых: Энциклопедия биографий. Красноярск; М., 2003. С. 292.

1722 г. был представителем России в Черногории и итальянских государствах. В 1725—1728 г. возглавлял русское посольство в Китае².

Во время дипломатической службы Рагузинского в Венеции, благодаря его стараниям как дипломата, формировалась коллекция античной скульптуры Летнего сада. В 1716 г. С. Рагузинский прислал царю список закупленных им в Венеции мраморных статуй: Полночь, Утро, Вечер, Полдень, Фатум, Помона и другие статуи и бюсты. Вскоре скульптуры были установлены на Главной аллее Летнего сада³. Рагузинскому удалось приобрести статую античной Венеры, найденную в Риме, которая и по сей день является украшением античного отдела Эрмитажа. Он курировал в Венеции обучение присланных из России учеников живописи и архитектуре⁴. Можно смело связать имя Саввы Рагузинского с формированием художественного, эстетического вкуса первых жителей молодой столицы.

Была еще одна сфера, в которой опыт сербов пригодился царю-реформатору. При создании российского флота в качестве советников были приглашены сербы из области, славившейся морскими традициями: исторической области Далмация (ныне — территории Хорватии и Черногории). Знания и опыт, которыми располагали сербы, пришлось весьма кстати. Они были направлены на обучение русских моряков и кораблестроителей. Имена русского адмирала Матвея (Матия) Измаиловича Змаевича, советников Петра I по морским вопросам Иеронима Наталича, Иво Тудизича вписаны в историю создания русского балтийского флота.

Взаимодействие сербской и русской системы образования шло постоянно и имело много общего. Здесь можно проследить определенную преемственность. Получив разрешение открывать свои школы, сербы во время царствования Габсбургской монархии пригласили русских просветителей. В 1725 г. в Белград уехал синодальный переводчик Максим Суворов, в 1733 г. — Эммануил Козачинский. Они привезли с собой русские учебники (десятки букварей, катехизис Феофана Прокоповича, грамматику Мелентия Смотрицкого), которые использовались в учебном процессе. Так благодаря проникновению русской книги в среду австрийских сербов в их культуру постепенно входил и русско-славянский язык. Наряду с русской редакцией церковно-славянского

² Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 21. С. 330.

³ Сады и парки Ленинграда / Сост. В. П. Иванова. Л., 1981. С. 22.

⁴ Раков Ю. А. Энциклопедические заметки о Петербурге. СПб., 2003. С. 287.

языка сербы получили из России и гражданскую кириллицу. На протяжении XVIII столетия светские произведения сербские авторы писали как на церковно-славянском, так и на русском языках⁵.

Семену Гавриловичу Зоричу (Неранчичу) (ок. 1745–1799), представителю древнего дворянского сербского рода, состоящему на службе в русской армии, дослужившемуся до звания генерал-лейтенанта, суждено было стать основателем первого в Российской империи частного кадетского корпуса. В ноябре 1778 г. в городе Шклов Могилевской губернии он открыл Шкловское благородное училище для мальчиков из обедневших дворянских семей. Создавалось училище по примеру столичных корпусов. В училище была своя библиотека; картинная галерея; музей, в котором были представлены чучела птиц и зверей, карты, глобусы, модели машин и физические приборы. За основу системы обучения в Шкловском благородном училище был взят разработанный в 1765 г. И. И. Бецким «Устав Императорского Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса». С. Г. Зорич внес ряд преобразований в учебный процесс, что позволило сократить срок обучения в училище, но при этом не пострадал ни качественно, ни количественно объем дисциплин. Наряду с общеобразовательными дисциплинами преподавали высшую математику, артиллерию, тактику, гражданскую и военную архитектуру. Зорич добился, чтобы выпускников его училища принимали на службу на тех же условиях, что и кадетов Императорских кадетских корпусов. Выпускники Шкловского благородного училища выделялись отличными знаниями, особенно в области математики⁶. По воспоминаниям Л. Н. Энгельгардта, выпускника 1788 г., дослужившегося до генеральского чина, «многие воспитанники выносили из училища большие сведения, особенно в области математики». Воспитанник Шкловского училища А. И. Маркевич (1788) стал известным ученым-артиллеристом и директором II кадетского корпуса; Н. Н. Петряев (1789) издал несколько оригинальных и переводных сочинений по математике, фортификации и механике. Ряд воспитанников добились блестящей офицерской карьеры. Выпущенный из Шкловского благородного училища в 1799 г. штабс-капитан Г. Н. Кусаков получил за взятие крепости Измаил золотую шпагу «За хра-

⁵ *Шемякин А.* Великий и могучий против унии // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. 2003. № 10. С. 55.

⁶ *Молодцова В.* У Зорича в Шклове // Учительская газета. 2003. № 34. 19 августа. С. 3.

брось»; кавалером ордена св. Анны III-й степени за сражение при г. Пулутск во время русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. стал штабс-капитан Ф. А. Бердяев. Впоследствии, после ряда реорганизаций, училище было переведено в 1800 г. в Гродно, в 1807 г. в Смоленск. С 1824 г. училище находилось в Москве, где оно существовало под именем Первого Московского кадетского корпуса⁷.

Фигура Семена Зорича весьма неоднозначна в российской истории. Но, пожалуй, самым благим делом его непростой жизни было создание Шкловского благородного училища. Им создан и первый на территории современной Беларуси театр оперы и балета. В сентябре 2007 г. в рамках празднования Дня белорусской письменности в г. Шклове появился памятник сербу Семену Зоричу — российскому генералу, открывшему новые вехи в истории образования и культуры белорусского народа. Надпись на памятнике лаконично гласит: «Семену Гавриловичу Зоричу от благодарных шкловцев».

История еще раз возвращается бумерангом, когда спустя пять десятилетий после просветительской миссии М. Суворова и Э. Козачинского в Сербии, в Россию будет приглашен представитель древнего сербского рода Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814). Блестящий педагог, он изучал в Венском университете юриспруденцию, государственные и экономические науки. Янкович де Мириево принимал участие в осуществлении реформы по введению в Австрии новой системы народного образования. Новая система заключалась в концентрации начальных и высших народных школ, более тщательной подготовке учителей, рациональных приемах преподавания, установлении специальной учебной администрации. После успешного утверждения новой системы образования в Австрии Екатерина II задумала взять ее на вооружения для введения в России. Вскоре один из авторов новой системы Янкович де Мириево был представлен российской императрице австрийским императором Францем Иосифом.

В 1772 г. Ф. И. Янкович де Мириево приехал в Россию. Он вошел в состав комиссии по учреждению народных училищ. Комиссии было поручено заниматься организацией народных училищ, подготавливать для них учителей, составлять необходимые учебные пособия. Во всех этих начинаниях Янкович де Мириево принимал самое активное участие. Он занимал должность директора Санкт-Петербургского главного народного училища, где происходило обучение учителей. Федор Иванович

⁷ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 34–35.

участвовал и в составлении учебных планов для Сухопутного, Артиллерийского, Инженерного корпусов. Им были разработаны программы для Общества воспитания благородных девиц и училищ для девиц мещанского происхождения. В 1783 г. Ф. И. Янкович де Мириево был избран членом Российской академии наук⁸. Система, созданная сербским просветителем, на долгие годы утвердилась в России.

Можно упомянуть еще одного потомка сербских дворян, переселившихся в Россию при Петре I, Михаила Андреевича Милорадовича (1771–1825). Он занимал с 1818 г. пост петербургского военного генерал-губернатора, был членом Государственного совета и Кабинета министров. Затрагивая аспекты его деятельности на этом посту, связанные с образованием, следует отметить, что в годы его управления в Санкт-Петербурге были открыты Михайловское артиллерийское училище (1820), Женский патриотический институт (1822) и Ботанический сад (1823)⁹. Эти учреждения внесли значительный вклад в развитие образования в Санкт-Петербурге.

Впоследствии дети сербских и черногорских наиболее знатных княжеских родов будут получать образование именно в Санкт-Петербурге, что еще раз подчеркивало значимость тех долгих связей и традиций, сложившихся между нашими странами в области образования. История движется по спирали, и зачастую события на новом ее витке оправданы, поскольку логично продолжают происходившее ранее.

XIX столетие в сербской истории — непростой век противостояния двух сербских династий, Обреновичей и Карагеоргиевичей¹⁰. В мае 1903 г. в Сербии королевская чета Обреновичей пала от рук заговорщиков. К власти пришел Петр Карагеоргиевич (1844–1921). До этого его именовали как «Претендента на сербский престол». Народная молва окрестила Петра Карагеоргиевича «королем-изгнанником». Большую часть жизни он прожил вне Сербии (во Франции, Швейцарии, Черногории), скрываясь от преследований династии Обреновичей. Петр Александрович Карагеоргиевич был женат на старшей дочери князя Черногории Николая I Негоша Зорке Любице Петрович-Негош (1864–1890). Несмотря на всю сложность династического противобор-

⁸ Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. Яблоновский — Фомин. С. 135–139.

⁹ Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.; М., 2004. С. 518.

¹⁰ Вишняков Я. Котел с расплавленным металлом // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. 2003. № 10. С. 83.

ства в Сербии, князь Черногории не смог отказать в руке своей дочери внуку великого Карагеоргия, легендарного вождя Первого сербского восстания, Верховному вождю сербского народа. В 1883 г. свадьба состоялась. Так в роду Карагеоргиевичей появилась выпускница Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольного института).

Смольный институт стал единственным в России женским учебным заведением, где получили образование высочайшие особы — «августейшие дочери Короля Черногории Николая I»¹¹. «Их Императорское Величество, — сообщалось Совету Общества осенью 1875 г., — согласно желанию Их Светлостей владетельного князя Черногорского и его Супруги, Высочайше повелеть соизволили: принять двух старших их дочерей, 11 и 9 лет, в Воспитательное благородных девиц, с тем, чтобы они находились под особым попечением г-жи Начальницы, пользовались отдельным помещением, равно содержанием, и имели свою особую наставницу и горничную, но посещали классы вместе с другими воспитанницами»¹². Сначала зачислили двух старших дочерей Любицу и Милицу. Через год в Смольный прибудет на обучение Анастасия. Позже еще три младших дочери черногорского князя будут проходить обучение в стенах Смольного института.

Годом основания Смольного института считается 1764. Учрежден он был указом императрицы Екатерины II как закрытое Воспитательное общество благородных девиц. Являлся первым и самым привилегированным из институтов благородных девиц. Предназначался для 200 воспитанниц из семей потомственных дворян. Екатерина II, состоявшая в переписке с французскими просветителями и находясь под воздействием их идей, понимала всю значимость силы образования и воспитания. Связь между благосостоянием народа и его культурным уровнем была очевидна. Сподвижником императрицы в вопросах создания нового проекта общегосударственной системы образовательных учреждений стал государственный и политический деятель Иван Иванович Бецкой. При создании Воспитательного общества было решено воспользоваться уже имевшимся в Европе опытом. Своеобразным прообразом послужил женский институт Сен-Сир, который И. И. Бецкой

¹¹ Цит. по: *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: Ист. Очерк: 1764–1914: в 3 т. СПб.; Пг., 1914–1915. Т. 3. С. 541.

¹² Цит. по: *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. С. 541.

видел во время своего пребывания во Франции. Устав Воспитательного общества, написанный И. И. Бецким, не допускал монастырской суровости института Сен-Сир — в России не хотели слепо копировать работу французских педагогов¹³. Новое учреждение видело свою благородную миссию в воспитании женщины, матери, способной растить образованного, высоконравственного гражданина. Такая задача возлагалась на дочерей русских дворян, которых должно было подготовить Императорское воспитательное общество. Торжественное открытие состоялось 4 августа 1764 г. в стенах Воскресенского Новодевичьего монастыря. (В 1808—1809 гг. архитектор Джакомо Кваренги построит отдельное здание для Общества, в стенах которого оно и просуществует до своего закрытия летом 1917 г.). Работа Императорского воспитательного общества для благородных девиц изначально была встречена российским дворянством с большой настороженностью. Сказывались консервативные взгляды на воспитание и образование дворянских детей, особенно дочерей. Идеи общественного, а не домашнего воспитания с трудом воспринимались обывателями. В соответствии с проектом И. И. Бецкого первоначальный срок обучения составлял 12 лет. Воспитанницы поступали в институт в 6-летнем возрасте, а завершали обучение в 18 лет. Впоследствии срок обучения был сокращен до 9 лет, и девочек стали принимать с 9 лет. Воспитанницы делились на 3 возрастные группы. Различить учениц Смольного института (это учреждение называли по месту изначального расположения) можно было по цвету фартуков. Младшие носили «кофейные» фартуки, средние — «голубые», старшие — «белые». Девочек обучали Закону Божьему, языкам, истории, географии, арифметике, началам физики, рисованию, танцам, музыке, хорошим манерам, рукоделию и домоводству.

Зорка Любича (или Любича Николаевна, как ее звали на русский манер), старшая дочь черногорского князя, будущая жена Петра Карагеоргиевича, и ее сестры получали образование уже по обновленной программе. В 1859—1862 гг. инспектор классов Смольного института, известный российский педагог Константин Дмитриевич Ушинский, провел ряд прогрессивных преобразований. Курс обучения стал семилетним. Ушинский ввел новый учебный план, в котором более серьезное внимание уделялось преподаванию русского языка, географии, истории, естествознания. Появились наглядные приборы, большее

¹³ Данилова А. Благородные девицы: Воспитанницы Смольного института: Биографические хроники. М., 2005. С. 17.

внимание отводилось преподаванию физики и химии. В лучшую сторону изменился и уровень преподавательско-педагогического состава¹⁴. Образование велось на русском языке. Черногорские княжны, приехав в Россию, начали учить русский язык. Изучение чужого языка давалось непросто. На первых порах юным княжнам было нелегко поспевать за учебной программой¹⁵. Искренность и доброжелательность августейших воспитанниц помогли им освоиться среди новых подруг. Годы обучения трех старших сестер совпали с тревожными событиями на Балканах. Русско-турецкая война 1877—1878 г. наложила отпечаток на жизнь смолянок. «Первые годы пребывания княжон в Смольном, — вспоминала одна из воспитанниц, — князь Николай Черногорский не мог их брать к себе. В то время вспыхнуло восстание в Боснии, Герцеговине, Сербии, а затем началась война с Турцией. Все эти годы, с соизволения Императрицы Марии Александровны и Августейших Родителей княжон, О. А. Томилова возила их на лето в свое имение Успенское»¹⁶. О. А. Томилова — начальница Смольного института — как могла подбадривала юных княжон. Вместе с другими воспитанницами княжны изготавливали корпию, шили белье для раненых. Смолянки перешивали свои камлотовые платья «для бедных детей черногорских». Воспитанницами было собрано 232 рубля 15 копеек «в пользу несчастных жителей Сербии и Герцеговины». Девушки отказывались от балов, прося перечислить причитавшиеся на эти мероприятия деньги в пользу раненых¹⁷. Любица, Милица и поступившая годом позже Анастасия вместе со своими русскими подругами переживали тревожные дни войны и вместе с ними же радовались победам.

«Смолянка» — стало именем нарицательным. Образованную, воспитанную, изящную девушку и по сей день можно охарактеризовать этим словом. И, видимо, не случайно Петр Карагеоргиевич, будущий сербский король, чьи симпатии всегда были на российской стороне, предложил руку и сердце юной смолянке. Повзрослевшая на невской земле, выучившая русский язык, впитавшая в себя все лучшее, что мог дать ей Петербург, Смольный институт, Зорка Любица ответила князю своим согласием.

¹⁴ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 812.

¹⁵ Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. С. 545.

¹⁶ Там же. С. 544.

¹⁷ Там же. С. 404—405.

К сожалению, державная супруга Петра Карагеоргиевича Зорка Любича прожила недолго. Поселившись с мужем в Черногории у своего отца, она ушла из жизни в возрасте 26 лет. После ее смерти осталось трое детей: старшая дочь Елена (1884–1962), сыновья Георгий (1887–1970) и Александр (1888–1934). Судьбы детей, так же как и судьба матери, будут связаны с Россией, с Санкт-Петербургом.

Воспитанием и образованием детей занимался их отец Петр Карагеоргиевич. Покинув Черногорию, он поселился в Швейцарии. Здесь дети получили начальное образование. 1899 г. русский дипломат А. П. Извольский — посол при Баварском королевском дворе в Мюнхене — был уполномочен поехать в Женеву и передать приглашение русского правительства. Сыновьям князя Петра предлагалось продолжать их образование в России за казенный счет. Приезд А. П. Извольского изменил ход семейной жизни Карагеоргиевичей. Предложение было принято, и летом в 1899 г. отец повез детей в Россию для продолжения образования. Начав обучение как внуки «черногорского» князя (деда по материнской линии), в 1903 г. из-за политических событий на их родине юноши окажутся в новом статусе — их отец станет королем Сербии¹⁸.

Старший сын Петра Карагеоргиевича — Георгий — «наследник сербского престола, Его Королевское Высочество Георгий Петрович, обучался в Александровском корпусе с 1900 до 1903 г.»¹⁹.

В 1882 г. Александр III распорядился: «Все военные гимназии именовать на будущее время кадетскими корпусами»²⁰. III Петербургская военная гимназия, открытая в царствование Александра II в 1873 г., получила в 1883 г. новый статус и стала именоваться Александровским кадетским корпусом. Генерал К. В. Рудановский прослужил директором Александровского кадетского корпуса 22 года (1878–1900). Инспектором корпуса был известный педагог-математик З. Б. Вулик. Они приложили немало усилий, чтобы воспитанники корпуса могли получить достойное образование. От кадет требовались основательные письменные работы по русскому языку, математике, иностранным языкам. Окончившие курс воспитанники писали в течение всего года

¹⁸ *Дурилин С. С.* Югославский король Александр I // Кадетская переключка: Периодический журнал объединения кадетских корпусов за рубежом. Нью-Йорк. Январь. 1979. С. 48–49.

¹⁹ *Михневич А. П.* Памятка Императора Александра I кадетского корпуса (1873–1903). СПб., 1903. С. 22.

²⁰ Там же. С. 19.

обстоятельные работы по истории. Наряду с военными дисциплинами были введены внеклассные занятия: рисование, скульптура, пение, музыка, ручной труд. В 1900 г. преемником К. В. Рудановского становится генерал-майор З. А. Макшеев.

Именно в этот период воспитанником корпуса становится Георгий Карагеоргиевич. На годы его обучения приходится ряд преобразований, введенных З. А. Макшеевым. Не отступая от прежних достижений, новый директор обратил особое внимание на организацию занятий кадет по естествоведению, физике, метеорологии и фотографии. В корпусе развивалось наглядное преподавание — с помощью волшебного фонаря велось преподавание истории, географии, Закона Божьего. Приобретались соответствующие инструменты для проведения практических занятий по этим дисциплинам, перестраивались помещения корпуса для удобства проведения в них практических занятий²¹. Военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин выражал неизменное внимание к внутренней жизни корпуса. В 1902 г. он приказал отпустить из кредита Военного министерства 30 тысяч рублей на оздоровление зданий корпуса²². Уделялось внимание и спортивным занятиям кадет — гребному спорту и лаун-теннису. Корпусный праздник приходился на сентябрь в день храмового праздника св. Сергия и Германа Валаамских. Жетон Александровского кадетского корпуса был утвержден 10 августа 1893 г.: белый погон с красным кантом и вензелем Александра II в обрамлении лаврового венка. На оборотной стороне вписывались фамилия, имя, отчество воспитанника и год окончания курса²³. Размещался корпус в специально построенном для него здании на Садовой улице в доме 10 (архитектор А. И. Вальбрехт)²⁴. О качестве образования говорил и тот факт, что среди обучающихся в корпусе были представители Дома Романовых. «С 1902 г. классы корпуса посещает для присутствия на уроках Его Высочество князь Константин Константинович, а с 1903 г. и Олег Константинович»²⁵.

²¹ *Покидов С. М.* Кадетский корпус императора Александра II за первые 30 лет существования: Статистические таблицы секретаря корпуса. СПб., 1903.

²² *Михневич А. П.* Памятка Императора Александра I кадетского корпуса (1873–1903). С. 22.

²³ *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 96.

²⁴ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 336.

²⁵ *Михневич А. П.* Памятка Императора Александра I кадетского корпуса (1873–1903). С. 22.

Георгий Карагеоргиевич, воспитывавшийся в Александровском кадетском корпусе, имел возможность получить достойное образование в Санкт-Петербурге. Став в 1903 г. наследником Сербского престола, он покинул российскую столицу. В 1909 г. титул наследника престола перешел к его брату Александру.

Александр Карагеоргиевич вошел в историю как король Югославии Александр I Объединитель. В начале XX столетия юный Александр, по приглашению российского императорского двора, получил образование в России. В 1899 г. он поступил в младший подготовительный класс Императорского училища правоведения, в котором прослушал младший и средний курсы подготовительного класса. Затем он продолжил получать образование в одном из блистательных корпусов России — Пажеском корпусе²⁶.

Датой зарождения корпуса принято считать 1759 г., когда была открыта придворная школа для подготовки пажей в Санкт-Петербурге²⁷. Официально Пажеский корпус был учрежден в 1802 г. как отдельное учебно-воспитательное учреждение для детей высокопоставленных и знатных семейств России, которых готовили в свиту Его Императорского Величества и в гвардию с 1810 г.²⁸ Назначение Пажеского корпуса, согласно положению, утвержденному императором Александром I, заключалось в следующем: «Пажеский Корпус есть училище для образования нравов и характера, в котором имеют быть преподаваемы нужные офицеру назначения: корпус сей есть такое военное установление, где благородное юношество через воспитание приготавливается к воинской службе строгим повиновением, совершенною подчиненностью и непринужденным, но добровольным выполнением должностей своих»²⁹.

Пажеский корпус размещался в Воронцовском дворце на Садовой улице дом 26 (архитектор Ф.-Б. Растрелли)³⁰. В число изучаемых в корпусе предметов входили Закон Божий, русский, французский и

²⁶ Памятная книжка Императорского училища правоведения на 1899—1890 год. СПб., 1899. С. XL; Памятная книжка Императорского училища правоведения на 1900—1901 год. СПб., 1900. С. X; Памятная книжка Императорского училища правоведения на 1901—1902 год. СПб., 1901. С. XII.

²⁷ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 636.

²⁸ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 37—38.

²⁹ Цит. по: Греков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений: 1700—1910. М., 1910. С. 19.

³⁰ Санкт-Петербург: Энциклопедия. С. 735.

немецкий язык, история, география, арифметика, алгебра, начальная и высшая геометрия, тригонометрия, физика, статика и механика, артиллерия и фортификация, рисование и черчение, танцы, фронт, езда и фехтование. В корпусе давали очень качественное образование, но и требования к воспитанникам были высокими. Знания оценивались объективно, вне зависимости от происхождения³¹. В Пажеском корпусе царил дух взаимопомощи и доброты, чести и отваги. Выпускники носили нагрудные знаки с изображением мальтийского креста и перстни с такой же символикой. Пажи разных годов выпуска, независимо от возраста и звания, узнав по этим символам однокашников, переходили на «ты» и были готовы помочь друг другу. Дух рыцарства был присущ выпускникам Пажеского корпуса. Существовало восемь заповедей, которые выпускники корпуса не забывали никогда:

Ты будешь верить всему, чему учит Церковь.

Ты будешь охранять Церковь.

Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником.

Ты будешь любить страну, в которой ты родился.

Ты не отступишь перед врагом.

Ты не будешь говорить неправду и останешься верен данному слову.

Ты будешь всем благотворить.

Ты везде и повсюду будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла³².

Эти заповеди навсегда остались в сердце царевича Александра Карагеоргиевича, который с большим успехом закончил Пажеский корпус в 1904 г.³³

Он не изменил им в тревожные 20-е гг. XX в., когда тысячи россиян оказались на землях его королевства. Он принял на территории своей страны ряд частей армии Врангеля, дал приют российской интеллигенции, духовенству. Благодаря королю Королевства сербов, хорватов и словенцев, бывшему кадету Пажеского корпуса, было сделано все возможное для устройства кадетов в этой стране. На базе оказавшихся в Югославии кадетских корпусов были открыты Первый русский великого князя Константина Константиновича и Крымский кадетский

³¹ *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 38.

³² *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений: 1700–1910. С. 21.

³³ Военная энциклопедия. СПб.; М. 1912. Т. XIX. С. 122.

корпуса³⁴. Бывший кадет, выпускник Пажеского корпуса, Александр Карагеоргиевич, награжденный орденом св. Андрея Первозванного, орденом св. Георгия 3-го класса, любивший Россию, Санкт-Петербург, следовал заповедям пажеской чести до конца своей жизни.

Оставила свой след в Санкт-Петербурге старшая сестра Георгия и Александра — Елена Карагеоргиевич. В России ее звали Еленой Петровной Сербской. Она вышла замуж за князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова. С 1915 до конца 1917 г. Елена Петровна с мужем и его теткой, греческой королевой Ольгой Константиновной, были последними из Романовых владельцами Павловского дворца. Иоанн Константинович вместе со своей верной спутницей Еленой Сербской после Февральской революции с целью гарантировать сохранность ценностей решили произвести инвентаризацию дворцового имущества. Они прекрасно понимали художественную, историческую значимость Павловска для культурного наследия России. Но судьба распорядилась иначе. В 1918 г. в Алапаевске погибнет Иоанн Константинович. Елена Сербская чудом вырвется из России, охваченной пламенем Гражданской войны.

Когда Елена Петровна и Иоанн Константинович жили в Павловске, решено было построить храм в местечке Тярлево, что находится вблизи Павловского парка. Деньги собирали всем миром — жертвовали и простые горожане, и члены царской фамилии. Княжеская чета не была в стороне.

Сейчас звук колоколов Спасо-Преображенского собора в Тярлево напоминает об Александре и Елене Карагеоргиевичах, любивших русский язык, русскую культуру, оставшихся верными Сербии, но не нарушивших обещаний, данных России.

³⁴ Крылов В. М. Кадетские корпуса и российские кадеты. С. 53.

Ответ Толстого и Достоевского на «восточный вопрос», 1875–1877. Образы себя и других

Когда в январе 1876 г. Ф. М. Достоевский начал публиковать «Дневник писателя», он намеревался записывать в нем свою оценку значимых текущих событий. Он хотел каждый месяц сообщать как частное лицо, о том, что видел, слышал, о чем читал. Предполагалось, что двенадцать выпусков «Дневника» составят единое целое — книгу, «написанную одним пером», где будет рассказываться в первую очередь о реально случившемся. Достоевский хотел вести дневник в самом буквальном смысле этого слова, поэтому он не стал включать в него литературную критику. Однако очень скоро он понял, что ставить перед собой какие-либо искусственные ограничения и скрывать от читателя, возможно, самые сильные свои впечатления лишь потому, что они были связаны с русской литературой, неверно. Публикация «Анны Карениной» стала как раз тем событием, не отметить которое Достоевский не мог. Новый роман Толстого был чем-то большим, нежели просто литературным произведением¹.

Достоевский признавал совершенство «Анны Карениной» как произведения искусства. Однако роман приобрел дополнительную значимость, поскольку публикация его последних глав совпала с началом русско-турецкой войны в апреле 1877 г. В сознании Достоевского оба эти впечатления — от романа и от начавшейся войны — оказались связаны воедино, их сочетание поразило самого писателя. Он подчеркивал, что автор «Анны Карениной» обладает огромным талантом, замечательным умом, что его чрезвычайно ценит и уважает интеллигенция. Взгляды Льва Толстого на современное состояние России, на «восточный вопрос» представляли большой интерес для всех соотечественников².

Позиции Достоевского и Толстого в «восточном вопросе» и в отношении русско-турецкой войны 1877 г. заслуживают особого внимания. Толстовское понимание «восточного вопроса» следовало, в целом,

¹ *Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1983. Т. 25. С. 195.*

² Там же. С. 193.

в русле политики «сосредоточения» (*recueillement*), проводимой российским правительством. Все внимание Александра II было приковано к давно назревшим реформам внутри страны. Во внешней политике официальные круги пытались сохранить мир и путем переговоров добиться приемлемого разрешения кризиса на Балканах. Однако взгляды Толстого, совпадавшие с правительственным подходом и отразившиеся в последней главе «Анны Карениной», подверглись критике со стороны многих известных писателей и даже вызвали небольшой скандал в литературных кругах.

Достоевский также был не согласен с позицией Толстого. Он выступал в поддержку энергичного вмешательства России в защиту угнетенных балканских народов, страдавших под гнетом турок. Более того, Достоевский прославлял русский народ за то, что «восточный вопрос» был воспринят в России не иначе как дело освобождения православных южных славян.

Однако точка зрения Достоевского круто поменялась, когда на свет появилась восьмая часть романа Толстого. Достоевский отмечал, что заключительная часть «Анны Карениной» была опубликована не в «Русском вестнике», где печатались все предыдущие выпуски этого произведения. Последняя глава вышла отдельным изданием, и Достоевский купил эту брошюру. Последняя глава вовсе не показалась ему «невинною» — напротив, он даже назвал ее «несчастной»³. При всем своем отвращении к критике современной литературы он решил все же написать об этой главе в следующем выпуске «Дневника».

Непримиримые позиции Толстого разделяли с Достоевским многие его современники. Как отмечал Достоевский, редакция «Русского вестника» отказалась публиковать последнюю часть «Анны Карениной». В литературных кругах знали, что это произошло, поскольку восьмая часть романа не совпадала с политикой журнала и убеждениями редакторов. Особенно остро разногласия проявились во взглядах Толстого на «восточный вопрос» и русско-турецкую войну 1877 г.

В 1875–1876 гг. неослабевающий турецкий гнет на Балканах вызвал восстания в Герцеговине, Боснии и Болгарии. Тяжелая судьба южнославянских земель, оккупированных Турцией, стала известна всей Европе. В Париже был создан Международный комитет помощи, который возглавил Митрополит Сербский Михайло Йованович. Его вице-президентом стал хорватский епископ Йосип Штросмайер. Ко-

³ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. С. 175, 202.

митет был призван помогать беженцам из этих областей. Поддержку его деятельности оказывали многие филантропические организации, в том числе и Славянское благотворительное общество, в рядах которого трудились русский публицист Иван Сергеевич Аксаков и графиня Антонина Дмитриевна Блудова⁴.

Достоевский обвинял Толстого в близорукости, в неспособности взглянуть на события в перспективе: Толстой видел лишь то, что находилось у него прямо перед глазами, не мог постигнуть того, что не попадало в поле его зрения.

Действительно, Толстой, когда писал «Анну Каренину», поддерживал официальную правительственную политику «сосредоточения» (*recueillement*). Он хорошо понимал потребность в тех глубоких преобразованиях, которые были проведены в 1860-е гг. Александр II сосредоточил свое внимание на внутренней политике, на реформах у себя в стране, стараясь избегать военного вмешательства на Балканах.

Однако деятельность славянских благотворительных комитетов, реакция на балканский кризис русской интеллигенции и широких слоев населения по всей России привели к пересмотру официальной позиции. Видные общественные деятели, такие как И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, Г. И. Успенский, В. И. Немирович-Данченко, часто выступали в поддержку южных славян.

Петр Ильич Чайковский тоже был сторонником славянского единства, и его известное сочинение, «Славянский марш», часто исполнялось во время праздничных торжеств. В нем Чайковский использовал сербские народные мелодии, а также российский гимн, метафорически подчеркивая тем самым культурные связи этих двух славянских народов. Хотя Александр II стремился сохранить мир и соблюдать Союз трех императоров России, Австрии и Германии, он не мог бесконечно закрывать глаза на то, что в России и за рубежом очень многие люди горячо поддерживали южных славян.

В Англии один из самых влиятельных политиков, выдающийся британский государственный деятель лорд Уильям Юарт Гладстон был на стороне южных славян. Его известные речи в английском парламенте возбудили романтическое воодушевление общественности и искреннее желание помочь. Более того, английское духовенство,

⁴ Югословени и Русия: Документи из архива М. Ф. Раевского 40–80 годы XIX века. Белград, 1989. С. 150.

во главе с архиепископом Кентерберийским и каноником собора св. Павла Генри Парри Лиддоном, с церковной кафедры провозгласило о своей поддержке южных славян — своих братьев во Христе⁵.

Среди тех, кто выразил свою обеспокоенность судьбой балканских народов, был и поэт Оскар Уайльд, написавший в мае 1877 г. следующее письмо Гладстону:

«Ваш благородный и беспристрастный протест против избиения христиан в Болгарии, изложенный как в устной, так и в письменной форме, нашел такой отклик в моем сердце, что я решился послать Вам сонет, написанный мною по этому случаю...»⁶.

Уайльд был не единственным поэтом, выразившим свое негодование. В марте 1877 г. Альфред Теннисон написал знаменитый «Черногорский сонет» с целью обратить внимание общественности на борьбу югославянских народов за свое освобождение. Связи, существовавшие между Теннисоном и Гладстоном, лишь способствовали нарастанию его обеспокоенности судьбой далекой Черногории. В сонете отразилось характерное для Теннисона понимание последствий исторического противостояния турок и черногорцев.

Теннисон получил почетное звание придворного поэта, «поэта-лауреата». Его поэтическое красноречие воплотилось в целом ряде поэм, посвященных современным политическим событиям. «Черногорский сонет» был опубликован в мае 1877 г. в альманахе «Деятнадцатый век». Сам Теннисон считал этот сонет одним из лучших своих произведений, отдавая ему предпочтение перед другими поэмами. В том же самом выпуске альманаха Гладстон напечатал, в качестве комментария к сонету Теннисона, собственный обширный исторический трактат о Черногории⁷.

Все эти выступления в поддержку южных славян оказали значительное воздействие на политические решения, принятые просвещенным российским монархом. Александр II и его министр иностранных дел А. М. Горчаков пытались избежать во внешней политике прямого вмешательства России в события на Балканах, которое могло бы иметь опасные последствия. Кроме того, Александр II стремился сохранить Союз трех императоров России, Австрии и Германии, заключенный

⁵ *Shanon R. T. Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876. Connecticut; Archon, 1975. P. 187.*

⁶ *Ibit. P. 187.*

⁷ *The Nineteenth Century. Vol. I. No. III. May 1877. P. 359, 360–379.*

в 1872 г. Таким образом, с осени 1876 г. до весны 1877 г. предпринимались неоднократные попытки добиться заключения Османской империей мирных договоров с Сербией и Черногорией и проведения реформ в Герцеговине, Боснии и Болгарии⁸.

Хотя эти переговоры не увенчались успехом, в России по-прежнему не могли прийти к единому мнению по вопросу о войне. Александр II признавал, что вступление в войну в этот момент не соответствовало национальным интересам и привело бы к финансовому краху. Тем не менее, решение объявить войну Турции казалось неминуемым. В ходе обсуждения вопроса со своими министрами царь чувствовал, что «бывают такие моменты, когда человек должен забыть обо всем, кроме защиты своей чести». Итак, 24 апреля 1877 г., когда война с Турцией была объявлена, Александр II издал манифест:

«Наши верные и возлюбленные подданные знают, какой живой интерес мы всегда проявляли к судьбам угнетенных христианских народов в Турции. Наше желание улучшить и обеспечить их положение разделяется всем русским народом, который показал себя сегодня готовым к новым жертвам во имя облегчения положения христиан на Балканском полуострове... Два года мы непрестанно пытались заставить Османскую Порту провести такие реформы, которые защитили бы православных христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Осуществление этих реформ вытекало, как прямая обязанность, из предыдущих обязательств, торжественно взятых на себя Портой перед лицом всей Европы. Наши усилия, хотя и поддержанные соединенными дипломатическими представителями других правительств, не достигли желаемой цели»⁹.

Вслед за объявлением войны Достоевский описывает в своем «Дневнике» за апрель 1877 г. реакцию людей на улицах Петербурга, которую он наблюдал. Не только в столице, но и по всей России каждый человек чувствовал, что произошло что-то важное, что близится к концу развязка драмы, уходящей корнями в прошлое. Люди поспешили в церкви, чтобы вознести молитву:

«Когда читали царский манифест, народ крестился, и все *поздравляли* друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слы-

⁸ *Barbara Jelavich*. *Russia's Balkan Entanglements 1806–1891*. Cambridge, 1991. P. 155, 171.

⁹ *Edward Hertslet*. *Map of Europe by Treaty, IV*. London, 1875–1891. P. 2298–2299. Цит. по: *Jelavich B*. *Russia's Balkan Entanglements 1806–1891*. P. 172.

шали, и все это даже здесь, в Петербурге. И опять начались те же дела, те же факты, как и в прошлом году: крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: „Да что жертвы, что подводы, мы все пойдем воевать!“»¹⁰.

Это было инстинктивным предчувствием начала чего-то нового. И все же Достоевский отмечает, что «премудрые» люди не теряли скептицизма. Эти «мудрецы» из числа интеллигенции сомневались в моральной и физической готовности России сделать решающий шаг. Они полагали, что России следует стремиться сохранить мир, чтобы преодолеть неурядицы у себя дома, и лишь после этого помогать восставшим южным славянам. Достоевский считал, что подобная узость духовных горизонтов порождала общественный упадок и изоляцию. Он сомневался в том, что подобная ограниченность может помочь русскому народу «из зверей и тупиц могли обратиться в людей»¹¹.

Достоевский подчеркивал, что русская интеллигенция не должна оставаться оторванной от своего народа. Он верил в то, что все в конце концов отвернется от этих скептиков и поверят в царя и русский народ. По всей России люди из самых разных слоев общества предлагали щедрую, бескорыстную помощь. Достоевский верил, что русский народ осознает свою политическую, общественную, нравственную миссию, несмотря на столетия крепостного права и все пренебрежение к себе со стороны тех же «мудрых людей», той же интеллигенции¹².

Достоевский приходил к выводу, что русско-турецкая война не только облегчит участь «наших братьев-славян», страдавших под турецким гнетом. Война распахнет новые горизонты, поможет преодолеть неустройство и застой во внутренней жизни страны, а самое главное — будет способствовать преодолению отчужденности русской интеллигенции от своего народа. Достоевский надеялся, что решение «восточного вопроса» исцелит многие болезни самой России и принесет ей спасение¹³.

Решение русского царя высоко оценил в Англии лорд Гладстон. Крупный политический деятель, он признавал, что объявление Рос-

¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1984. Т. 25. С. 94.

¹¹ Там же. С. 95.

¹² Там же. С. 65–74.

¹³ Там же. С. 94–95.

сией войны было благородным шагом и говорило о широте политического кругозора и смелости духа. Он выражал откровенное восхищение тем, что Россия вмешалась в события на Балканах, приняв участие в деле освобождения южных славян. Высказывания Гладстона немедленно опубликовал в своем «Дневнике» за июль–август 1877 г. Достоевский:

«Что бы ни говорили о некоторых других главах русской истории, освобождением многих миллионов поработанных народов от жестокого и унижительного ига Россия окажет человечеству одну из самых блестящих услуг, какие только помнит история, услугу, которая никогда не изгладится из благодарной памяти народов»¹⁴.

Как и предсказывал Достоевский, Толстой впоследствии пересмотрел свои взгляды и стал «говорить все то же, что говорим мы», выступив в поддержку южных славян. По свидетельству жены Толстого Софьи Андреевны, Толстой хотел пойти на войну добровольцем: «Вся Россия — там, и я сам должен идти». Его пришлось долго убеждать, что он принесет существенно большую пользу своими сочинениями, оставшись дома, вместо того чтобы отправиться на далекие Балканы¹⁵.

Следует подчеркнуть, что примерно тридцать лет спустя, в решающий момент, когда Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Толстой снова однозначно встал на сторону Сербии. Он решил публично выступить против окончательного присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии. Приближаясь к концу своего земного пути, он написал одну из последних законченных и опубликованных работ «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Здесь Толстой изложил свои взгляды и еще раз обратился к «восточному вопросу» в исторической перспективе. Книга вышла в свет в Берлине в 1908 г.¹⁶

Достоевский правильно отмечал: хотя Россия стремилась освободить славян от турецкого гнета, одно освобождение не решило бы всех противоречий — это было лишь начало долгого пути. Что еще важнее,

¹⁴ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1984. Т. 26. С. 68.

¹⁵ *Писарев А.* Традиции дружбы народов как явление культуры: Освободительная борьба балканских народов против османского ига и российская интеллигенция // Советская культура: 70 лет развития / Под ред. Б. Б. Пиотровского. М., 1987. С. 259.

¹⁶ Книга называлась «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии». Цит. по: *Анисимов И. И. и др.* Толстой и зарубежный мир. М., 1965. С. 302, 494, 502.

России не следовало использовать события на Балканах для достижения собственных эгоистических или националистических интересов:

«Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю...»¹⁷.

Достоевский понимал, что в этих словах нет ничего нового, однако надеялся на то, что вера в славянский народ не угаснет. Путь к новому мировому порядку уже обозначился: Россия подняла меч на турок, вступила в беспрецедентную войну на стороне слабых и угнетенных, желая дать им свободу, а не отобрать ее. В объявлении войны писатель видел подтверждение правоты славянофилов: Россия действительно способна решить «восточный вопрос».

«Опять-таки скажут: для чего это все, наконец, и зачем брать России на себя такую заботу? Для чего: для того, чтобы жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорытием, светом; вознести наконец всех малых сил до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим „интересам“, то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому) лишь воссоединению в великое целое»¹⁸.

Итак, мы должны признать: Александр II также избрал высокий путь — защитить честь России и не предать южных славян. Диплома-

¹⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Т. 25. С. 100.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Т. 26. С. 81–82.

тические переговоры с Турцией не достигли желаемых результатов, поскольку Порта отказалась облегчить положение христианского населения Балкан. Александр II пытался избежать вооруженного столкновения: он знал, что ему придется вести войну в одиночку, несмотря на то, что проекты преобразований разрабатывались совместно с европейскими державами. Он предвидел большие человеческие и экономические потери, которые повлечет за собой война. И все же он знал, что должен соблюсти давние обязательства, взятые на себя Россией по отношению к южным славянам, и защитить их права. Его обеспокоенность судьбой балканских народов разделялась русским народом, проявившим готовность пойти на новые жертвы. Александр II стремился сохранить и упрочить достоинство России, утвердить ее нравственную, политическую и военную мощь.

Описание текущих политических событий Достоевского дополняет роман Толстого. Оба русских писателя проявили замечательное понимание всей сложности политических реалий на Балканах и в России. Достоевский неоднократно повторял: только бескорыстная помощь России, демонстрирующей полное отсутствие личной выгоды, может привести к действительному разрешению давних конфликтов.

Итак, анализ «восточного вопроса», предложенный двумя великими писателями, сохраняет свою ценность для всех, кто хочет чему-то научиться. Достоевский называл Толстого выдающимся учителем всех русских людей, ведь великие писатели и должны быть учителями своего народа. Сам Достоевский был таким Учителем: он понимал общность духовных стремлений человечества — качество, которым он восхищался у Пушкина, и которое он считал истинно русской чертой. Его собственная оценка всей сложности исторических, общественных и политических реалий Балкан и России не утратила своего значения даже на заре нового века.

Перевод с английского М.В. Лоскутовой

Русская академическая эмиграция в Сербии: обзор довоенного периода 1919–1938 гг.

Согласно статистике, около 75 % российских беженцев, прибывших в Королевство сербов, хорватов и словенцев, имели среднее и высшее образование¹. Среди них были и представители российской академической науки. Так, по данным Т. Миленковича², к началу 1922 г. в страну прибыли: 88 университетских преподавателей, 836 инженеров, 108 агрономов, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 401 юрист и судья, 133 адвоката, 150 деятелей искусства.

Для многих беженцев, покинувших Россию вместе с Белой армией, вопрос о выезде в Югославию решался уже в Константинополе (Турция). Здесь, благодаря усилиям Лиги Наций, были выявлены вакансии и произведена запись всех желающих выехать на работу в европейские университеты³. Из ученых, пожелавших работать в Югославии, преобладали бывшие профессора и преподаватели университетов Юга России: Новороссийского, Донского (Варшавского), Киевского, Харьковского и некоторых других. В общей сложности, по данным М. Йовановича, в университетах Югославии преподавало свыше 100 русских профессоров и ученых, только в Белградском университете их было более 70⁴. Это дало основание главе югославского парламента Л. Ивановичу утверждать, что «прибывшие к нам русские представляют собой лучшее, что Россия имеет»⁵.

¹ *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 47.

«Де факто» Королевство сербов хорватов и словенцев (Королевство СХС) существовало с 1 декабря 1918 г. После принятия Конституции 28 июня 1921 г. название государства было изменено на Королевство Югославия.

² *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии, 1921–1940 // Сб. Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 136.

³ *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского) // Сб. Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 149.

⁴ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 332.

⁵ *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 6.

Очевидец русского исхода, ученый-богослов Вл. Маевский⁶ писал: «Изможденные душой и телом, со страшными воспоминаниями, с опустошением в душе и сердце, русские изгнанники, прежде всего, должны были оправиться от страшных воспоминаний»⁷. Они должны были достойно сохранить свою жизнь «до нового воскресения России»⁸. Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) представляло собой то редкое исключение, где квалифицированная русская интеллигенция (профессора, врачи, инженеры) была особенно востребована, и где она нашла применение своим силам, сообразно своей квалификации. Молодое славянское государство испытывало острый дефицит квалифицированных кадров, связанный с большими утратами собственной интеллигенции в прошедших войнах (Балканских, 1912—1913 гг., и Первой мировой, 1914—1918 гг.), а также — с катастрофически низким образовательным цензом населения Сербии, Черногории, Хорватии, Словении, Македонии в недавнем прошлом: в некоторых районах до 80 % населения было безграмотным⁹. В лице русских эмигрантов Югославия получила готовых специалистов, на образование которых оно не потратило ни одного динара.

Успешное решение вопроса о русской научной интеллигенции во многом объяснялось историей взаимоотношений Российской империи и Сербии, а также традиционной русофильской национальной политикой Короля Александра I Карагеоргиевича, который воспитывался при российском императорском дворе, прошел обучение в Им-

⁶ Маевский Владислав Альбионович (04.04.1893, Полтава — 16.01.1975, Нью-Йорк, США) — писатель-богослов, церковно-общественный деятель. Штабс-капитан Лейб-гвардии саперного полка. Служил в Добровольческой армии. 25 января 1920 г. был эвакуирован из Одессы. В Королевстве СХС получил три высших образования: духовное — Сербский богословский факультет, техническое и юридическое. Библиотекарь Патриаршей библиотеки в Белграде, секретарь патриарха Варнавы. Хранитель Патриаршей библиотеки Сербского Патриархата. Во время Второй мировой войны был заключен немцами в концлагерь; после войны освобожден, три года провел в лагере Ди-Пи, попал в Швейцарию, оттуда в конце 1940-х гг. переехал в США. Преподавал в Св.-Тихоновской Духовной семинарии (шт. Пенсильвания).

⁷ *Маевский Вл.* Русские в Югославии: 1920—1945. Нью-Йорк, 1966. Т. II. С. 50.

⁸ Там же.

⁹ *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Югославии. С. 47.

ператорском училище правоведения, а затем в Пажеском корпусе¹⁰. Большую роль в защите русских эмигрантов в Югославии сыграли представители «Державной Комиссии» и «Комитета Русской Культуры» («Культурного Отбора») в лице ее выдающихся общественных деятелей: В. Н. Штрандмана¹¹, С. Н. Палеолога¹² и С. В. Юрьева¹³.

Еще в 1919 г. общую идиллическую картину с русскими профессорами испортило руководство нового медицинского факультета в Белградском университете. Несмотря на недостаток собственных научных кадров, а зачастую — полного отсутствия преподавателей на отдельных

¹⁰ Русская православная церковь за границей: 1918–1968: в 2 т. / Под ред. А. А. Соллогуба. Нью-Йорк, 1968. Т. I.

¹¹ Штрандман Василий Николаевич (1877–18.11.1963, Вашингтон) — дипломат. Родился в семье генерал-лейтенанта, коменданта Царскосельского дворца. Его крестным отцом был император Александр II. Окончил Пажеский корпус (1897). С 1914 г. на дипломатической службе в русском посольстве в Сербии. После войны, революции и эвакуации русской армии из Крыма в 1921–1941 гг. — русский дипломатический представитель в Югославии со званием делегата по защите интересов русской эмиграции. На своем посту опирался на личную дружбу короля Александра I Карагеоргиевича, а после его гибели (1934) — на поддержку регента престола, принца Павла и личных друзей — сербских генералов. После оккупации Белграда немецкой армией (апрель 1941) арестован, потом освобожден, но лишен права заниматься прежней деятельностью по защите интересов русской диаспоры. После войны — в эмиграции в США. О нем см.: *Александров Е. А.* Русские в Северной Америке: Биографический словарь / Под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмден (шт. Коннектикут); Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 578.

¹² Палеолог Сергей Николаевич (1887–?) — представитель генерала П. Н. Врангеля в Югославии.

¹³ Юрьев Сергей Владимирович (?–29.11.1960, Нью-Йорк) — юрист, политический и общественный деятель Русского Зарубежья. До революции состоял на государственной службе Императорского Двора, состоял на ответственных должностях гражданского ведомства. В эмиграции — в Белграде. Делегат Нансеновского Офиса по делам беженцев при Лиге Наций, один из руководителей «Державной Комиссии» по оказанию помощи русской эмиграции. После Второй мировой войны в Мюнхене создал Комитет, спасший многих эмигрантов от принудительной репатриации. По требованию СССР, этот Комитет был закрыт американскими оккупационными властями в Германии, Юрьев был арестован. Тем не менее, он смог переехать в США, где примкнул к организациям кн. С. С. Белосельского-Белозерского. О нем: *Кончина С. В. Юрьев // Наша страна.* 1960. 29 ноября; *Вербицкий Ф. В.* Сергей Владимирович Юрьев // Русское слово. 1960. № 177. 9 декабря.

кафедрах, оно отказалось принять двух талантливых учеников знаменитого И. П. Павлова — физиолога Б. П. Бабкина и патолога и геронтолога В. Г. Коренчевского. После чего, в 1922 г., Б. П. Бабкин переехал в Лондон, а затем (в 1924) — в Канаду. В. Г. Коренчевский уехал в Лондон, где жил и работал до конца своей жизни. Отказал медицинский факультет профессорам А. К. Медведеву (физиологическая химия) и профессору гистологии и эмбриологии А. Ф. Маньковскому (гистология и эмбриология), и они были вынуждены уехать в Софию¹⁴.

Совсем не просто было и с трудоустройством гуманитариев, например историков, и, в частности, специалистов по русской истории. Вот как ответил на запрос А. В. Флоровского (бывшего профессора Новороссийского университета в Одессе) о вакансиях в Сербии в октябре 1922 г. профессор церковной истории Белградского университета А. П. Доброклонский: «Затрудняюсь сказать, какие занятия, обеспечивающие материальное существование, могли бы Вы найти в Сербии, кроме преподавания истории в средних школах, так как в университете русской истории специально нет в учебных планах»¹⁵. На работу в сербских гимназиях, как основной вид заработка для эмигрантов-гуманитариев, указывал А. В. Флоровскому и историк П. М. Бицилли, который, тем не менее, смог трудоустроиться на философский факультет университета в г. Скопле. Однако вскоре и он вознамерился покинуть Югославию и переехал в Прагу, поскольку условия для работы становились все хуже — «сказывалось отсутствие денег для функционирования кафедр и научных командировок, в результате чего русские преподаватели стали покидать факультет»¹⁶. Финансовая нестабильность не могла не влиять на жизненные планы ученых-эмигрантов. Тот же Бицилли с пессимизмом оценивал свое будущее, в котором, как ему представлялось, его могли ждать только «одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования»¹⁷. Из письма другого историка — В. А. Мошина, живущего в Загребе, для устройства на работу в местный университет необходимо было дополнительно сдать «профессорский экзамен». Для его подготовки сам В. А. Мошин был вынужден «всю зиму посвятить логике, психологии, педагогике, мето-

¹⁴ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. С. 333.

¹⁵ Цит. по: *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского). С. 149.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 149–150.

дике, администрации средней школы, сербскому языку и литературе сербов, хорватов и словенцев»¹⁸.

Действующий закон о югославском гражданстве запрещал принимать иностранцев на постоянную работу в государственные учреждения. Поэтому русские эмигранты подписывали контракт на определенное время с оговоренной суммой жалования. При этом они не получали компенсации ни «за инфляцию», ни «за членов семьи», а их годы службы в Югославии не включались в трудовой стаж. Право на гражданство они могли приобрести лишь через несколько лет. Эта тенденция со временем изменилась: с 1928 г. ученым-эмигрантам, принявшим югославское подданство, в трудовой стаж засчитывалась и их служба в России, и контрактная служба в Югославии. Тем не менее, многие выходцы из России, несмотря на материальные потери, часто считали делом чести сохранить российское гражданство. Тем более, что с его потерей они автоматически исключались из всех русских обществ¹⁹.

Ниже представлен список наиболее известных русских ученых, работавших в довоенной Югославии. Он взят из статьи А. Арсеньева «Русская диаспора в Югославии»²⁰.

Математики: Ант. Билимович, В. Х. Даватц, Н. Н. Салтыков;

Экономисты: А. Д. Билимович, Л. Я. Таубер, П. Б. Струве;

Механики и машиностроители: В. З. Жардецкий, Г. Н. Пио-Ульский, В. В. Фармаковский, Я. М. Хлытчиев;

Минералог: Н. А. Пушин, А. И. Косицкий;

Гидролог: С. П. Максимов;

Агрономы: А. И. Стебут, Н. И. Васильев, Т. В. Локоть, И. П. Марков;

Лесовод: А. И. Шеншин;

Биологи: Ю. Н. Вагнер, В. Э. Мартино;

Геодезисты: И. С. Свищев, Д. В. Фрост;

Археолог: Д. Н. Сергеевский;

Богословы, историки, юристы: А. Д. Доброклонский, С. В. Троцкий, Е. В. Спекторский, М. П. Чубинский, Ф. В. Тарановский, А. В. Соловьев, К. М. Смирнов, М. А. Георгиевский, Л. М. Сухотин;

¹⁸ Цит. по: *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского). С. 150.

¹⁹ *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии: 1921–1940. С. 140.

²⁰ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 53–54. Пользуюсь случаем выразить большую благодарность прекрасному историку Алексею Арсеньеву за его содержательные работы.

Византолог: Г. А. Острогорский;

Филологи: Е. В. Аничков, С. М. Кульбакин, А. Л. Погодин;

Палеославист: В. А. Мошин;

Медики:

хирурги: Вс. Н. Новиков и С. К. Сафотеров,

внутренние болезни: А. И. Игнатовский,

патологи: Н. Е. Акацатов, С. Н. Салтыков, Е. Н. Салымов, Д. М. Ти-
хомиров,

анатом: И. Ф. Шапшал,

гинеколог: А. А. Редлих,

отоларинголог: С. А. Попов,

эпидемиолог: С. К. Рамзин,

психиатр: Н. В. Краинский,

невропатологи: М. Н. Лапинский, А. С. Кульженко,

бактериолог: А. И. Щербаков,

бактериолог: Д. Ф. Конев.

Русская диаспора в Югославии была представлена многочисленными «русскими колониями». Так, по данным доклада С. Н. Палеолога «О расселении русских беженцев в Королевстве С. Х. С.» от 20 февраля 1922 г. в Королевстве насчитывалось 57 русских колоний, а после эвакуации из Крыма в 1920 г. их число возросло до 323²¹. Помимо Белграда русские селились в таких городах, как Загреб, Новый Сад, Крагуевац, Панчево, Ниш, Земун, Велики Бечкерик, Белая Церковь, Сараево, Мостар²².

Как никакая другая социальная группа в эмиграции, именно ученые проявили себя как талантливые организаторы. В 1919–1922 гг. в большинстве европейских центров русского рассеяния: Константинополе, Берлине, Праге, Париже, Белграде и др. возникли Русские академические группы (РАГ) (первоначально — «объединения русских профессоров»)²³. Их лидеры прекрасно осознавали, что «всякое укрепление организованности в эмиграции является ... проявлением хотя бы и пассивной борьбы с коммунистами... Эмигранты, заботящиеся толь-

²¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994. С. 263.

²² Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. С. 48.

²³ Съезды русских академических организаций за границей. 1-ый съезд 10–17 октября 1921 г. (С. 1–96); 2-ой съезд 9–16 октября 1922 г. (С. 99–176). Прага, 1923. С. 3.

ко о куске хлеба и о спокойном угле для жизни, перестают быть опасными для большевиков»²⁴. Всего за 5 лет (1919–1924) возникло 14 академических групп в разных странах мира, и в 1921 г. в Праге был создан их центральный орган — Союз русских академических организаций за границей во главе с профессором А. С. Ломшаковым²⁵. Задачи Союза: сплочение и защита русских ученых в эмиграции (юридическая и материальная), координация деятельности, выявление вакансий в местных университетах и колледжах, помощь с трудоустройством (выдача рекомендаций), установление контактов с зарубежными исследовательскими и государственными организациями, обеспечение представительства в государственных и общественных учреждениях, организация изданий научных трудов на русском языке и др. По большому счету, академические организации ученых создавались для сохранения русской (национальной) науки для будущей России.

В Югославии русской интеллигенцией были созданы следующие научные организации: Общество русских ученых в Белграде, Русская академическая группа в Королевстве СХС, Русский научный институт в Белграде, Институт изучения России, Институт изучения России и Югославии (при Российском союзе земств и городов — Земгоре), Донская историческая комиссия, Русский военно-научный институт в Белграде, Институт имени Н. П. Кондакова (с 1939), Русский народный университет в Белграде (1922), Кружок по изучению России, Кружок общего научного изучения России²⁶.

Кроме того, следует отметить еще целый ряд узкопрофессиональных русских организаций в Королевстве Югославии, перечень которых приведен ниже (в скобках указано число членов к началу 1923 г.):

²⁴ ОРЭСО — Общество Русских Эмигрантских Студенческих Организаций // Информационный Бюллетень ОРЭСО (Прага). № 5. 1923. 10 августа. С. 1.

²⁵ Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960) — бывший профессор СПб политехнического института им. Петра Великого. Председатель Союза инженеров России. Кадет, член I-ой Государственной думы. В эмиграции жил в Праге, председатель Пражского политехникума. Возглавлял административную работу по «Русской акции». Член и почетный председатель Русской академической группы в Чехословакии, Учебной коллегии; с 1921 г. — председатель Союза русских академических организаций за границей; с 1928 г. — председатель Общества русских инженеров. О нем см.: *Савицкий П. Н.* Воспоминания об А. С. Ломшакове: 1870–1960 // Записки Русской академической группы в США. 2001–2002. Т. XXXI. С. 562–567.

²⁶ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 53–54.

Союз русских инженеров в Югославии (460), Союз русских юристов (300), Союз русских педагогов (285), Общество русских земледельцев (240), Общество русских агрономов, лесников, ветеринаров (195), Русско-сербское общество врачей (120), Русское археологическое общество (50), Союз русских писателей и журналистов²⁷.

Насыщенная научная, общественная и культурная жизнь русских ученых в Югославии скрашивала эмигрантское существование, особенно в провинции.

Первой и самой крупной организацией русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, созданной ими сразу же после прибытия их в эту страну, стало Общество русских ученых в Белграде (1919–1920). Вопросами организации Общества занимался В. В. Зеньковский²⁸, преподававший тогда в Белградском университете на двух факультетах: богословском и философском (1920–1923) (кроме того, он читал еще курс экспериментальной психологии)²⁹. В середине мая 1920 г. на общем собрании было избрано Правление Общества во главе с доктором государственного права, бывшим ректором Киевского университета, профессором Евгением Васильевичем Спекторским³⁰,

²⁷ *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1921–1940. С. 330.

²⁸ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — педагог, психолог, философ, историк философии и церковно-общественный деятель. В 1915 г. в Московском ун-те защитил магистерскую диссертацию «Проблема психической причинности». С 1915 г. — экстраординарный профессор психологии Киевского ун-та (до 1919), профессор Белградского ун-та (1920–1923), директор Педагогического ин-та в Праге (1923–1926), профессор Богословского ин-та в Париже (1926–1962). В 1939 г. был арестован французскими властями и помещен в Центральную тюрьму в Париже, где провел 40 дней в одиночной камере, а затем 14 месяцев в концлагере. В 1942 г. принял священство и был рукоположен митрополитом Евлогием. Председатель Русского студенческого христианского движения (1923–1962). О нем: *Верховской С. С.* О Зеньковском // Новый журнал. 1962. № 70; *Куликова М.* Зеньковский Василий Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 251–253.

²⁹ Русская газета (Белград). 1920. № 1. 6 мая.

³⁰ Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) — правовед, историк, литературовед, публицист. В 1898 г. окончил юридический факультет Варшавского ун-та и был оставлен при ун-те на кафедре государственного права для подготовки к профессорскому званию. В 1901 г. выдержал магистерский экзамен. В 1903 г. избран доцентом по кафедре энциклопедии и истории философии права в Варшавском ун-те. После получения в Юрьевском ун-те степени маги-

его заместителем выбран бывший профессор славянского права на

стра (1910) был избран в 1913 г. профессором Киевского ун-та Св. Владимира. Председатель Киевского философского общества. В 1917 г. в Московском ун-те защитил диссертацию на степень доктора государственного права. В 1918 г. избран деканом юридического факультета и вскоре ректором Киевского ун-та Св. Владимира (1918). В 1919 г. генерал А. И. Деникин назначил Спекторовского попечителем Киевского учебного округа, а потом товарищем главного управляющего народного просвещения. Но ему так и не удалось вступить в исполнение этой должности. В начале 1920 г. Спекторовский эмигрировал в Королевство СХС. Профессор Белградского ун-та (1920–1930), с трехлетним перерывом в 1924–1927 гг., которые он провел в Праге в качестве профессора и декана Русского юридического ф-та, и в течение одного семестра — в качестве профессора чешского Карлова ун-та. В 1930 г. был избран профессором ун-та в Любляне (1930–1945). Член-корр. Сербской АН в Белграде и Славянского ин-та в Праге, почетный член Общества русских ученых в Югославии и Русской академической группы в Праге, Общества Галлиполийцев в Белграде. Председатель II-го съезда русских академических организаций в Праге в 1922 г. и председатель Оргкомитета III-го съезда в Белграде в 1928 г. По поручению съезда написал брошюру о нем и был редактором первого тома Трудов съезда. Вместе с В. Х. Даватцем составил два тома «Материалов по библиографии русских научных трудов за рубежом». Был первым директором Русского научного института в Белграде и опубликовал брошюру о деятельности этого института за первые 10 лет его существования. В Любляне был председателем Словенского общества философии права и социологии и национально-просветительной организации «Русская Матица» (с 1930). В 1945 г. вынужден был покинуть Югославию, занятую советской армией и армией Тито. Оставил в Югославии все свое имущество и ненапечатанные труды. Среди них — готовое к печати «Введение в социологию», два тома подготовленных к печати (1000 страниц) «Воспоминаний» и ежедневные записи, которые Спекторский вел в течение 15 лет. Судьба этих трудов до сих пор не известна. Вместе с женой перебрался в Италию, где они провели в качестве «перемещенных лиц» два года в 9 лагерях, несколько раз подвергаясь опасности репатриации. В 1947 г. был приглашен в Нью-Йорк для участия в организации Св.-Владимирской православной духовной академии, профессором которой Е. В. состоял до самой своей смерти. Спекторский был членом более 10-ти ученых обществ, половину которых он возглавлял как председатель. Вице-президент Ассоциации американских и иностранных ученых, первый председатель Русской секции этой Ассоциации (1949–1951) и Русской академической группы в США (1951). Работы Спекторского посвящены истории, теории социальных наук, философии религии, истории русской культуры, современным проблемам государственоведения. В 1934 г. Спекторский отдал дань Киевскому университету и издал книгу «Столетие Киевского университета Св. Владимира». О нем см.:

юридическом факультете Петербургского университета Ф. В. Тарановский³¹, секретарем — В. В. Зеньковский, казначеем — математик Ан. Д. Билимович, а членами правления Д. С. Красенский и профессор технического факультета С. П. Максимов³². Общество объединяло от 80 до 90 членов. Его костяк составляла университетская профессура и в меньшей степени представители технической и медицинской интеллигенции (инженеры и врачи). Помимо Белграда отделения, или филиалы, Общества были открыты в Загребе, Любляне, Скопле и Суботице. К сожалению, члены Общества были чересчур увлечены политикой, большинство их по своим политическим взглядам были монархистами, причем, из числа крайне правых. Им противостояла небольшая группа ученых либеральных взглядов. Политическая воинственность и агрессивность представителей монархического крыла постоянно приводила к личным конфликтам и разногласиям. Правые обвиняли левых в «еврействе и масонстве», те же называли своих оппонентов «черносотенцами и погромщиками». Историками обычно приводится в пример отказ членов Общества монархической ориентации от гуманитарной помощи голодающим в России после катастрофической засухи 1921 г. При этом при обсуждении звучали призывы использовать голод как некий повод для свержения большевиков³³. Позже ученые-монархисты Белградского университета отвергли реформу русской графики и орфографии 1917–1918 гг., объявив ее творением страны Советов, а следовательно, — порождением Сатаны, хотя реформа началась еще в 1904 г., а в июле 1917 г. была принята Временным правительством. В октябре 1918 г. вышел декрет Совета народных комиссаров о новом правописании. Тем не менее, принятие новой орфографии, в глазах монархистов, означало поддержку совет-

Белусов К. Г. Русские ученые, члены Академической группы: Е. В. Спекторский (1875–1951) // Записки РАГ в США. 1975. Т. IX. С. 305–306; Записки РАГ в США, 1976. Т. X. С. 231; *Билимович А. Д.* Памяти профессора Е. В. Спекторского // Записки РАГ в США. 1970. Т. IV. С. 148–157; *Timasheff N. S.* Professor Spectorisky // Там же. С. 158–162; *Вильданова Р. И., Кудряцев В. Б., Ланто-Данилевский К. Ю.* Краткий биографический словарь русского Зарубежья // *Струве Г.* Русская литература в изгнании. 3-е изд. Париж; М., 1996. С. 361.

³¹ См. о нем: *Михальченко С. И.* Ф. В. Тарановский. К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. М., 1999. С. 115–118.

³² Русская газета (Белград). 1920. № 4. 11 мая.

³³ Новое время (Белград). 1921. № 88. 10 августа.

ского режима и, в конечном счете, — предательство русской науки³⁴. Окончательный разрыв двух групп внутри Общества русских ученых в Белграде произошел 30 сентября 1921 г. при выборе делегатов на II-ой съезд Русских академических организаций за границей, который должен был состояться в Праге. Монархисты выступили против делегатов еврейской национальности в лице И. Ф. Шапшала и Л. Я. Таубера. В знак протеста группа либералов (20 человек) покинула собрание и вскоре создала свою параллельную т. н. Русскую академическую группу в Королевстве СХС. Ее председателем был избран Е. В. Аничков, в середине 1920-х гг. его преемником стал Ф. В. Тарановский, а в 1936 г. — Н. Н. Салтыков. Ведущими членами группы были М. П. Чубинский, В. Д. Плетнев и Л. Я. Таубер³⁵. В состав группы вошли и влиятельные представители технической интеллигенции, в том числе, Г. Н. Пио-Ульский — зам. председателя Союза русских инженеров.

Русские профессора создавали в Югославии свои научные школы, писали и издавали замечательные учебники по предметам, которые они преподавали. Как отмечают сербские историки, некоторые из них до сих пор не утратили своего значения. Поначалу русские читали лекции на французском и немецком языках, на этих же языках они издавали свои научные труды. Позднее, когда большинство педагогов освоило сербский язык, аудитория университетских лекций и публичных докладов значительно расширилась за счет местного населения. Русские ученые качественно изменили университетское преподавание в Югославии. Благодаря им многие области знания — клиническая практика, строительство, агрономия и пр. — были расширены за счет научных исследований. Так, на базе открытого в 1919 г. русскими учеными сельскохозяйственного факультета в Белградском университете были созданы 5 научно-исследовательских институтов: Энтомологический (во главе с доктором Ю. Н. Вагнером, он же — основатель Энтомологического общества в Королевстве сербов, хорватов и словенцев); Зоотехнический институт (профессор И. П. Марков); Институт сельскохозяйственных машин и механизмов (доктор Т. В. Локоть); Институт удобрений (доктор Н. И. Васильев); Институт почвоведения (профессор А. И. Стебут). В том же Белграде выдающимся русским микробиологом, профессором С. Н. Виноградским (до его отъезда на работу в Пастеровский Институт в Париже) был создан Институт микробиологии.

³⁴ *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии. С. 143.

³⁵ Новое время (Белград). 1921. № 135. 6 ноября.

Большим событием в жизни русской колонии стало открытие в 1928 г. Русского научного института. В течение первых 5 лет он располагался в Доме Сербской Королевской академии, что, само по себе, говорит о высокой солидарности сербских и русских ученых. До Белграда аналогичные институты уже были открыты в Праге (1922) и Берлине (1924). Однако благодаря прекрасному финансированию югославским правительством Белградского института, он вскоре стал ведущим общерусским эмигрантским научным центром³⁶. К его работе широко привлекались ученые из многих стран русского рассеяния³⁷. Предполагалось, что после неминуемого освобождения России от большевиков институт переедет в Россию или, подобно Русскому археологическому институту в Константинополе (который остался в Турции), продолжит работу в столице, открыв двери ученым многих национальностей.

Первым председателем Русского научного института был избран Е. В. Спекторский. Когда, спустя два года, он перешел на работу в Люблянский университет, на его должность 4 ноября 1930 г. был избран академик, доктор юридических наук Федор Васильевич Тарановский. Последний многократно переизбирался и оставался на этом посту вплоть до самой своей смерти (23.01.1936). В июне 1936 г. новым председателем был избран доктор философских наук, выдающийся историк церкви, профессор Александр Павлович Доброклонский (бывший профессор Новороссийского университета). Через год после смерти А. П. Доброклонского, — в декабре 1937 г., председателем института 17 января 1938 г. был избран доктор медицины, профессор А. И. Игнатовский (бывший профессор Донского университета).

В октябре 1928 г. были образованы следующие отделения Русского научного института в Белграде:

1. Философское отделение:

Председатель — Н. О. Лосский (1928–1929), П. Б. Струве (1929–1938).

³⁶ *Миленкович Т.* Союз Русских инженеров в Югославии (1920–1941 гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. М., 1994. Кн. I. С. 360–369.

³⁷ *Джурич О.* Шестьдесят лет Русскому Дому имени Императора Николая II в Белграде (1933–1993) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. Кн. I. С. 61.

2. Отделение языка и литературы:

Председатель — С. М. Кульбакин (1928–1932), после 1932 г. —
А. Л. Погодин.

3. Отделение общественных и исторических наук:

Председатель — А. П. Доброклонский (1928–1936); после 1936 г. —
Е. В. Аничков.

4. Отделение естественных, агрономических и медицинских наук:

Председатель — А. И. Игнатовский.

5. Отделение математических наук:

Председатель — Г. Н. Пио-Ульский (1928–1933), после 1933 г. —
Н. Н. Салтыков.

6. Отделение военной секции:

Председатель — В. И. Баскаков (1928–1933), после 1933 г. —
И. С. Свищев.

Курсы Научного института

Кроме докладов, семинаров и коллоквиумов Русский научный институт организовал систему курсов для студентов Белградского университета и посторонней публики. 17 ведущих ученых Русского научного института имели свои семинарские курсы. Ниже приведены некоторые их названия:

- В. И. Баскаков. О военной доктрине (1932, 1933),
- Ан. Д. Билимович. По абсолютной геометрии и механике (1928, 1929),
- В. Х. Даватц. По теории вероятности (1935),
- Р. К. Дрейлинг, В. М. Пронин. По вооруженным силам России (1936),
- Н. А. Житкевич. По военно-техническим знаниям (1937),
- А. М. Зайцев. По полезным ископаемым России (1933–1934),
- Н. В. Краинский. По психологии (1935),
- В. Д. Ласкарев. По геологии России (1929, 1930),
- Л. М. Михеев. По военно-инженерным знаниям (1937–1938),
- А. Л. Погодин. По русской литературе (1932–1934) и ее истории (1936),
- В. Н. Полянский. По военно-инженерному делу (1932),
- Д. П. Рябушинский. По аэродинамике (1928–1929),
- Н. Н. Салтыков. По интегрированию дифференциальных уравнений с частными производными (1928, 1929–1933), по математическим теориям задачи трех тел (1935–1938), по теории уравнений с частными производными (1936–1937),

Е. В. Спекторский. По теории публичного права (1928, 1929),
П. Б. Струве. По вопросам обществоведения (1928–1933), по современным экономическим явлениям (1935–1936), по политической экономии и социологии (1937),

Ф. В. Тарановский. По истории русского права земского периода (1931–1932).

В Белградском научном институте функционировала Комиссия по «проверочным испытаниям», организованная летом 1921 г. Обществом русских ученых Королевства СХС, которая проводила контроль над успеваемостью русских студентов, обучающихся в Белградском университете³⁸.

Публичные лекции

Многие сотрудники Русского научного Института (в их числе В. В. Розенберг, Ф. В. Тарановский, Л. Я. Тауберг и др.) выступали с публичными лекциями в народных университетах в разных городах Югославии: Любляне, Мариборе, Целье, Сараево, Шабце, Новом Саде, Суботице, Загребе, Дубровнике, Скопле.

Ученые, писатели и деятели культуры, приглашенные Русским научным институтом

Согласно 4 статье Устава, Русским научным институтом в Белграде было предусмотрено приглашение на более или менее продолжительный срок русских ученых и писателей, проживавших вне Югославии, для участия в его деятельности.

С начала работы Русского научного института были приглашены следующие известные русские ученые, писатели, поэты, критики: писатели Д. С. Мережковский, Е. Н. Чириков; поэты З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, И. Северянин; известный специалист по аэродинамике Д. Е. Рябушинский; биолог, профессор Института Пастера в Париже С. И. Метальников; известные историки Е. Ф. Шмурло, И. И. Лаппо, А. Ф. Флоровский, А. А. Кизеветтер; византолог Г. А. Острогорский; выдающиеся философы И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, С. А. Франк и др. Однако, начиная с 1932 г., материальная поддержка, оказываемая институту, сильно сократилась. Тем не менее, ученые и деятели культуры продолжали приезжать в Белград, но уже по собственной инициативе. В их списке: В. В. Болдырев, Н. Н. Головин, В. В. Зеньков-

³⁸ Новое время. 1921. 5 июля.

ский, И. А. Ильин, В. Н. Ипатьев, М. А. Иностранцев, Е. А. Ляцкий, В. Ф. Тотомьянц, А. Е. Фатеев и др. В ознаменование приезда весной 1938 г. в Белград из США академика В. Н. Ипатьева, Советом Русского научного института в Белграде был учрежден Фонд его имени, из которого выдавались премии особо отличившимся молодым ученым-химикам.

Стипендиаты Русского научного института в Белграде

Большое внимание Русский научный институт в Белграде уделял работе стипендиатов, которые под руководством членов института выполняли самостоятельные научно-исследовательские работы по разным специальностям. В течение первых четырех лет своего существования институт в Белграде имел возможность выдавать специальные стипендии талантливым молодым ученым (проживающим как в Югославии, так и за ее пределами) для проведения научных исследований. Фонд стипендий Института пополнялся путем «самообложения» членов Института. Стипендии получили: М. А. Андреева, Н. Н. Афанасьев, К. Е. Воронец, В. Х. Даватц, Б. С. Ижболдин, О. О. Марков, В. Э. Мартино, В. А. Мошнин, П. А. Остроухов, Л. В. Черносвитов, П. И. Чернявский, И. И. Рыковский.

Доклады ученых Института

За 10 лет в Русском научном институте в Белграде было сделано 670 сообщений. Они были посвящены России (253), Югославии (34), гуманитарным наукам (93), биологии и медицине (65), математике, механике, физике (53), военным наукам (47). Наиболее активными лекторами были: П. Б. Струве (102 доклада), А. Л. Погодин (37 докладов), Ф. В. Тарановский (30 докладов). Институт провел несколько торжественных публичных собраний, посвященных знаменательным датам в истории России, ее культуры, науки, литературы.

Русская публичная библиотека и Русский архив

Еще в 1920 г. в здании Королевской сербской академии наук в Белграде была открыта Русская библиотека, основанием которой стали 100 русских книг, пожертвованных одной сербкой³⁹. К 1945 г. она превратилась в Русскую публичную библиотеку, насчитывавшую бо-

³⁹ *Маевский В.* Русская библиотека в Белграде // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско, 1966. С. 99–100.

лее 120 тысяч книг, и считалась вторым величайшим книгохранилищем Русского Зарубежья после Тургеневской Библиотеки в Париже. Нормально функционировать Библиотека стала после переселения ее и Русского научного института в 1933 г. в Русский Дом имени императора Николая II. При Библиотеке стал создаваться Русский архив, которому многие ученые завещали свои труды и рукописи. Именно здесь оказался богатый архив П. Б. Струве, который не мог его взять с собой, когда уезжал на Запад. В Русском Доме находился Музей императора Николая II, в котором хранились экспонаты, документы, картины и фотографии царя и его семьи, а также Музей русской конницы.

Издательская деятельность Русского научного института

Важной исторической миссией Русского научного института в Белграде стала его деятельность по систематическому сбору библиографии русских ученых, работавших в разных странах мира. Этой задаче института был посвящен специальный доклад В. А. Маклакова на IV Съезде русских академических организаций. На Съезде было предложено создать Библиографический институт; однако затем было принято целесообразным организовать специальную Библиографическую Комиссию и поручить ей подготовку материалов. Наиболее значимыми для всей русской эмиграции были такие издания Русского научного института в Белграде, как двухтомник «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом»⁴⁰, 17 томов альманаха «Записки Русского научного института в Белграде», двухтомник «Труды IV съезда русских академических организаций за границей» и др. К 1930 г. в Русском Зарубежье возникло ощущение скорого и триумфального возвращения в Россию, которое обязательно потребует от изгнанников некоего отчета об их деятельности. Поэтому не случайно, первый выпуск «Материалов для библиографии русских ученых за рубежом» был посвящен 10-летию русской эмиграции; второй — ее 20-летию. К сожалению, вторая часть второго выпуска хотя и была подготовлена к изданию, но погибла при оккупации Белграда. В совокупности, оба выпуска содержат 13371 библиографическую единицу и

⁴⁰ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930 гг.). Белград: Издание Русского научного института в Белграде, 1931. Вып. 1; Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930–1940 гг.). Белград, 1941. Вып. 2. Ч. 1.

данные о 811 авторах⁴¹. Это фантастический по своей продуктивности итог издательской деятельности эмигрантов. Издание «Материалов» можно рассматривать как самый главный результат деятельности Русского научного института в Белграде, поскольку оно оказало влияние не только на научную, но и культурную жизнь не только белградской, но и большинства других русских колоний в Европе, США, Тихоокеанском регионе. «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» получили высокую оценку иностранных и российских экспертов и, несомненно, являются ценнейшим вкладом в историю русской научной эмиграции.

Другим серьезным научным изданием Русского научного института был альманах «Записки Русского научного института в Белграде». С 1930 по 1941 г. Институт выпустил 17 томов, содержащих 180 статей⁴². И третье выдающееся издание института — Труды IV съезда русских академических организаций за границей (председатель издания — В. Л. Ласкарев). В двух томах было опубликовано 79 докладов, из них — 30 принадлежали авторам, проживающим в самой Югославии⁴³.

Альманах Русской эмиграции

Уже к концу своего десятилетнего существования сообщество русских ученых-эмигрантов в Югославии пришло к необходимости создания труда, отражающего достижения и успехи русского имени в изгнания. Так возникла идея «Альманаха Русской эмиграции», который в форме двух выпусков был опубликован в 1931 г. в Белграде силами «Объединенной русской эмиграции»⁴⁴. Его идея — «стать связующим звеном между рассеянными по всему свету русскими организациями и отдельными лицами»⁴⁵. Главная задача — «увековечить жизнь и труды эмиграции в виде большого альманаха, куда должны войти все необходимые для истории сведения о достижениях и успехах Русского имени в годы изгнания»⁴⁶. По замыслу редакции «Альманах» должен превра-

⁴¹ Составителями «Материалов» были Е. В. Спекторский и В. Х. Даватц.

⁴² Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931–1941. Вып. 1–17. (180 статей).

⁴³ Труды IV-го Съезда русских академических организаций за границей: в 2-х т. Белград, 1928.

⁴⁴ Альманах русской эмиграции: 1920–1930. Белград, 1931. Вып. I и II.

⁴⁵ Цит. по: там же. Предисловие. С. 1.

⁴⁶ Цит. по: там же. От редакции. С. 1–2.

титься в некую «энциклопедию эмиграции, где должны были быть помещены сведения обо всем русском и обо всех русских, десять лет живущих вне своей Родины»⁴⁷. Книга предполагала следующие разделы:

1. Русские учреждения и их адреса.
2. Общественные организации и их адреса.
3. Политические организации и их адреса.
4. Военные организации и их адреса.
5. Гуманитарные организации и их адреса.
6. Научные организации и их адреса.
7. Профсоюзные организации и их адреса.
8. Спортивные организации и их адреса.
9. Церковные приходы и их адреса.
10. Сведения о врачах, адвокатах, инженерах, художниках, артистах, коммерсантах с их точными адресами.
11. Список всех мест русского рассеяния (колоний, мест работы).
12. Описание жизни и деятельности учреждений и отдельных лиц.
13. Перечень русских фирм (банков, издательств, торговых домов, касс взаимопомощи).
14. Некрологи.
15. Адресный стол русской эмиграции (10 динар за справку).

Готовящийся альманах было решено посвятить 10-летию исхода, когда остатки Русской Армии на 160 кораблях вывезли из Крыма «национально мыслящую массу лучших представителей нашей великой Родины»⁴⁸. Безусловно, издание «Альманаха русской эмиграции» можно рассматривать как предысторию Проекта «Золотая книга российской эмиграции», который разрабатывался совместными усилиями двух Комитетов в Париже и Нью-Йорке в послевоенные годы, и должен был подвести итог 50-летнему исходу⁴⁹.

Оценка деятельности русских ученых в Югославии

Сербские ученые высоко оценили вклад российских ученых в мировую и национальную науку. Ни одна национальная группа в Югославии не была так многочисленно представлена в Сербской академии

⁴⁷ Цит по: Альманах русской эмиграции: 1920–1930.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ульянкина Т. И. История проекта «Золотая книга русской эмиграции» (Париж–Нью-Йорк) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М., 2003. С. 218–221.

наук. Пятнадцать русских ученых-профессоров Белградского университета были удостоены звания членов-корреспондентов или действительных членов Сербской академии наук⁵⁰.

И, тем не менее, в эмигрантской литературе можно встретить не всегда лицеприятные отзывы о жизни в этой стране. Еще Г. Н. Пио-Ульский в своем знаменитом докладе «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов» отмечал, что югославские заказчики и работодатели приписывали себе многие талантливые проекты и открытия русских. Поэтому ряд имен строителей, архитекторов, инженеров остался скрытым «в тени» их югославских коллег⁵¹. Известный американский историк российского происхождения Марк Раев, отмечая высокую активность деятельности русских ученых в Югославии, не скрывал, что это был «намного менее искусственный и созидательный центр, чем Берлин, Париж или Прага»⁵². Сам Раев оценивал Институт по его научной продукции «как средний» и, в связи с этим, писал: «Приглашенные извне в Научный институт отмечали его „провинциализм“ и узость эмигрантских интересов в Югославии — возможно, этим объясняется тот факт, что большинство ученых так и не смогло абсорбировать службу в югославских учреждениях. Другой причиной были специфические промонархические и консервативные, если не сказать реакционные, настроения в этой русской колонии, связанные с наличием большого числа военных и казаков»⁵³.

Выдающийся русский философ С. Л. Франк, друживший с П. Б. Струве и близко наблюдавший его во время своего двухмесячного курса лекций в Русском научном институте в Белграде весной

⁵⁰ Звания члена-корреспондента и действительного члена Сербской академии наук были удостоены: А. Д. Билимович (теоретическая и прикладная механика); К. П. Воронец (термодинамика); С. М. Кульбакин (филология); В. Д. Ласкарев (геология); Г. А. Острогорский (византология); Н. А. Пущин (химия); Н. Н. Салтыков (математика); Е. В. Спекторский (история общественных учений); Ф. В. Тарановский (историческое право); В. В. Фармаковский (термодинамика двигателей); Я. М. Хлытчиев (теория упругости, сопломат) и др.

⁵¹ *Пио-Ульский Г. Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939; Цит. по: Альманах русской эмиграции: 1920–1930. С. 60.

⁵² *Raev M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1929–1939. N.-Y.; Oxford, 1990. P. 21.

⁵³ Там же. С. 65.

1930 г., так описал свои впечатления: «Я несколько раз слушал его и был снова поражен его огромной ученостью, его начитанностью во всех областях исторического знания (включая даже, например, историю русского языка); я не сомневаюсь, что по объему знаний и оригинальности мысли он стал под конец своей жизни первым русским историком. Было прискорбно видеть, что эту безмерную сокровищницу знаний он рассыпал перед немногими русскими генералами и старушками, составлявшими его аудиторию (молодежь, за ничтожными и случайными исключениями, как говорится, „блистала своим отсутствием“)⁵⁴. Это впечатление С. Л. Франка усиливает мнение самого П. Б. Струве. Так, в своем ответном письме С. Л. Франку, от 19 ноября 1939 г., он пишет: «Дорогой друг, вчера я читал в заседании Русского научного института в Белграде доклад о твоей жизни „Непостижимое“. Собралось человек 25, членов института не было, их существенный признак, по моему определению, в том, что они заседаний не посещают»⁵⁵. В мае 1939 г. Петр Бернгардович писал С. Л. Франку о своей «моральной заброшенности в Белграде», а также о том, что он вынужден жить на жалованье, «сильно сокращенное по сравнению с обещанным ему при приглашении и не обеспечивающее элементарного жизненного минимума», и что он «совершенно запутался в долгах»⁵⁶. «Какими-то чудесами, — комментировал С. Л. Франк, — непрерывно сопровождающими нашу эмигрантскую жизнь, П. Б. Струве удалось все же мирно дожить до момента, когда весной 1941 г. военный вихрь обрушился на Белград»⁵⁷. Далее С. Л. Франк писал: «Впрочем, вопреки распространенному в русской эмиграции мнению, белградская русская колония отнюдь не состояла сплошь из „черносотенцев“. Кроме некоторого числа серьезных русских ученых, пожалуй, большая часть русской колонии, в том числе и некоторые профессора, были просто средними обывателями, ведущими типично русский провинциальный образ жизни, заполненный едой и картами»⁵⁸.

В заключение своего обзора, мне хотелось бы согласиться с мнением сербского историка Остоя Джурича о том, что не так важно, какие идеологические определения давали довоенному Русскому Белграду,

⁵⁴ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 155.

⁵⁵ Там же. С. 172.

⁵⁶ Там же. С. 170.

⁵⁷ Там же. С. 171.

⁵⁸ Там же. С. 156.

более важно то, **что именно русские создали в Югославии, а создали они очень много**⁵⁹. Сейчас, когда Сербия открыла, наконец, свои архивы для исследователей, русская академическая эмиграция в Сербии должна будет занять свое достойное место в истории отечественной и мировой науки.

⁵⁹ *Джурич О.* Шестьдесят лет Русскому Дому имени Императора Николая II-го в Белграде (1933–1993). С. 62.

*Александр Петрович
Университет г. Крагуевац*

МОСТ, ЧЕРЕЗ КОТОРЫЙ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ПЕРЕЙТИ Русские ученые — члены Сербской королевской академии после Октябрьской революции

*Истина познается в сравнении
Владимир Фармаковский*

Сербское естествознание нового времени начинается с работы Афанасия Ивановича Стойковича (1773—1832), опубликовавшего в 1801 г. первое сочинение о физике на сербском языке¹. Его научная карьера достигла вершины при переезде в Россию, где он стал ректором Харьковского университета и членом Императорской академии наук. Имя автора трудов о «воздушном камне» носит гора на месте падения тунгусского метеорита². Огнеслав Степанович Костович (1851—1916), вошедший во многие русские энциклопедии, несколько десятилетий спустя едет в Россию и как изобретатель достигает значительных результатов в области воздухоплавания, морской техники, прикладной химии и изучения двигателей внутреннего сгорания³.

Приведены лишь два самых известных примера, иллюстрирующих вековое движение сербского народа, интеллектуалов и ученых к России. Не секрет, что объяснение тому в значительной мере кроется в тяжелых исторических условиях, в которых столетиями находилось сербское государство.

Исход же русской интеллигенции и ученых в результате Октябрьской революции изменил вековое течение истории и оказался совершенно новым опытом для сербской культуры. Хотя Сербия, как и США, в середине XIX в. в процентном отношении была страной самой

¹ *Грубич А.* Два столеча геологие у Фисици Атанасия Стойковича // Скривени хоризонт — размеджа историе српске науке (уредник Александар Петрович). Крагуевац, 2006. С. 21—44.

² *Милоградов Е.* Атанасие Стойкович и история ваздушног каменья // Флогистон — часопис за историю науке (уредник Александар Петрович). № 11. Београд, 2001. С. 15—46.

³ *Янич Ч.* Проналазач и конструктор Огнеслав Костович // Скривени хоризонт — размеджа историе српске науке (уредник Александар Петрович). Крагуевац, 2006. С. 55—108.

большой иммиграции, со времен падения Византийской империи не было случая одновременного появления в стране такого значительного количества известных ученых⁴. Это также один из редких примеров того, как довольно большая группа представителей интеллигенции всего лишь за три года переселилась из одной страны в другую, из одной культуры в другую культуру. Поэтому так увлекательно наблюдать за судьбой и влиянием этой группы на принявшую ее страну⁵.

До начала 1922 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев пришло 836 русских инженеров, 108 агрономов, 88 университетских преподавателей, 370 преподавателей средней школы, 185 врачей, 401 судья и юрист, 133 адвоката, 150 профессиональных художников. Из них на философском факультете в Белграде работало 19 преподавателей, на юридическом — 6, богословском — 5, технологическом — 20, сельскохозяйственном и лесном — 11, медицинском — 11. Всего в Белградском университете преподавали 70 русских ученых, в Загребе — 20, в Любляне — 17. Во всех университетах Королевства работало 120 русских преподавателей⁶.

Подробное исследование жизни и деятельности такой большой группы представителей интеллигенции видится лишь в далекой перспективе, а нашу задачу мы ограничились краткой зарисовкой этого процесса на примере ряда русских ученых, получивших самое большое научное признание в сербской культуре — членство в Сербской королевской академии наук и искусств. Некоторые русские ученые приехали в Сербию еще детьми и были приняты в Сербскую академию наук и искусств после Второй мировой войны (Георгий Александрович Острогорский и Константин Петрович Воронец). Но мы обратим внимание на девять исследователей, сложившихся как ученые и получивших признание еще в России, до Второй мировой войны: это — математик Антон Дмитриевич Билимович (1879–1970), геолог Владимир Дмитриевич Ласкарев (1868–1954), математик Николай Николаевич Салтыков (1872–1961), юрист Евгений Васильевич Спектор-

⁴ *Шолая Вл., Магдич А.* Путеви српског инжињерства током XIX века. Београд, 1994.

⁵ *Йованович М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006. Также на русском языке: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах (1920–1940). М., 2005.

⁶ *Миленкович Т.* Друштво руских научника у Југославији // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 61.

ский (1875–1951), юрист Федор Васильевич Тарановский (1875–1936), инженер-механик Яков Матвеевич Хлытчиев (1886–1963), филолог Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941), инженер-механик Владимир Владимирович Фармаковский (1880–1954) и химик Николай Антонович Пушкин (1875–1947). Это совсем небольшая группа, учитывая, что в Сербию до 1921 г. приехало 3237 иммигрантов с высшим образованием, включившихся в административную, хозяйственно-экономическую, образовательную и научную систему Югославии⁷. Возьмем эту группу в качестве примера, так как в Академию было сложно попасть и, кроме высшего образования и научных заслуг, необходимо было иметь общественный статус. Членство русских эмигрантов в этом учреждении может в определенной степени быть применимо в качестве мерила их общего значения в сербской культуре.

В приведенном списке академиков уже с первого взгляда виден «перевес» естествознания и техники по отношению к гуманитарным дисциплинам: из девяти человек только трое являются учеными-гуманитариями. Показательно, что симбиоз двух культур наиболее плодотворно выразился в области науки и техники. Также отметим, что самые признанные сербские ученые в русской культуре, А. И. Стойкович и О. С. Костович, также внесли свой вклад в эти дисциплины. Обычно при рассмотрении исторических и культурных отношений двух стран естествознание и техника не выходят на первый план, но все же общий знаменатель обе культуры нашли именно в этой области. После Второй мировой войны самым плодотворным оказалось сотрудничество именно в этой сфере, что еще раз подтверждает нашу мысль.

Хотя сербская научная элита с начала XX в. в основном получала образование в западноевропейских университетах, она не потеряла культурную и эмоциональную связь с русской культурой и осознавала значение прихода русской иммиграции. В югославские дипломатические представительства, в первую очередь в Константинополе, через которое поступало наибольшее количество беженцев, было разослано обращение географа Йована Цвиича, приглашавшего русских ученых продолжить работу в Королевстве Югославия. Безусловно, это было частью государственной политики, в результате которой страна приняла около 40000 беженцев, пришедших с шестью иммиграционными волнами с 1919 по 1921 г. Из них в Югославии, в основном в Сербии, постоянно проживало около

⁷ *Йованович М.* Доселяване руских избеглица у Кралевину СХС. Београд, 1996.

25 000⁸. Необходимо иметь в виду, что это был момент формирования Королевства сербов, хорватов и словенцев после Первой мировой войны, в которой погибло более половины мужского населения Сербии.

Отношение русских ученых к новой среде лучше всего иллюстрирует пример геолога Владимира Дмитриевича Ласкарева, который, работая в Сербии, первый открыл существование в позднем палеогене моря, простиравшегося от Швейцарии до юга России, и назвал его Паратетис⁹. Он решил приехать в Сербию, ознакомившись в сербском представительстве в Константинополе с обращением Йована Цвиича, в котором упоминалось, что Сербия потеряла в войне большую часть интеллигенции и с радостью примет русских ученых¹⁰. Ласкарев до конца жизни остался в Сербии, но не отказался от надежды вернуться в Россию. Поэтому он не мог решиться перейти в сербское подданство и три десятилетия работал преподавателем с низкой заработной платой, которой едва хватало на его тихую и уединенную жизнь. Он говорил немного и медленно, слегка заикаясь, как будто каждый раз подыскивая нужное слово. Ласкарев не боролся за деньги и карьеру и «никогда ничего для себя не просил», но упорно ждал, пока ему предложат, и только тогда соглашался. Жил скромно, в семействе сестры и племянников, не был женат, посвятив всего себя без остатка геологии¹¹. В 1924 г. Ласкареву предложили принять сербское гражданство, но он отказался, мотивируя это тем, что надеется вернуться в свою страну, в Одесский университет. Однако в 1926 г., получив телеграмму II Всесоюзного конгресса геологов СССР с приглашением вернуться на родину, он от такого приглашения отказался. По его словам, он хранил телеграмму как орден, на груди¹². Ласкарев принял югославское гражданство только в 1950 г. По воле В. Д. Ласкарева его могила в Белграде покрыта русской землей, которую привезли пилоты авиакомпании «ЈАТ».

⁸ *Йованович М.* Руска емиграција на Балкану.

⁹ *Стеванович П.* 50 година од прокламовања Паратетиса у Српском геолошком друштву. У спомен двадесетогодишнице смрти В. Ласкарева // Записници Српског геолошког друштва за 1974. Београд, 1975. С. 69–78.

¹⁰ *Грубич А., Пантич Н.* Владимир Димитријевич Ласкарев // Живот и дело српских научника. Кн. 6. Београд, 2000. С. 3–41.

¹¹ *Стеванович П.* Медјусобна сарадња и удео Петра Павловића и Владимира Ласкарева, два истакнута академика у проучавању неогена и квартара // Геолошки анали Балканског полуострва. Кн. III. Св. 1. С. 1–14.

¹² *Ласкарев В.* Др. Владимир Ласкарев, дописни члан (аутобиографија) // Годинјак Српске краљевске академије за 1932. Београд, 1932. С. 195–200.

Такая сильная приверженность человека и к России, и к Сербии показывает, что приехавшие ученые способствовали строительству надежного моста между двумя культурами. В. Д. Ласкарев, представляя лучшее в русской геологии, занимался в Белграде палеонтологией на кафедре геологии и объединил свой опыт с достижениями геологии западно- и центрально-европейских государств, а также с сербской национальной геологической школой Йована Жуйовича¹³. Послужив такой опыт моделью для сербско-русских отношений, он бы смог еще больше сблизить обе культуры.

Все девять русских ученых являются примером того, насколько полно человека поглощают проблемы, которыми он занимается. Еще на пути в Югославию, находясь в карантине на греческом острове Принкипио, В. Д. Ласкарев исследовал морскую террасу, которая, по его мнению, соответствовала второму межледниковому периоду¹⁴. Он был без остатка предан своей работе до последних дней жизни; на девятом десятке Ласкарев активно работал в Университете и в сербской геологической службе¹⁵.

Полная самоотдача характерна и для работы профессора Якова Матвеевича Хлытчиева. В начале Второй мировой войны он был арестован гестапо и заключен в лагере в Белграде. Он просил супругу принести в лагерь учебник „Lehrbuch der Physik“ Вильгельма Вестфаля, объемом около шестисот страниц. Такое необычное пожелание — результат особого отношения к жизни, которое проявило себя и в тот момент, когда Хлытчиев в марте 1920 г. приехал в Белград¹⁶. В то время

¹³ *Стеванович П.* Др. Владимир Ласкарев (1868–1954), некролог // Геолошки анали Балканског полуострва. Кн. XXIII. Београд, 1955. С. 1–18.

¹⁴ *Стеванович П.* Научна делатност академика В. Ласкарева // Записници Српског геолошког друштва за 1954. годину. Београд, 1956. С. 105–112.

¹⁵ *Грубич А.* Владимир Димитриевич Ласкарев: Председници и истакнути стари чланови Управе Српског геолошког друштва // Споменица сто година Српског геолошког друштва 1891–1991. Београд, 1992. С. 153–154.

¹⁶ Первый письменный документ — регистрация в квартире на ул. Николаевской № 41, заверенная 17 марта 1920 г. Первый документ о начале его работы — Свидетельство Министерства просвещения Королевства сербов, хорватов и словенцев, выданное 4 апреля 1920 г., подтверждающее назначение на должность преподавателя технического факультета Белградского университета «по курсам механики и графостатики и гидравлики». Он активно работал в Белградском университете до 1958 г. и после выхода на пенсию продолжил преподавать теорию упругости на строительном факультете университета.

в Белграде находился инженер, механик Степан Прокофьевич Тимошенко из Петербургского Политехнического института, работавший в той же научной сфере. Тимошенко знал, что Белград слишком мал для специалистов из одной области и предложил бросить монету, которая и решила, что Хлытчиев останется в Белграде. С. П. Тимошенко позднее уехал в США и стал профессором Стэнфордского университета. Я. М. Хлытчиев, как и В. Д. Ласкарев, показал большую приверженность принявшей его стране: он ответил благодарностью за предложение занять должность штатного преподавателя в Пражском Техническом университете в 1922 г., но отказался там работать и остался в Белграде.

Гестапо в тот же самый лагерь поместило математика Н. Н. Салтыкова и электрохимика Н. А. Пушина. Это свидетельствует о том, что исследуемая группа прошла все трудности войны и была полностью интегрирована, во многом разделив исторические горести сербского народа. Поэтому после окончания Второй мировой войны все русские члены Академии были возвращены на университетские кафедры¹⁷.

Конечно, точного мерила количественного вклада русских ученых не существует, но и в первом приближении становится ясно, что многие научные области получили весьма сильный импульс, а некоторые и не существовали в Сербии до приезда русских ученых. Это было своего рода возрождение, воодушевившее сербскую науку, находившуюся в начале XX в. на подъеме, повторить который позднее не удалось.

Все русские ученые прибыли в Сербию уже признанными специалистами, получившими образование в Петербурге и имевшими опыт исследовательской работы, в том числе и за рубежом, в первую очередь в Германии. Профессор Владимир Владимирович Фармаковский, жизненный девиз которого гласил «Истина познается в сравнении», еще в 1914 г. был избран профессором кафедры прикладной механики Политехнического института императора Александра II. В 1920 г. он прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев, уже достигнув

¹⁷ Профессор Я. М. Хлытчиев в 1945 г. был выбран заведующим кафедрой технической механики технического факультета Белградского университета. Кроме того, он читал курс сопротивления материалов и теорию упругости на строительном факультете, а также теорию осцилляции на машиностроительном факультете. На этом же факультете его стараниями было организовано кораблестроительное отделение, на котором Хлытчиев преподавал теорию корабельных конструкций.

известных результатов в теоретических и экспериментальных исследованиях тепловых процессов в локомотивных двигателях, и в тот же год стал профессором Белградского технического университета, а затем членом Сербской королевской академии наук и искусств. После его смерти академический Технический институт получил имя Владимира Фармаковского¹⁸.

Можно сделать вывод, что первая составляющая научного и общественного успеха этой группы русских ученых основывалась на эффективной передаче знаний. Плодотворность объясняется европейским уровнем русских университетов и институтов начала XX в. и, следовательно, высоким уровнем подготовки специалистов. В математике и родственных ей науках передача знаний могла осуществляться напрямую, но в области техники русские ученые стояли перед задачей поднять не только общий образовательный и технологический, но и институциональный уровень в своей новой среде. Они вкладывали огромные силы в развитие своих дисциплин, но сталкивались с большой инертностью системы. Хорошим примером служит Н. А. Пушин, оставивший в 1920 г. Россию уже сформировавшимся ученым.

В 1913 г. Н. А. Пушин был избран ординарным профессором химии и электрохимии Петербургского электротехнического института. В Геттингене он изучал активность бинарных лигирующих элементов при высоком давлении, а Д. И. Менделеев еще в 1906 г. цитировал его работы по этому вопросу. Во время Первой мировой войны он участвовал в обороне страны, являлся советником правительства в вопросах создания средств защиты против боевых отравляющих веществ¹⁹. В эмиграции для проведения исследований Пушин основал в Загребе в 1921 г. Институт физической химии. «По приезде в Загреб профессор Пушин обнаружил старый химический завод в жалком состоянии. В старое здание годами ничего не вкладывали... Проф. Пушин с большой самоотдачей, терпением и огромной энергией приступил, в первую очередь, к организации преподавания физической химии, а потом и к устройству лаборатории»²⁰.

¹⁸ *Савич З.* Владимир Фармаковски // Живот и дело српских научника. Кн. 9. Београд, 2004. С. 1–46.

¹⁹ *Тутунджич П.* С. Др. Никола Пушин (некролог) // Гласник хемийског друштва. №12. Београд, 1947.

²⁰ *Дежелич М.* Почети кемијске наставе на Свеучилишту у Загребу // Croatica Chemica Acta. 50. 1977.

Это был значительный шаг вперед, но с другой стороны только в 1927 г. Пушин смог обеспечить материал и более совершенное оборудование для лаборатории, сгоревшей в 1924 г. в пожаре. Тогда должность директора Университетского химического завода была предложена Н. А. Пушину, который кроме научной работы должен был выполнять функции управленца. Однако отказ в избрании на должность ординарного профессора в связи с тем, что область его исследований слишком узка, вынудил Пушина вернуться в 1927 г. из Загреба в Белград на должность ординарного профессора Технологического факультета²¹. В Белграде его исследования получили приличное финансирование, так как в них были заинтересованы военные специалисты. Благодаря такой поддержке он смог создать на факультете отличный микроклимат, в котором выросли многие успешные исследователи.

Внешние обстоятельства отражались и на работе ряда других русских ученых. Например, Яков Хлытчиев, специалист в области кораблестроения и преподаватель курса по теории упругости технического факультета в Белграде, получивший научную репутацию еще в Санкт-Петербургском Политехническом институте и в Херсонском Политехническом институте, занимался не только преподаванием, но и был директором предприятия по установке систем центрального отопления, по эксплуатации древесных материалов и возглавлял общество по минеральным ресурсам. Здесь он достиг определенного успеха, обусловленного в значительной степени опытом работы в качестве главного инженера Технического бюро Адмиралтейской верфи в Петербурге²². Возможно, из-за этого он не закончил свою последнюю книгу «Прочность бетонных конструкций», эту работу он считал делом жизни, а уже Британское издательство „Pergamon Press“ приняло ее к публикации²³.

Из опыта передачи знаний — первой составляющей успеха русского научного сообщества в Белграде, выросла вторая составляющая, которая еще убедительнее подтвердила вклад этих ученых. Она тяжелее поддается определению, но не менее существенна. Речь идет

²¹ *Михолич С.* Проф. др Никола А. Пушин (некролог) // Архив за кемию. № 19. 1947. С. 149.

²² Наташа Наерлович-Велькович, Яков Матвеевич Хлытчиев // Живот и дело српских научника. Београд, 1998. С. 231–270.

²³ В научных трудах, опубликованных за рубежом, подписывался как J. M. Klitchieff.

об огромном трудовом азарте, энтузиазме русских ученых. Ни один из них не демонстрировал ни капли послевоенного синдрома. Напротив, их отличала необычайно сильная энергия, жизненный оптимизм, готовность решать сложные задачи и находить выход из любой ситуации. Несмотря на пережитую ими огромную историческую и личную трагедию, все русские ученые активно продолжали исследования, начатые в России. К ним тянулись люди — лекции профессора В. В. Фармаковского зимой 1946 г. с горячим энтузиазмом слушали студенты в заледенелых помещениях и с большим восхищением говорили о них.

В русском научном сообществе в югославской эмиграции самое видное место занимал Евгений Васильевич Спекторский, в прошлом — ректор Киевского университета, и с 1920 г. — председатель Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Его заместителем был Федор Васильевич Тарановский, в прошлом — профессор славянского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Кассиром был Антон Дмитриевич Билимович, приехавший в Белград в возрасте 40 лет как ординарный профессор Новороссийского университета в Одессе, автор ряда работ, опубликованных в русских и европейских журналах. Жизнь и работа А. Д. Билимовича четко разделена на две части, полвека он проработал в Белградском университете, стремительно поднял научный уровень механики в Сербии и с огромным воодушевлением начал ряд работ, выходящих за рамки обычной университетской деятельности²⁴.

В 1926 г. А. Д. Билимович замыслил, организовал и впоследствии был избран председателем Клуба математиков Белградского университета. Этот клуб способствовал развитию математики как науки в Сербии и привел к результатам мирового значения²⁵. Билимович создал журнал „Publications“, который и по сей день является эталонным журналом в мире математики, и основывал школу аналитической механики, имевшую ряд известных последователей и работающую по сей день. Ему удалось совладать и с брешью, появившейся в результате военной неудачи Королевства Югославии. Усилиями Билимовича Клуб математиков превратился в Математический институт Сербской

²⁴ Двадесет пет година студијске групе за механику 1952–1977 // Зборник радова. Природно — математички факултет Универзитета у Београду. Београд, 1977.

²⁵ *Леко М.* Сечане на стваралаштво професора Антона Биломовича // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд. 1994.

академии наук²⁶. Его влияние на современную математику в Сербии ощущается и по сей день. Работа Билимовича по переводу тринадцати томов «Элементов геометрии» Эвклида на сербский язык не потеряла своей ценности.

Математик Николай Николаевич Салтыков в течение нескольких десятилетий активно занимался реформой сербской средней школы²⁷. Его деятельность оказалась важна и для окончательного принятия русской научной школы в сербской культуре. Н. Н. Салтыков начал исследования в области истории науки, находившейся в то время в Сербии в зачаточном состоянии²⁸. Изучая деятельность Марина Геталдича, Салтыков обнаружил в Риме частную коллекцию и сфотографировал портрет этого физика эпохи Ренессанса.

Федор Васильевич Тарановский, профессор Белградского юридического факультета, имел возможность жить и работать в Варшаве, Софии и Белграде²⁹. Его, как оказалось оправданный, выбор все же пал на Белград. На юридическом факультете Ф. В. Тарановский занимался систематическим исследованием сербского раннесредневекового права. С 1920 по 1936 г. Тарановский посвящает себя изучению различных памятников сербского права, в первую очередь законника Стефана Душана³⁰. Дело его жизни — «История сербского права в государстве Неманичей» — единый, полный, систематический анализ всех видов правовых отношений в сербском средневековье³¹. Завершая эту работу, в предисловии ко второй книге «Истории сербского права» Тарановский пишет: «Публикацией этой книги я завершаю нашу работу по систематической обработке истории сербского права в государстве

²⁶ Споменика посвечена преминулом академику Антону Билимовичу: Српска академия наука и уметности. Посебна издана. Кн. 52. Београд, 1971.

²⁷ Салтыков Н. Проблеми спреманя наставника математике за средње школе // Настава математике и физике у средной школи. Год. II. №. 1. Београд, 1953.

²⁸ Saltikov Nikola, Histoire et évolution des mathématiques, «Comptes rendus du Deuxième Congrès des Mathématiciens des Pays Slavs». Praha, 1934.

²⁹ Спекторски Е. Живот и личност Теодора Тарановског // Архив за правне и друштвене науке. XXXIII—1. Београд, 1936. С. 220.

³⁰ Михальчич Р. История српског права у делима Теодора Тарановског // Руска емиграция у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 169.

³¹ Данилович Й. Допринос Теодора Тарановског српској правној историографији // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 180.

Неманичей, которая многие годы была для нас и трудом, и наслаждением. Прощаясь с ней, мы провожаем часть нашей жизни, а в определенном возрасте это немного грустно»³². Вскоре после этого Федор Васильевич Тарановский умирает в возрасте 61 года³³.

Филолог Степан Михайлович Кульбакин, как и Ф. В. Тарановский, благодаря своему положению в науке, имел возможность выбирать среди всех университетов, где изучался какой-либо славянский язык. Он выбрал Белград, так как уже опубликовал книги «Сербский язык» (1915, 1917) и «Хрестоматия сербского языка» (1915). Прочитируем известного сербского писателя Мешу Селимовича: «Степан Кульбакин, автор лучшей в мире грамматики старославянского языка, будучи практически полностью парализованным, преподавал на занятиях с удивительным оптимизмом и новизной»³⁴. Кульбакин глубоко погрузился в сербскую историю, изучая лучшую сербскую кириллическую рукопись XII в. — Мирославово евангелие³⁵. Тарановский развивал сербскую правовую историю, а Кульбакин — историю сербского языка, представив в работе палеографический и лингвистический анализ Мирославова евангелия (Сремские Карловцы, 1925), проведя орфографическое, палеографическое, лингвистическое и текстуальное исследование древнейшего полного памятника сербской письменности.

Благодаря интеллектуальному вкладу этих ученых в сравнительно короткое время сербская культура получила новые достоверные сведения о важных фактах своей истории. Поэтому и русское научное общество было принято в Белграде и Сербии полностью и без тени сомнения. Можно сделать вывод, что влияние этой группы русских ученых служит примером самого удачного взаимоотношения сербской и русской культуры в общем прошлом взаимных отношений. На всех уровнях они были прекрасно интегрированы в сербскую культуру. Группу

³² *Тарановски Т.* История српског права у Неманичкој држави. Београд, 1935. Т. II.

³³ Работу Тарановского и всей русской научной общественности в Сербии освещает научное наследие профессора юридического факультета Университета в Белграде — Сергея Троицкого, которое в 2008 г. стало впервые доступно исследователям. Архив содержит 157 документов, имеющих значение для истории науки, культуры и политики. Эти документы включены в фонд Любомира Бошкова в Архиве Войводино в г. Новый Сад.

³⁴ *Селимович М.* Сечаня. Београд, 1988. С. 90.

³⁵ *Йовичевич Р.* Допринос Степана Кульбакина српској палеославицици // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 220.

русских ученых нельзя назвать изолированной, ученые были полностью приняты новой средой, с которой легко нашли общий язык, что обусловило и более легкое психологическое примирение с вынудившим их к изгнанию историческим переломом, и продуктивное продолжение своих основных исследований, и получение результатов, равных или превосходящих достижения в России. Некоторые из них оказались в развитой научной среде, как, например, математик Антон Билимович, который работал совместно с Михаилом Петровичем-Аласом и Милутином Миланковичем, другие, как Николай Пушин, для продолжения своих основных исследований должны были поднять целую институциональную структуру. Но и одни, и другие дали сильный, ощущаемый и по сей день импульс сербской науке и заложили мост, через который еще предстоит перейти.

Перевод с сербского М.В. Хартанович

II. СУДЬБЫ УЧЕНЫХ

В. П. Борисов

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Представители российской школы прикладной механики С. П. Тимошенко и Я. М. Хлытчиев в эмиграции

В потоке беженцев из России (после прихода большевиков), составлявшем по разным оценкам от 1 до 2 млн. человек¹, встречалось немало людей с инженерным образованием. Среди них были видные деятели науки и техники, представлявшие высшие школы Петербурга со сложившимися инженерными традициями. В марте 1920 г., с большим трудом получив места в трюме французского корабля, отплывавшего из Севастополя, страну покинули два известных российских специалиста в области теоретической и прикладной механики, С. П. Тимошенко и Я. М. Хлытчиев. Целью ученых было добраться до Белграда, где они надеялись найти работу по своей специальности. Один из них связал свою жизнь и деятельность с Белградом. Общим для обоих ученых стало то, что, оказавшись в эмиграции, Тимошенко и Хлытчиев не затерялись, а сумели утвердить свой высокий профессиональный уровень и лидерство в избранной области науки.

Профессор петербургских Политехнического и Электротехнического институтов Степан Прокофьевич Тимошенко (1878–1972) являлся воспитанником российской школы теоретической и прикладной механики, сложившейся во второй половине XIX – начале XX в. Тимошенко получил образование в Петербургском институте инженеров путей сообщения, где работали крупные математики В. И. Висковатый, М. В. Остроградский, В. Я. Буняковский, И. И. Сомов; специалисты в области прикладных наук П. П. Мельников, Д. И. Журавский, Н. А. Белелюбский, Л. Ф. Николаи, Ф. С. Ясинский и др.

¹ См., напр.: *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 13; БСЭ. 3-е изд. Т. 30. С. 475.

Большое влияние на формирование Тимошенко как ученого оказали встречи с выдающимся математиком, механиком и кораблестроителем А. Н. Крыловым и специалистом в области механики деформируемого твердого тела В. Л. Кирпичевым. Многие дало Тимошенко посещение ведущих европейских научных центров — Мюнхенской лаборатории прочностных исследований, руководимой профессором А. Фепплом, и Геттингенского института прикладной механики, возглавляемого Л. Прандтлем.

Работая в Санкт-Петербурге в Политехническом, а позже — в Электротехническом и Полиграфическом институтах, Тимошенко провел в период с 1903 по 1917 г. большое количество исследований и опубликовал свыше 50 научных работ по механике твердого деформируемого тела. Им были написаны в эти годы фундаментальные монографии по сопротивлению материалов и теории упругости, позже переведенные на многие языки. Уже в дореволюционный период Тимошенко, получивший в 1913 г. звание профессора, являлся широко образованным ученым, в совершенстве владевшим экспериментальными и теоретическими методами исследований в области сопротивления материалов, деформаций и устойчивости механических систем.

После Октябрьской революции Тимошенко переехал в Киев. В 1918—1919 гг. он читал лекции в Киевском политехническом институте, одновременно вместе с академиком В. И. Вернадским занимался работой по организации Украинской академии наук. Осенью 1919 г. занятия в Киевском политехническом институте прекратились, и Тимошенко остался без работы и средств к существованию. Ученый решил выехать за рубеж, и после множества злоключений в марте 1920 г. добрался до Белграда.

Однако в Белграде к тому времени уже было много русских эмигрантов, и найти вакантное место в высших учебных заведениях оказалось трудно. Узнав, что в Загребе недавно открыт Политехнический институт, Тимошенко едет в столицу Хорватии. В апреле 1920 г. он был принят на должность профессора кафедры сопротивления материалов Загребского политехнического института. Однако условия жизни и работы оказались довольно трудными.

«В Югославии я живу в полной нищете, — написал Тимошенко в воспоминаниях. — Я не имею даже своего жилища и принужден ютиться с семьей в лабораторных помещениях»².

² Тимошенко С. П. Воспоминания. Киев, 1993. С. 230.

Весной 1922 г. Тимошенко получил письмо из США от одного из своих учеников по Санкт-Петербургскому политехническому институту с предложением переехать в Филадельфию для работы в фирме, которая занималась устранением вибраций в машинах. Взвесив все доводы за и против, ученый принял приглашение.

В 1923 г., находясь в США, ученый перешел в исследовательский институт известной компании „Westinghouse Electric“, в которой уже обосновались несколько русских эмигрантов, в частности, В. К. Зворыкин и И. Э. Муромцев. Работая в „Westinghouse“, Тимошенко показал себя высококлассным специалистом в области расчетов на прочность, устойчивость механических систем и т. п. По этим вопросам к нему обращаются за консультациями не только сотрудники своей компании, но представители и других фирм.

В воспоминаниях Тимошенко объяснял причину этого тем, что «основательная подготовка в математике и в основных технических предметах давала нам (т. е. русским. — В. Б.) громадное преимущество перед американцами, особенно при решении новых, нестандартных задач»³.

В 1927 г. Тимошенко возглавил кафедру в Инженерной школе Мичиганского университета в г. Анн-Арборе, что дало ему возможность вести, наряду с преподавательской, полноценную исследовательскую работу. В последующий период ученый часто выступал с докладами на научных форумах: съезде Международного союза инженеров-строителей (Париж, 1932), Международном съезде механиков (Цюрих, 1932), Конференции инженеров-механиков и инженеров-строителей (Чикаго, 1933) и др.

В 1936 г. Тимошенко переехал в Пало-Альто для работы в Стэнфордском университете; здесь он занимался преподавательской деятельностью 19 лет. В этот период Тимошенко, по общему признанию, уже занимал ведущее положение в США среди специалистов в области механики. После 1955 г. ученый оставил преподавание, решив сосредоточить усилия на работе, связанной с изданием своих книг. Почти каждый год Тимошенко бывал в Европе, принимая участие в научных съездах и симпозиумах, посещая различные учебные заведения и научные учреждения.

Творческая деятельность Тимошенко, составившая целую эпоху в развитии механики твердого деформируемого тела, была отмечена

³ Тимошенко С. П. Воспоминания. С. 238.

присуждением ему высших наград и почетных научных званий академиями и правительствами многих стран. Среди наград — медаль Уатта (Великобритания), медаль Леви (США), медаль Эвинга (Великобритания) и др.; Тимошенко был избран членом-корреспондентом Американской, Французской, Польской и других Академий наук, почетным членом Лондонского Королевского общества, Американского общества инженеров-механиков и т. д.

В 1928 г. Тимошенко был избран членом-корреспондентом, а в 1964 г. — действительным иностранным членом Академии наук СССР. Американским обществом инженеров-механиков была учреждена в 1957 г. медаль имени С. П. Тимошенко. Первой такой медалью был награжден сам Тимошенко — «за неоценимый вклад и личный пример как лидер новой эры в прикладной механике». Всегда стремившийся к объективности, ученый сказал в связи с награждением: «Обдумывая причину наших достижений в Америке, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы»⁴.

Яков (Агон) Матвеевич Хлытчиев (1886—1963), отправившийся в 1920 г. вместе с С. П. Тимошенко из Севастополя в Белград, в 1904 г. окончил с золотой медалью классическую гимназию в Ростове-на-Дону, после чего в том же году поступил на кораблестроительный факультет Санкт-Петербургского политехнического института. После окончания первого курса Хлытчиев прервал на два года учебу в Политехническом институте для посещения занятий в Высшей технической школе в Берлине.

В 1911 г. Я. М. Хлытчиев окончил кораблестроительный факультет и поступил на службу в конструкторское бюро Балтийского судостроительного завода. С 1913 г. читал курсы теории упругости и проектирования судов как преподаватель, затем доцент кафедры строительной механики Политехнического института. В 1915 г. получил звание адъюнкта технических наук.

Весной 1918 г., когда большинство кафедр Политехнического института опустело, Хлытчиев уехал из Петрограда в Херсон, где принял участие в организации Херсонского политехнического института. С 1918 до конца 1919 г. преподавал в этом институте, одновременно занимался работой по оборудованию херсонской верфи. Пребывание

⁴ *Борисов В. П.* Степан Прокофьевич Тимошенко // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. М., 1997. С. 611.

в Херсоне было непродолжительным. В феврале 1920 г. в город вошли части Красной Армии, и ученый принял решение эмигрировать. Добравшись вместе с Тимошенко на французском корабле в Константинополь, Хлытчиев, имевший, кроме российского, армянский паспорт, без задержек доехал до Белграда. Здесь ему удалось найти работу в качестве инженера Генеральной дирекции водных ресурсов. Благодаря поддержке заведующего кафедрой технической механики Ивана Арновльевича, появилась также возможность получить место преподавателя на техническом факультете Белградского университета, несмотря на то, что к этому времени в университет было принято уже немало русских ученых-эмигрантов. По утверждению В. И. Косика, Тимошенко и Хлытчиев, будучи в Белграде, бросили жребий, кому из них остаться в Белграде, а кто должен ехать в Загреб. Судьба распорядилась отправиться в Загреб С. П. Тимошенко⁵.

Оставшись в Белграде, Хлытчиев вел свои дела довольно успешно. Талантливый ученый, прекрасный инженер, он отличался от многих эмигрантов тем, что умел продавать свои знания, «делать деньги». С 1922 по 1924 г. он, продолжая преподавание, был директором белградского предприятия по теплоснабжению «Калория». В 1925 г. принял подданство Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1932 г. Хлытчиев был назначен ординарным профессором технического факультета Белградского университета. Об удивительном ученом, удачливом и в науке, и в бизнесе, в журнале «Бух!!!» (1932. № 12) были такие строки:

Он черен — как черна смола,
Его отчизною была,
Скажу Вам по секрету я,
Азербайджанская земля.
Студентов техники кумир
Он и профессор, и банкир,
В Университете элемент,
А в Русской Задруге процент;
Процент велик, и посему
Не плохо с нами жить ему...

Друзьями Хлытчиева стали историк искусства Николай Львович Окунев, художник Мстислав Валериянович Добужинский, математик

⁵ Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы). Ч. 1. М., 2007.

Антон Дмитриевич Билимович и его жена Елена, священник Виталий Тарасьев, семья Георгия Александровича Острогорского, филолог Ирена Грицкат-Радулович, Роман Николаевич Верховский⁶.

В 1933 г. он стал акционером и до 1939 г. являлся директором предприятия «Кална» в Южной Сербии. Как меценат, жертвовал на русский женский монастырь Успения Богородицы близ Мазурских островов, а в 1940 г. для обители Благовещения на Афоне.

После вторжения немцев в апреле 1941 г. в Белград Хлытчиев был арестован и провел два месяца — май и июнь — в тюрьме. После этого продолжил преподавание на кафедре технической механики Белградского университета.

После войны Хлытчиев заведовал кафедрой механики и открыл судостроительный отдел в Белградском университете. В 1950-е гг. Хлытчиев основал и руководил Отделением прикладной механики Института машиноведения Сербской академии наук и искусств (САНИ), став одним из основателей общества прикладной механики. К этому времени Хлытчиев являлся, по существу, лидером научно-инженерной школы, основу которой составили специалисты, выросшие под его руководством в Белградском университете. Отмечая большие научные заслуги Хлытчиева, Сербская академия наук и искусств избрала его в 1955 г. своим действительным членом. В этот период он тесно сотрудничал с Машиностроительным институтом «Владимир Фармаковски», продолжал работу над трудами по кораблестроению. Последняя статья Хлытчиева, посвященная определению эффективной ширины поперечных балок в корабельных конструкциях, вышла в свет в 1964 г., уже после кончины автора.

Я. М. Хлытчиев являлся организатором трех конгрессов по теоретической и прикладной механике в Югославии. К участию в работе конгрессов он привлек ученых из многих стран. Югославское правительство высоко оценило деятельность Я. М. Хлытчиева, удостоив его нескольких государственных наград⁷.

Такова удивительная жизнь этого разносторонне одаренного человека, много успешного сделав для науки, высшего образования и промышленности.

⁶ Борисов В. П., Ермолаева Н. С. Яков Матвеевич Хлытчиев // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. С. 499–500.

⁷ Сборник радова посвечен преминулом академику Якову М. Хлытчиеву. Београд, 1970.

Игорь Андреевич Рудский: жизнь и деятельность

Среди учителей, работавших в гимназии в Крагуевце в 1928–1944 гг., выделялся Игорь Андреевич Рудский (1897–1944), который, наряду с преподаванием естествознания, вел научные исследования и стал основоположником фитосонологии в Сербии. Его жизненному пути и вкладу в развитие биологии в Сербии посвящена специальная книга, опубликованная на сербском языке¹. Цель данной статьи — ознакомить российского читателя с биографией и научной деятельностью их соотечественника в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в период между двумя мировыми войнами².

Игорь Андреевич Рудский родился в 1897 г. в г. Винница Подольской губернии. Окончил 8-ми классную гимназию, сдал выпускные экзамены в 1915 г. в Каменце-Подольском и поступил на историко-философский факультет университета Святого Владимира в Киеве. В 1916 г. Рудский был мобилизован в армию, но боевое ранение получил не на фронтах Первой мировой войны, а в сражениях с большевиками. Ранение в ногу оставило след на всю жизнь. В 1918 г. Рудский вернулся в Киев, где правил гетман П. П. Скоропадский, поддержанный немецкими оккупационными войсками. Чувствуя нестабильность режима, Рудский не стал продолжать образование и 20 августа 1918 г. забрал в университете свидетельство об окончании гимназии и студенческую книжку, в которую заносили сведения о сданных экзаменах. Когда армия А. И. Деникина отступала, Рудский покинул Киев, вероятно, 16 декабря 1919 г., а позднее вместе с сотнями тысяч русских военных и мирных жителей отправился на чужбину. Скорее всего, в ноя-

¹ Жикич Р. В., Маркович А. И., Маринкович Т. Ю., Динич А. Л. Игорь Андреевич Рудски: живот и дело. Крагуевац, 2003.

² Статья в основном была подготовлена Р. Жикичем, внезапно скончавшимся за несколько дней до начала русско-сербского симпозиума в октябре 2008 г. в С.-Петербурге. Его вдова, Любица Жикич, зачитала вчерне подготовленный текст, сопроводив его показом иллюстраций. Окончательная подготовка к печати проведена Э. И. Колчинским, существенно расширившим текст и составившим примечания, опираясь в основном на текст книги, посвященной И. А. Рудскому. См. примеч. 1.

бре 1920 г. он добрался до г. Мельине (Которский залив, Черногория), недавно занятого сербскими войсками. Так, Рудский стал одним из 40 000 русских эмигрантов, прибывших в Королевство сербов, хорватов и словенцев через Мельине³. Многие из них имели хорошее образование и были встречены доброжелательно, так как их знания и профессиональные навыки ценились очень высоко. Эмигранты из России внесли огромный вклад в развитие сербской культуры и науки: основали балет в Белграде; среди солистов Белградской оперы 36 % были русскими; профессорский состав сельскохозяйственного факультета в Белградском университете на 75 % состоял из русских; 9 русских ученых были избраны членами Сербской академии наук⁴. Художники, врачи, инженеры, учителя и профессора также способствовали развитию страны. Кроме того, сербы помнили о том, что именно позиция императора Николая II заставила Англию и Францию предоставить суда для эвакуации измученной сербской армии с Адриатического побережья Албании на греческий остров Корфу в 1915 г.

Игорь Андреевич Рудский поступил на кафедру биологии при философском факультете в Белграде — пригодились студенческое свидетельство Киевского университета. Никто не оказывал Рудскому финансовой помощи, которая могла бы обеспечить ему более или менее нормальные условия жизни, хотя, как инвалид войны, Рудский получал небольшое пособие. Но средств не хватало, и, чтобы не голодать, он был вынужден подрабатывать тяжелым физическим трудом. Из-за отсутствия денег нельзя было снять квартиру, и, Рудский поселился в одной из капелл на Новом кладбище в Белграде. Обитая в таком неотапливаемом и в непригодном для жизни помещении, Рудский успешно окончил два курса обучения, после чего его поселили в студенческое общежитие, построенное в Сеняке — районе Белграда, где была и столовая. Ему довелось слушать лекции выдающихся профессоров, прививших ему любовь к естественным наукам. Среди них особое место занимали профессора Неделько Кошанин и Йован Цвийич.

После окончания университета в 1925 г. Рудский был назначен младшим преподавателем гимназии в небольшом городе в Македонии — Струмице. Внешностью, поведением и ответственным отношением к работе Рудский производил благоприятное впечатление и

³ *Жикич Р. В., Маркович А. И., Маринкович Т. Ю., Динич А. Л.* Игор Андреевич Рудски: живот и дело. С. 15.

⁴ Там же. С. 17.

на коллег, и на учеников. Он постоянно исследует растительность в окрестностях Струмицы, собирает гербарии, занимается систематикой растений. На службе Рудский познакомился с Ольгой Ивановной Тропиной, профессором математики, географии, химии и физики в гимназии. Влюбленные поженились 15 августа 1927 г. Их венчание происходило в храме Успения Пресвятой Богородицы в боснийском городе Тузле. Вскоре после заключения брака семейная пара Рудских переселилась в бывшую столицу Сербии — г. Крагуевац, расположенный на берегу реки Лепеница⁵. На новое место жительства и работы они прибыли по приказу министра просвещения в декабре 1927 г. Ольга Рудская приступила к работе в Крагуевацкой гимназии 31 декабря 1927 г., а ее муж — 15 января 1928 г. Помимо него здесь работало еще сорок русских учителей и профессоров⁶.

Подданным Югославии Игорь Рудский стал в 1929 г. В служебной документации крагуевацкой гимназии указывается, что Рудский обладал: солидным образованием, хорошими дидактико-методическими способностями, удовлетворительными педагогическими навыками; служил прилежно, организовывал интересные экскурсии по Сербии, Македонии и Черногории, собирал коллекции растений и насекомых, демонстрируя впечатляющие результаты своих изысканий. Окончательный учительский экзамен он сдал в 1938 г.; 8-ой разряд учителя ему был присвоен в 1936 г., 7-ой — в 1938 г., а 6-ой — в 1941 г.⁷ Он умел вовлечь в работу весь класс, использовал наглядные учебные пособия, хранящиеся в кабинете и собранные им во время экскурсий, изготавливал препараты, собирал гербарии и т. д. Рудский вел серьезную научную работу, публиковал статьи по фитоценологии. Его ученики добивались хороших успехов, так как Рудский правильно и объектив-

⁵ Ныне центр исторической области Шумадия. Упомянется с XV в. В 1818—1841 гг. Крагуевац был столицей Княжества Сербия. Здесь были созданы первые сербские гимназия, лицей — предшественник Белградского университета, военная школа, театр, музей, типография, напечатана первая газета, отлита первая пушка в Сербии. С середины XIX в. в Крагуевце развивалась промышленность. В 1868—1880 гг. в Крагуевце заседал первый сербский парламент. В годы Первой мировой войны, когда Белград был оккупирован австрийскими войсками, Крагуевац на короткий период вновь стал столицей Королевства Сербии.

⁶ *Жикич Р. В., Маркович А. И., Маринкович Т. Ю., Динич А. Л.* Игор Андреевич Рудски: живот и дело. С. 22.

⁷ Там же. С. 25.

но оценивал их знания, его уроки были интересны, часты были экскурсии. Он умел в практике образовательного процесса использовать свои огромные теоретические знания, увлекая своих учеников в мир познания природы. Хорошему контакту его с учениками способствовало и то, что Рудский со временем довольно свободно овладел сербским языком.

В 1941 г. Крагуевац, как и вся Сербия, оказался оккупированным немецкими войсками. В том же году в Крагуевце произошла страшная трагедия, связанная с преступлениями нацистов. 21 ноября 1941 г. немецкие войска расстреляли 7000 жителей города, среди которых было около 300 учеников и 18 учителей местной гимназии, в отместку за 70 немецких солдат и офицеров, убитых партизанами Броз Тито. Немцы хватили людей прямо на улице⁸. Среди невинно убиенных были коллеги и воспитанники Рудского. 4 февраля 1943 г. Рудскому была назначена пенсия, но в условиях военного времени педагогических кадров не хватало, и с сентября 1943 г. он был направлен на работу в Первую мужскую реальную гимназию Крагуевца. Но там служить ему пришлось недолго, так как к тому времени он уже был сильно болен, а невзгоды и трудности оккупации не способствовали выздоровлению.

Первые симптомы заболевания Рудского стали заметны еще во время работы в Струмице. Болезнь постепенно усиливалась в Крагуевце. Он умер от туберкулеза 21 декабря 1944 г. Похоронен в русской части городского кладбища. Его супруга, внештатный преподаватель химии и физики в гимназии в Крагуевце, пережила супруга на полвека и ушла из жизни в 1993 г. У них не было детей. В память мужа Ольга Рудская основала фонд А. В. Рудского при Первой гимназии г. Крагуеваца с целью поощрения за успехи в изучении биологии, химии и физики.

Выше уже отмечалось, что еще во время учебы на факультете биологии Рудский увлекся ботаникой, собирал растения в окрестностях Белграда и учился их определять. Профессор ботаники, Неделько Кошанин (1874–1934) заметил талант своего студента. Сотрудничество А. В. Рудского и Н. Кошанина продолжалось до смерти последнего в 1934 г. В соответствии с инструкциями Кошанина Рудский исследовал северные склоны Шар-горы и Ошляка и выше сообществ *Pinetum mughi* обнаружил новый вид травянистых растений, который в честь короля

⁸ Эти сцены неоднократно показывали в фильмах, посвященных войне. На месте трагедии сейчас находятся памятник и музей. Ей посвящена песня сербской поэтессы Десанки Максимович «Кровавая сказка».

Александра Карагеоргиевича назвал *Achillea Alexandri-regis Bornmëller et Rudski*⁹.

И. А. Рудский постоянно сотрудничал с ботаниками в Естественном музее Сербии, в Ботаническом саду «Евремовац», а больше всего с Павлом Чернявским и Теодором Сошком. Он оставил Музею богатую коллекцию гербария (около 20 000 листов), несколько незаконченных рукописей и интересное описание своего путешествия летом 1932 г. на Жлеб и Мокрую гору. На основании многолетних исследований Сербии и Македонии Чернявский с Рудским и Сошком опубликовали совместный труд под названием «Краткий обзор растительности южной Сербии» (1937)¹⁰. Чернявский с большим уважением относился к Игорю Рудскому и после его смерти напечатал две его лучшие рукописи: «Типы лиственных лесов юго-восточной Шумадии»¹¹ и «Экспедиция на гору Жлеб и Мокрую гору»¹² в сборнике «Естественного музея Сербии» (1949).

После смерти Н. Кошанина Рудский волей судеб установил контакт с доктором Ивом Хорватом (1897–1963), основателем фитоценологической школы в Загребе. Уже в 1935 г. Рудский с Хорватом вместе проводили исследования на горе Ошляк. Тогда Рудский усвоил метод Braun-Blanqueta, которым пользовался в своих последующих работах. В вводной части к книге Рудского «Типы лиственных лесов юго-восточной части Шумадии», изданной восемь лет спустя после смерти автора, И. Чернявский подчеркивал: «Настоящая работа Рудского содержит результаты подробных изучений одной части лесного пояса Шумадии. Рудский проводил исследования с 1938 по 1940 г. по собственной инициативе и на свои очень скромные средства, с единственной целью расширить знания о растительности Сербии. В этой работе ему постоянно помогал доктор И. Хорват, профессор в г. Загребе... Его таблицы были закончены еще до войны, а короткие харак-

⁹ Рудский И. О вегетации горы Ошляка // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде. 1934. Вып. 10. С. 193–202; Рудски И. О вегетации планине Ошляка // Гласник Хрватского природословного друштва. Годиште XLVIII. Загреб, 1936. С. 118–146.

¹⁰ Чернявски П., Рудски И., Сошка Т. Кратак преглед вегетацие Южне Србие // Споменица поводом двадесетпето-годишнице ослободжења южне Србие 1912–1937. Скопље, 1937. С. 135–159.

¹¹ Рудски И. Типови лишчарских шума југоисточног дела Шумадије // Природњачки музеј српске земље. Београд, 1949. Т. 25. С. 3–67.

¹² Рудски И. Екскурзија на Жлеб и Мокру планину 22 јуна – 19 јула 1932 // Природњачки музеј српске земље. Београд, 1949. Т. 23. С. 1–65.

теристики исследованных растительных сообществ Рудский передал проф. И. Хорвату еще в период их совместных исследований, в 1939–1941 гг.»¹³. В этой работе описаны следующие типы лесных сообществ в Шумадии: *Querceto-Fraxinetum serbicum*, *Querceto-Carpinetum serbicum*, *Quercetum confertae-cerris serbicum*, *Carpinetum orientalis serbicum* и *Fagetum montanum serbicum*.

Полученные Рудским результаты фитоценологических исследований в Сербии профессор И. Хорват процитировал первый раз в труде «Лесные сообщества Югославии», напечатанном в лесоводческом справочнике¹⁴, в котором изображено расположение лесов на силикатной почве в средней части Сербии. В 1950 г. И. Хорват подробнее представил сообщества Шумадии в монографическом труде «Лесные сообщества Югославии», в котором привел цитаты уже из пяти работ И. Рудского¹⁵. В труде «Лесные сообщества Югославии» Хорват подробно пишет о грабовом лесе на востоке Сербии (*Carpinetum orientalis serbicum Rudski*), о лесах венгерского и турецкого дуба (*Quercetum-frainetto cerris Rudski*), о лесах дуба и узколиственного ясеня (*Querceto-Fraxinetum serbicum Rudski*), сербском лесе скального дуба и обыкновенного граба (*Querceto-Carpinetum serbicum Rudski*) и сербском лесе бука (*Fagetum moesiacaе serbicum Rudski*)¹⁶. Сербские ботаники согласились со всеми лесными сообществами, открытыми и описанными Игорем Рудским. Позже его описания этих сообществ были дополнены, расширены, уточнены и детализированы в книге Б. Йовановича «Дендрология с основами фитоценологии»¹⁷, и далее им же в опубликованном десять лет назад коллективном труде «Растительность Сербии»¹⁸.

¹³ Рудски И. Типови лишчарских шума југоисточног дела Шумадије. С. 4; Цит. по: Жикич Р. В., Марковић А. И., Маринковић Т. Ју., Динић А. Л. Игор Андреевич Рудски: живот и дело. С. 22.

¹⁴ Хорват И. Шумске задруге Југославије // Шумарски приручник. Загреб, 1946. № 1. С. 683–611.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 560–590.

¹⁷ Йованович Б. Дендрологија са основама фитоценологије. Београд, 1967.

¹⁸ Йованович Б. Шуме сладуна и цера *Quercetum-frainetto cerris Rudski* / Ред. М. Р. Сарий. Вегетација Србије. Београд, 1997. Т. III. С. 5–61.

**Зоолог Юлий Николаевич Вагнер:
Неаполь – С.-Петербург – Киев – Белград¹**

Зоолог Юлий Николаевич Вагнер (1865–1946)², профессор Киевского политехнического института, а потом и университета в Белграде, известен в России много меньше своего отца — Николая Петровича Вагнера (1829–1907), также зоолога, профессора Императорских Казанского, а позже — С.-Петербургского университетов (ИКУ — 1861–1871 и ИСПБУ — 1871–1894). Старший Вагнер был основателем первой отечественной биологической станции в полярных широтах — на Соловках (1881), и открывателем явления педогенеза у насекомых (1862). Читающая публика конца XIX — начала XX в., наверное, даже больше знала Н. П. Вагнера в качестве писателя, автора знаменитых тогда «Сказок Кота-Мурлыки»³.

Эти Вагнеры происходили из саксонского дворянского рода, основание российской ветви которого положил Иоган Вагнер, перешедший на русскую службу при Екатерине II или Павле I. В 90-х гг. XVIII в. Вагнер с семьей переселился в Российскую империю, в Волынскую губернию и далее в город Пинск, где в 1811 г. он принял российское подданство⁴. Там И. Вагнер стал владельцем вольной аптеки. Его сын, Петр Иоган (Иванович) Вагнер, вначале пошел по стопам отца, получив высшее медицинское образование в России (Дерптский и Виленский университеты). Далее он, будучи доктором медицины, на казенном Богословском заводе (Урал) заинтересовался камнями и в результате стал профессором минералогии ИКУ (1840–1865). Его дети от О. А. Грубер — Николай и Михаил — получили потомственное

¹ Статья посвящается автором памяти Веры Николаевны Вагнер (1927–2008), внучки Ю. Н. Вагнера, общение с которой в значительной степени способствовало появлению этой публикации.

² Относительно года смерти Юлия Николаевича существуют расхождения — указываются также 1944 и 1945 гг.

³ *Вагнер Н. П.* Повести, сказки и рассказы Кота-мурлыки. СПб., 1887. Т. 1 (первое издание 1872 г.); *Фокин С. И.* Русские ученые в Неаполе. СПб., 2006; *Горяшко А.* Загадки Кота-Мурлыки // Московский журнал. 2008. № 1. С. 20–31.

⁴ Данные приведены на основании устного рассказа внучки Ю. Н. Вагнера — В. Н. Вагнер.

российское дворянство. Один из них — Николай Петрович — и был отцом Юлия.

Можно с уверенностью сказать, что младший Вагнер почти неизвестен в России для неспециалистов — ведь занимался Юлий Николаевич большую часть своей жизни весьма обособленной группой насекомых — Aphaniptera (Siphonaptera) — блохами⁵. Правда, в этой узкой области зоологии он был, безусловно, одним из мировых лидеров. Так что, если кто из профессионалов и помнит такого русского ученого, то только энтомологи. В 1920 г. Юлий Николаевич со своей второй семьей (женой и двумя детьми)⁶ навсегда покинул Россию и более 20 лет жил и работал в столице Сербии, Белграде, где в университетских кругах, может быть, он был даже более заметной фигурой, чем в России.

Мне неизвестны какие-либо русские публикации, кроме кратких биографических справок (или далеко не полных, или содержащих ряд существенных неточностей), посвященных этому ученому⁷. В Сербии, насколько я знаю, о Ю. Н. Вагнере опубликована также только очень краткая биографическая справка⁸. На Украине — это уже цитированная выше, достаточно пространная работа киевских архивистов, но она касается в большей степени украинского периода жизни Юлия

⁵ Мировая фауна блох — паразитов, питающихся кровью теплокровных, насчитывает около 2000 видов, обитающих на более чем 1600 видах млекопитающих и 500 видах птиц. Вагнером были описаны 6 семейств этих насекомых (<http://www.zin.ru/Animalia/Siphonaptera/tax.htm>).

⁶ В публикации об украинской части жизни Вагнера упоминаются дочь Ия и сын Ор. См.: *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, политик. Київ: Скарбниця документальної пам'яті. Вип. 1. С. 52–59. (*Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — ученый, гражданин, политик // Сборник документальной памяти. Вып. 1. Киев. 2006. С. 52–59). В письмах (1922–1940) к М. Н. Римскому-Корсакову сам Вагнер почему-то упоминает только сына.

⁷ Такие материалы приведены в книгах: *Богданов А. П.* Материалы для истории научной и практической деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с ней отраслям знания (1850–1887). Изв. ИОЛЕАЭ. М., без сс.; *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета (1869–1894)* / Ред. Н. А. Меншуткин. ИСПбУ, 1896. Т. 1. С. 118–120; *Волков В. А., Куликова М. В.* Российская профессура XVIII — начало XX в.: Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб., 2003. С. 100.

⁸ Руска емиграција у српској култури XX века. Београд. 1994. Т. II. С. 237.

Николаевича⁹. В исследованиях последних лет, посвященных русской эмиграции в Югославии, Вагнер обычно упоминается лишь как один из русских профессоров сельскохозяйственного факультета Белградского университета и как основатель Энтомологического института при этом университете, а также Сербского энтомологического общества. Кроме того, Ю. Н. Вагнер был связан с организацией и работой Русского научного института в Белграде (1928–1941)¹⁰. Таким образом, главная цель настоящей публикации — воскресить имя Ю. Н. Вагнера для истории отечественной зоологии. Обстоятельства сербской жизни ученого, к счастью, оказалось возможным проследить по обширной переписке Юлия Николаевича с одним из его бывших студентов в ИСПБУ — известным энтомологом М. Н. Римским-Корсаковым (1873–1951), и другим коллегой-энтомологом, сотрудником Зоологического музея Академии наук А. П. Семеновым-Тян-Шанским (1866–1942), охватывающей период с 1895 по 1940 г.¹¹

Юлий был вторым сыном в многодетной семье Николая Петровича и Екатерины Александровны, урожденной Худяковой¹². У Вагнеров было трое сыновей и три дочери¹³. Родился Юлий 13 декабря 1865 г. в Неаполе, где старший Вагнер, к тому времени уже ординарный профессор ИКУ, работал по эмбриологии беспозвоночных одновременно со своими коллегами, знаменитыми впоследствии учеными — А. О. Ко-

⁹ *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, политик.

¹⁰ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. I. Культурные организации русской интеллигенции в Югославии. II. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 46–99; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.

¹¹ Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 902. Оп. 2. Д. 89 — 32 письма и 95 почтовых открыток; Ф. 722. Оп. 2. Д. 170 — 41 письмо и 35 почтовых открыток.

¹² С.-Петербургский центральный исторический архив (СПбЦИА). Ф. 14. Оп. 1. Д. 8940. Л. 1. Старший брат Ю. Н. — Петр (1862–1932) — стал морским офицером и, впоследствии, художником, учеником А. И. Куинджи. В 1921–1929 г. он был профессором факультета Живописи, графики и скульптуры Высшего художественно-технического ин-та; младший — Владимир (1867–?), бесталанный молодой человек, прославился только убийством своей жены, за которое он был сослан в Сибирь, где вроде бы жил в Иркутске (*Алтаев А.* Памятные встречи. М., 1957. С. 292–297).

¹³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 740. Оп. 22. Д. 335. Л. 12.

валевским, И. И. Мечниковым и уже хорошо известным к тому времени академиком-физиологом Ф. В. Овсянниковым.

Вполне вероятно, что жили Вагнеры в Неаполе на Санта Лючия, там, где обычно селилось большинство русских ученых, — портовом, сравнительно дешевом и достаточно грязном районе Неаполя, навсегда оставшемся в культурной памяти человечества благодаря знаменитой неаполитанской песне. Там, видимо, Юлий и появился на свет. Крещен он был 31 мая 1866 г., уже по возвращению в Россию, в Москве, где жили в то время отец и старшая сестра Н. П. Вагнера. Таким образом, Неаполь был только стартовой точкой этой жизни. Юлий Николаевич жил в Неаполе достаточно долго только еще один раз — с осени 1895 по весну 1896 г., — когда, уже будучи магистром зоологии и сотрудником Зоотомического кабинета ИСПБУ, он работал там на знаменитой Зоологической станции Антона Дорна¹⁴. После Казани (1866–1871) часть детства и вся юность будущего «повелителя блох» прошли в Петербурге и его окрестностях. Несколько лет, например, семья Вагнеров в летнее время жила в Старой Руссе, где Николай Петрович свел знакомство с Ф. М. Достоевским¹⁵.

К моменту поступления Юлия в гимназию, старший Вагнер уже несколько лет был профессором ИСПБУ. В столицу Вагнеры переехали из Казани в конце 1871 г. Юлий окончил VIII Санкт-Петербургскую гимназию (бывшую 6-ти классную прогимназию) и в 1884 г. поступил в ИСПБУ на Естественный разряд Физико-математического факультета. В 1888 г. Ю. Н. Вагнер окончил курс университета кандидатом¹⁶ и с 1889 по 1894 г. состоял хранителем Зоотомического кабинета ИСПБУ. В 1889 г. он женился на слушательнице Высших женских курсов Е. Н. Дзвонкевич, от которой в 1893 г. родился его старший сын Николай¹⁷.

В Кабинете Юлий Николаевич начал занятия по гистологии кишечника *Rhynchota*¹⁸ и анатомии *Aphaniptera* под руководством тогда

¹⁴ *Фокин С. И.* Русские ученые в Неаполе.

¹⁵ Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская: Переписка. Л., 1976. С. 207–208; *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 295–296.

¹⁶ То есть помимо сданных выпускных экзаменов за курс университета представил специальную (дипломную) работу.

¹⁷ Вагнер Н. Ю. (1893–1953), доктор естественных наук, ботаник-цитолог, а в последние годы — зоолог-физиолог, сотрудник проф. Б. Немеца в Карловом университете (Прага, Чехия) и ассистент проф. М. М. Новикова в Словацком университете (Братислава).

¹⁸ Старое название отряда *Hemiptera* — клопов.

начинающего приват-доцента, впоследствии профессора Казанского университета и основателя всеми признанной теперь теории симбиогенеза К. С. Мережковского (1855–1921). Летом 1887 г. Вагнер вместе с отцом и В. М. Шимкевичем (1858–1923), а также другими студентами, работал на Соловецкой биологической станции, где исследовал фауну гидромедуз Соловецкого залива и описал уникальную организацию полипа *Monobrachium parasiticum*. В 1888 г. Вагнер снова работал на Соловках над эмбриологией брюхоногих моллюсков. Описание этого полевого сезона на Станции было опубликовано (1889) однокурсником Ю. Н. Вагнера, В. А. Фаусеком (1861–1910), работавшим там одновременно с ним¹⁹. Осенью того же года Юлий продолжил работу над этой темой на Севастопольской биостанции. В 1889 г. Вагнер исследовал эмбриологию мизид²⁰, а с 1890 г. переключился на изучение эмбрионального развития клещей. Летом 1891 г. от Русского географического общества и Русского энтомологического общества Вагнер ездил для фаунистических исследований на озеро Байкал и в Забайкальскую область, посетив в том числе и Китай. В 1890 г. Юлий сдал магистерские экзамены и через три с половиной года защитил магистерскую диссертацию «История эмбрионального развития *Ixodes calcaratus*»²¹. 30 мая 1894 г. он был утвержден в степени магистра зоологии и сравнительной анатомии ИСПБУ²².

С 1890 г. Вагнер вел практические занятия со студентами II–III курсов по зоологии беспозвоночных и руководил занятиями студентов, проходивших в Кабинете специальный курс зоотомии. Среди его подопечных на кафедре были впоследствии известные ученые — М. Н. Римский-Корсаков, Н. Я. Кузнецов (1870–1948), П. Ю. Шмидт (1872–1949), С. И. Метальников (1870–1946), Е. А. Шульц (1870–1914) и Г. Ф. Арнольд (1874–1935). Надо сказать, что последние пять лет отец Юлия Николаевича, профессор Вагнер, числился заведующим Зоотомическим кабинетом лишь формально. Даже и обязательный курс зоологии беспозвоночных с 1891 г. вместо профессора читали приват-доценты Н. Н. Полежаев (1857–1903), В. А. Фаусек и Н. К. Книпо-

¹⁹ Фаусек В. А. На зоологической станции: Из поездки на Белое море // Вестник Европы. 1889. Т. 3. С. 305–332, 433–461.

²⁰ Морские Malacostraca (высшие раки) из отряда Mysida.

²¹ Иксодовый клещ — переносчик нескольких бактериальных и вирусных болезней человека, прежде всего энцефалита и боррелиоза.

²² Биографический словарь... Т. 1. С. 118–120.

вич (1862–1939). Фактически руководство кабинетом осуществлял тогда глава Зоологического кабинета профессор В. М. Шимкевич, с 1886 до 1889 г. состоявший ассистентом и приват-доцентом у Вагнера-старшего. По Зоотомическому кабинету Вагнер-младший, несомненно, существенно помогал Шимкевичу, что нашло отражение в истории Кабинета, написанной в 1918 г. Ю. А. Филипченко (1882–1930)²³. Таким образом, студенты Кабинета 1890–1897 гг. во многом обязаны своим зоологическим образованием Ю. Н. Вагнеру.

Ученый принимал активное участие в жизни петербургского научного сообщества: был действительным членом Русского энтомологического общества и С.-Петербургского общества естествоиспытателей, членом-корреспондентом Русского географического общества. Принимал он деятельное участие в VIII–X Съездах русских естествоиспытателей и врачей, во время первого из них работал в качестве члена распорядительного бюро и неперменного секретаря зоологической секции. Был Вагнер также уполномоченным II Международного конгресса по зоологии в Москве (1892).

В эти годы Вагнер сравнительно много публиковался — только до 1894 г. двадцать две его работы вышли в Трудах ИСПБОЕ, Вестнике естествознания и в Трудах Энтомологического общества. Правда, часть опубликованного составляли популярные очерки для журнала «Мир Божий». Писал Юлий Николаевич также для детей — в издании журнала «Игрушечка» вышли его книжки «Растения» и «Животные».

В конце 1896 г. Вагнер защитил докторскую диссертацию «Наблюдения над развитием Arthropoda», куда были включены его исследования по развитию мизид, выполненные в большой степени на Неаполитанской зоологической станции (осень–весна 1895–1896) и по сперматогенезу у пауков — теме, предложенной профессором О. Бючли (1848–1920) во время работы у него Вагнера, и выполненной русским ученым в течение весенне-летнего семестра 1895 г. в Зоологическом институте университета Гейдельберга.²⁴

²³ Рукопись известного генетика, а в то время сотрудника Зоотомического кабинета, была подготовлена к 100-летию Университета (1919), но тогда осталась неопубликованной. Архив кафедры Зоологии беспозвоночных СПбГУ. Об этой рукописи см.: *Фокин С. И. История Зоотомического Кабинета и кафедры Зоологии Беспозвоночных: Неизвестная работа Ю. А. Филипченко // ИИЕТ РАН. Год. науч. конф., М., 2007. С. 617–620.*

²⁴ Годичный акт ИСПБУ, составленный Х. Я. Гоби. СПб., 1896.

Реально с осени 1894 г. Кабинет уже возглавил В. Т. Шевяков (1859–1930)²⁵, который защитил докторскую работу в ИСПБУ за полгода до Вагнера. Юлий Николаевич, оставаясь хранителем Кабинета, помогал Шевякову при проведении общего курса зоологии беспозвоночных и практических занятий по этому курсу. Летом 1897 г. Вагнер с научной целью снова совершил поездку в Сибирь — в Томскую и Енисейскую губернии. Как приват-доцент он читал в это время в Зоотомическом кабинете курс Общей эмбриологии. Очевидно, что перспектив карьерного роста в родном университете у Вагнера не было. Оставаясь приват-доцентом ИСПБУ, он пытался найти место в других городах, и как будто предполагалось получение им профессуры в Юрьевском университете (1896)²⁶. Однако оно не состоялось, и через два года это место получил А. Н. Северцов (1866–1936). В это время в Киеве открылся Политехнический институт имени императора Александра II, и Ю. Н. Вагнер был приглашен туда экстраординарным профессором с 1 июля 1898 г., а уже через месяц ученый стал в Киеве ординарным профессором сельскохозяйственного отделения этого института.

Благоприятный отзыв о Ю. Н. Вагнере был направлен ректору Политехнического института В. Л. Кирпичеву академиком Ковалевским. В нем знаменитый зоолог-эмбриолог писал: «Ввиду открытия кафедры зоологии в учреждаемом Политехникуме имени императора Александра II в Киеве позволяем себе обратить внимание Вашего превосходительства на молодого зоолога Ю. Н. Вагнера, научные труды коего уже составили ему репутацию точного и основательного исследователя»²⁷. Кирпичев, в свою очередь, обратился в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов: «Я пришел к заключению, что было бы весьма желательно привлечение этого талантливого специалиста в число профессоров вверенного мне Института, о чем имею честь представить на благоусмотрение Департамента»²⁸.

²⁵ Шевяков был в 1881–1884 гг. вольнослушателем Естественного отделения Физ.-мат. ф-та ИСПБУ, но неудовлетворенный, по-видимому, уровнем преподавания старшего Вагнера, уехал в Германию, где окончил Гейдельбергский университет (1885–1889).

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 1261. Л. 55–58.

²⁷ Из истории Киевского политехнического института. Изд. КГУ, 1961. Т. 1: 1898–1917 гг. С. 7.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 170. Л. 5, 17; *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, политик.

Помимо преподавания в институте и создания там Зоологического кабинета, при котором Вагнер получил квартиру (№ 9), а также административной работы (Юлий Николаевич с 1899 г. входил в Совет института)²⁹, ученый проводил обширные полевые энтомологические исследования в разных губерниях Украины (Полтавской, Киевской, Черниговской и Волынской) и активно участвовал в работе Киевского общества любителей природы. Он был награжден орденом Св. Анны II степени (1901) и Св. Владимиром IV степени (1906). Продолжал Вагнер и просветительскую деятельность — в 1910–1913 гг. были изданы его труды: «Учебник зоологии для средних учебных заведений», «Рассказы о воде, о воздухе, человеке и насекомых», «Краткий учебник природоведения». Также, совместно со своим бывшим студентом С. И. Метальниковым, он редактировал известную «сытинскую» десяти томную детскую энциклопедию (1913–1914). Жена Вагнера, Е. М. Дзвонкевич, помогала ему по Кабинету и, вероятно, участвовала в распространении книг мужа. Ей в то время принадлежал в Киеве книжный склад (оптовая книжная торговля). Сын — Николай, переехавший с родителями в Киев, окончил там коммерческое училище, а затем окончил Политехнический институт, где преподавал отец³⁰.

Будучи членом партии кадетов, Вагнер вполне сочувствовал революционным событиям 1905 г. и, как следствие, уже состоял в это время на заметке в Министерстве внутренних дел³¹. В 1911 г. он вынужден был подать в отставку. Причиной ее были репрессии против студентов и увольнение трех сочувствовавших им профессоров³². В знак солидарности с уволенными еще 10 профессоров, в их числе и Ю. Н. Вагнер, ушли из Политехнического института³³.

После отставки около года Вагнер работал в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге в должности младшего зоолога по вольному найму³⁴, но уже в 1913 г., по-видимому, он возвратился в Киев. Там он получил место руководителя энтомологического отдела Киев-

²⁹ Из истории Киевского политехнического института. С. 31.

³⁰ Рукопись В. Н. Вагнер «Николай Юльевич Вагнер». Архив автора статьи.

³¹ Из истории Киевского политехнического института. С. 183, 237–239.

³² Там же. С. 272–273.

³³ Там же. С. 279; *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вечный, гражданин, политик.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 103; Ф. 722. Оп. 2. Д. 170. Л. 66. Непродолжительное время он возглавлял в Музее отдел двукрылых (Diptera).

ской сельскохозяйственной станции³⁵. В это время Юлий Николаевич работал и на Днепровской биологической станции (ДБС) Киевского общества любителей природы, в создании и управлении которой он принимал участие как председатель комиссии Общества (с 1912 г.), и о которой им был написан очерк в первом выпуске Трудов ДБС³⁶.

Одновременно Вагнер все больше участвовал в общественно-политической жизни страны. Так, в годы Первой мировой войны он активно работал в «Военно-промышленном комитете», занимавшемся организацией помощи армии. После Февральской революции 1917 г. он сотрудничал также в «Исполнительном комитете», организованном сторонниками Временного правительства на Украине³⁷. В марте 1917 г. Совет Политехнического института принял решение о возвращении в институт профессоров, уволенных в 1911 г., и Вагнер около года возглавлял там кафедру энтомологии.

Гражданская война, которая началась и на Украине, круто изменила весь ход его жизни. Весной 1918 г. Вагнера пригласили войти в состав правительства гетмана П. П. Скоропадского. В этом правительстве Ю. Н. Вагнер возглавил Министерство труда. Главной проблемой того времени был высокий уровень безработицы. Чтобы ее уменьшить, распоряжением Вагнера было выделено 100 млн. рублей для организации общественных работ и создана биржа труда³⁸. Юлий Николаевич был убежденным противником советской власти и подписал в октябре 1918 г. «Обращение 10» к премьер-министру Ф. А. Лизогубу с протестом против установления связей между Украиной и Советской Россией. Министры требовали не иметь таких контактов, пока в России у власти будут большевики, и акцентировали внимание на необходимости поддержки борьбы народов бывшей царской России за образование независимых государств. Их требования не были приняты, и приказом от 24 октября 1918 г. Ю. Н. Вагнер был отправлен в отставку.

После прихода к власти С. В. Петлюры, в начале 1919 г., ученый покинул Украину и, вернувшись в Петроград, некоторое время, по видимому, снова работал в Зоологическом музее. Однако, никаких ма-

³⁵ ПФА РАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 170. Л. 68; Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 1.

³⁶ *Вагнер Ю. Н.* Днепровская биологическая станция Киевского общества любителей природы // Тр. ДБС. 1914. Т. 1. С. 1–13.

³⁷ *Карамаш С. Ю., Вировий С. И.* Зоолог Юлий Вагнер — вчений, громадянин, політик.

³⁸ Там же.

териалов о жизни Вагнера в Петрограде в 1919 г. пока найти не удалось. В 1920 г. Юлий Николаевич со своей второй семьей (женой и двумя детьми)³⁹ навсегда покинул Россию и более 20 лет жил и работал в столице Сербии — Белграде⁴⁰.

Волны российской эмиграции расплескались по всему миру, но, прежде всего, после революции и Гражданской войны люди уезжали (бежали) во Францию, Германию, Чехословакию и на Балканы. Так, только Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Королевство Югославия), приняло с весны 1919 по начало 1923 г. до 70 000 русских беженцев, более 40 000 из которых задержались там на долгое время или же остались жить навсегда⁴¹. Для разоренной войной Королевства это увеличение населения было тяжелым бременем, на которое оно решилось, прежде всего, памятуя традиционные исторические, религиозные, культурные и династические связи с Россией и, вероятно, отдавая дань русской политике на Балканах в конце XIX — начале XX в. Благоприятное отношение к русским эмигрантам со стороны сербского государства определялось, по-видимому, и тем, что значительную часть приехавших составляла техническая и научная интеллигенция, оказавшая впоследствии значительное влияние на развитие сербской культуры и науки. К концу 20-х годов XX в. в Югославии было зарегистрировано 85 научных, культурных и сословных русских объединений⁴². Среди русских эмигрантов в Сербии было около 75 % людей с высшим и средним образованием, тогда как местное население было на 80 % неграмотным⁴³. Неудивительно, что значительное число русских ученых, осевших в 20-е гг. в Сербии, стали преподавателями гимназий, различных училищ или университетов. В Белграде русская диаспора достигала 10 000 человек, и сравнительно многие ученые получили возможность работать в Белградском университете. В 1922/1923 гг. русских преподавателей на философском факультете

³⁹ Карамаш и Вировий упоминают дочь Ию и сына Ора. В письмах (1922–1940) к М. Н. Римскому-Корсакову сам Вагнер почему-то упоминает только сына.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 1. Волков и Куликова (2003) указывают, что Вагнер покинул Россию из Одессы и, стало быть, возможно, в 1920 г. жил какое-то время на юге России.

⁴¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971; Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 7–26.

⁴² Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века.

⁴³ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия; Русская эмиграция в Югославии.

было 14.2 %, на юридическом — 21.7 %, на техническом — 30.9 %, на богословском — 25 % и на сельскохозяйственном — 37.5 %! К концу десятилетия эти показатели несколько снизились, но все равно были не ниже 9 %, а на сельскохозяйственном факультете были выше 20 %⁴⁴. Ю. Н. Вагнер получил место профессора зоологии на Сельскохозяйственном факультете и параллельно преподавал естествознание в гимназии (1920—1934). Вот как он сам описывал ситуацию в Белграде в письме к М. Н. Римскому-Корсакову от 2 февраля 1922 г.: «Все профессора, приехавшие сюда, так или иначе устроились. Большинство получили кафедры. У нас на агрономическом факультете теперь семеро русских профессоров <...>. Долгое время упорно не принимали русских на медицинский факультет, но неимение своих специалистов и тут заставило, в конце концов, прибегнуть к русской помощи. Всего менее русских профессоров на философском факультете, всего больше на агрономическом и техническом <...>. Жизнь здесь в смысле внешности вполне нормальная — как у нас в давнее время <...>. Жалования здесь небольшие, так что семейному человеку необходимо прирабатывать. Сравнительно с чиновниками в лучшем положении рабочие специальности, так как рабочие руки здесь дороги. Какой-нибудь наборщик получает больше, чем профессор университета или учитель гимназии. Простой чернорабочий зарабатывает столько же, как ассистент <...>. Мне моего заработка вполне хватает. Кроме того, я еще преподаю в гимназии. Вообще я в материальном отношении ни в чем не нуждаюсь и могу даже помогать другим. Сравнить здешние условия с Вашими, конечно, нельзя. Хуже дело обстоит с духовною пищей. Страна мало культурная. Хороших библиотек нет, решительно все для работы научной, начиная с приборов и кончая простыми банками и обыкновенными реактивами, — надо выписывать из-за границы. Необходимая научная литература совершенно отсутствует. Например, нет ни одной книги, даже популярной, по энтомологии, нет ни одного определителя насекомых <...>. Одним словом, положение плохое, как было у нас преимущественно в начале шестидесятых годов (XIX в. — С. Ф.) <...>. Считаю, что наш долг не уезжать отсюда, пока не оставим стране нужных учебников и других необходимых руководств по своей специальности. Это надо сделать, хотя бы за оказанное нам гостеприимство <...>»⁴⁵.

⁴⁴ Русская эмиграция в Югославии.

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 1—4.

Спустя год, в марте 1923 г., Вагнер писал своему корреспонденту в Петроград: «Сербы ко всему относятся довольно поверхностно, больше формально, не вникая в существо и всячески избегая всякого контроля, как по отношению к своим коллегам, так и по отношению к себе со стороны кого бы то ни было. Наше желание вникать в дело глубже они принимают за навязчивость, за непрошенные и неуместные советы, даже за желание уколоть их самолюбие. А это самолюбие у них чрезвычайно развито — очевидно, как следствие недавнего рабства турецкого. Вероятно, этим объясняется болезненное национальное чувство у многих мелких народностей, бывших под игом других национальностей (поляки, финляндцы и др.). Читаем мы все, конечно, по-сербски <...>»⁴⁶.

До получения дополнительных материалов о жизни и деятельности Ю. Н. Вагнера в Сербии из архивов бывшей союзной республики Югославии (наличие таких документов вполне вероятно, но пока не очевидно), приходится реконструировать эмигрантскую часть жизни ученого по его письмам в Россию.

В связи с резким увеличением населения в Белграде вследствие русской эмиграции (до 10 000 русских осели в 1919—1921 гг. в столице КСХС), в городе был жилищный кризис, и большинство эмигрантов, в том числе и Вагнер с семьей, жили в мебелерованных комнатах. Только в конце 1926 г., благодаря поддержке правительства и университета, профессора смогли построить «университетский городок» (колонию профессоров), где Вагнеру принадлежал двухэтажный дом по адресу ул. Стояна Новаковича, 28.

Первые, самые трудные для адаптации в новой стране годы почти полностью прошли в хлопотах по устройству зоологической (энтмологической) лаборатории при Сельскохозяйственном факультете Белградского университета, подготовке и чтении лекций. Юлий Николаевич читал лекции на сербском языке, хотя, как он сам отмечал в письмах, «на мало знакомом и, кстати сказать, для нас, русских, весьма трудном языке»⁴⁷. Вскоре, в 1923 г., на базе организованной Вагнером лаборатории (занимавшей вначале всего две комнаты) был создан Энтмологический институт Белградского университета (ул. Приштинска, 21; впоследствии — ул. Крупска, 77). В 1925 г. ему удалось после двухлетних хлопот получить свои рабочие материалы по Arphaniphera,

⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

остававшиеся в Зоологическом музее (Ленинград). Появилась надежда закончить большую работу для серии «Фауна России», начатую еще до отъезда из Петрограда. С большим энтузиазмом Юлий Николаевич продолжил эту работу, и в марте 1928 г. ее рукопись была отправлена в Россию. Тем временем (1926) он наладил сотрудничество со своей коллегой из Саратова — врачом-эпидемиологом И. Г. Иоффом, занимавшимся переносчиками тифа, а также опубликовал в Ежегоднике Зоологического музея «Критическо-исторический очерк классификации блох» (1927). Тогда же в Москве и Ленинграде вышел отдельным изданием определитель насекомых, подготовленный Вагнером совместно с Тарбинским.

В 1925–1926 гг. основная активность Вагнера была направлена на организацию Энтомологического общества КСХС и журнала при нем — в мае 1926 г. состоялся первый местный Энтомологический конгресс, целиком подготовленный группой сербских энтузиастов во главе с русским ученым.

В сентябре 1928 г. в течение недели в Белграде проходил 4-й Съезд русских академических организаций, на который съехались более ста участников со всей Европы. Там Вагнер выступил с сообщением «К вопросу о соотношении фауны паразитов и их хозяев». Тогда же он начал свою работу и в Белградском русском научном институте. Вагнер был в числе его организаторов и активных работников.

В дальнейшем, продолжая заниматься фаунистикой блох, ученый все больше внимания уделял общим вопросам эмбриологии и биологии этих насекомых: «Главная текущая работа осталась все та же — по гистолузу у блох во время метаморфоза. Сейчас просматриваю литературу по симбиозу бактерий с насекомыми»⁴⁸, — писал ученый в Ленинград. Заниматься наукой для Вагнера после 1930 г. стало сложнее. Согласно законам Югославии, 65-летний профессор был вынужден перейти на работу по контракту. Когда же в 1932 г. стал реальностью переезд Сельскохозяйственного факультета за Дунай — в г. Земун, Вагнер полностью ушел на пенсию, сохранив за собой только уроки в гимназии, где учился его сын Ор. Он продолжал сбор уникальной коллекции блох, которую предполагал передать в Зоологический музей Ленинграда (тогда уже Зоологический институт), писал статьи для Вестника югославского энтомологического общества, несмотря на возраст, совершал экскурсии по окрестностям Белграда.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 106.

В это время им была описана коллекция блох Берлинского зоологического музея и составлен определитель блох северной Африки для врачей-практиков⁴⁹.

Судьба его рукописи для «Фауны России» оказалась несчастливой — в конце 20-гг. XX в. в Советском Союзе начался бумажный кризис, а в 1930 г. по академическому делу был арестован директор Зоологического музея А. А. Бялыницкий-Бируля (1864—1937), который курировал эту работу. «Не слышно ли что нового о печатании Фауны? — писал Вагнер М. Н. Римскому-Корсакову в 1932 г. — Я еще не совсем потерял надежду, хотя она (работа) теперь порядком устарела и требует переделки, исправлений и дополнений — во многих местах»⁵⁰. В 1933 г. он предлагал, чтобы его саратовский коллега Иофф доработал его рукопись для «Фауны России» с включением своих материалов и опубликовал эту работу за двумя фамилиями. Однако она так и не увидела свет. Зато в конце 1935 г. в Германии вышел из печати его большой обзор фауны блох средней Европы⁵¹.

Несмотря на ухудшение здоровья, Юлий Николаевич по-прежнему много работал. В феврале 1936 г. он писал Римскому-Корсакову: «Умер и второй мой ассистент (Арнольд был первым)⁵², а я еще все живу, но очевидно теперь очередь за мною. Всякие проявления старости вроде склероза аорты, расширения левого желудочка, болей в почках и т. д. все чаще напоминают о себе и тормозят мою работу»⁵³. Тем не менее, несмотря на военное время, в 1939 г. ученый начал новую работу над определителем блох всего света, хотя она и шла не так быстро, как хотелось бы Вагнеру. В конце 1940 г. он сетовал в письмах на недостаток литературы и резкое сокращение переписки с коллегами из России. Скоро эта переписка прекратилась совсем — в СССР началась Великая Отечественная война.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 170. Л. 117.

⁵⁰ Там же. Д. 89. Л. 70.

⁵¹ В 1939 г. Вагнер выпустил также обзор Arhaptoptera в знаменитой немецкой серии „Klassen und Ordnungen des Tierreichs“ (Bd. 5: Arthropoda, 3 Abt. Insecta, XIII Buch, Teil f. Leipzig, 1939. 114 S.)

⁵² Георгий Федорович Арнольд — студент Вагнера в ИСПБУ (1894—1897) и его ассистент в КПИ (1898—1911). С 1914 г. был профессором зоологии в Харькове (с/х ин-т, ун-т), где создал одну из крупнейших на Украине научных школ по зоологии беспозвоночных.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 126. Имелись в виду А. Лебедев и Г. Ф. Арнольд.

События последних лет жизни Ю. Н. Вагнера, таким образом, мне неизвестны. Почти ничего о них не знали и в семье старшего сына ученого — Н. Ю. Вагнера⁵⁴. Однако внучка Юлия Николаевича, В. Н. Вагнер, была уверена, что обширная коллекция Вагнера была продана им в годы войны в США, а сам ученый, будучи принципиальным противником Советской власти, покинул Югославию, когда туда в 1944 г. вошла Советская армия. По ее словам, смерть застала его уже в Австрии в начале 1946 г.⁵⁵ Правда, согласно материалам, опубликованным в справочнике «Незабытые могилы», Юлий Николаевич умер (погиб?) 4 апреля 1945 г.⁵⁶ Местонахождение могилы Вагнера, как и его архива, если таковой сохранился, пока неизвестно.

⁵⁴ Семья Н. Ю. Вагнера жила в Праге, а потом в Братиславе, и, видимо, близкого общения между родственниками не было.

⁵⁵ Запись беседы автора статьи с В. Н. Вагнер. Москва, июнь 2007 г. Архив автора. На сайте http://free-zg.htnet.hr/Vogomir_Milosevic/mirror/osobeW.htm приведена другая дата смерти — Верхняя Австрия 04.10.1944.

⁵⁶ Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи: 1917–1997 / Сост. В. Н. Чудаков. М., 1999. Т. 1. С. 475.

Русский художник и архитектор Р. Н. Верховской в Сербии и США

Статья посвящена деятельности русского эмигранта — архитектора, скульптора и художника Романа Николаевича Верховского (1881—1968), в разные годы работавшего в России, Королевстве сербов, хорватов, словенцев (Королевство СХС) и в США. О его жизни, как до эмиграции, так и после, написано чрезвычайно мало, хотя созданные им скульптурные и архитектурные творения относятся к числу подлинных мировых шедевров. В 2005 г. в Архиве Толстовского фонда (г. Вэллей Коттедж, штат Нью-Йорк, США) автором статьи были обнаружены документы, освещающие неизвестные события последних лет Р. Н. Верховского¹. Частично текст этих документов был опубликован в 2008 г., в сборнике «Архитектурное наследие Русского зарубежья»², на обложку которого вынесена фотография Св.-Владимирского храма в США, построенного по проекту Р. Н. Верховского.

Белградский период (1920—1937)

Верховские — русский дворянский род, с конца XVII в. владевший поместьями в Галичском уезде и записанный в VI книгу дворян Костромской губернии³. Роман Николаевич Верховской родился 10 февраля 1881 г. в Минской губернии, где его отец — действительный статский советник, инженер путей сообщения Николай Петрович Верховской — служил начальником движения Привисленской железной дороги. Окончив Варшавское реальное училище (1900), в 1901 г. Роман Верховской

¹ The Tolstoy Foundation's Archive. Box VIP. Verhovskoy's Coll. (104 Lake Road, Valley Cottage, NY 10989).

В статье использована следующая ссылка на этот архив: Архив Толстовского фонда (штат Нью-Йорк). Бокс ВИП. Коллекция Р. Н. Верховского.

² *Ульянкина Т. И.* По документам Архива Толстовского фонда (США): О вкладе архитектора Р. Н. Верховского в православное искусство США и о последних годах его жизни // Сб. Архитектурное наследие Русского Зарубежья. Вторая половина XIX — первая половина XX в. / Сост. и отв. ред. С. С. Левощко. СПб., 2008. С. 356—386.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: Биографии: в 12 т. / Под ред. В. М. Кареева и М. Н. Хитрова. М.: БСЭ, 1993. Т. 3. С. 259.

поступил в Императорскую академию художеств в Санкт-Петербурге по классу художественной архитектуры; в 1908 г. он продолжил обучение в мастерской А. Н. Померанцева. В 1911 г. за проект «Дом Русского посольства» Верховской получил звание художника-архитектора и как лауреат Академии и «государственный пенсионер» был премирован поездкой за границу. В 1912–1913 гг. Р. Н. Верховской производил обмеры и зарисовки памятников архитектуры эпохи Ренессанса в Испании, изучал мавританский стиль. Тогда же он посетил Францию и Италию. В 1913 г., по возвращению в Петербург, получил назначение на должность архитектора зданий Собственной его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии, а также — архитектора правления Бухарской железной дороги⁴. Первым крупным архитектурным проектом Верховского стал проект железнодорожного вокзала в Бухаре, выполненный им в византийском стиле.

Хотя Р. Н. Верховской не подлежал воинской повинности, с момента объявления Первой мировой войны он считал своим долгом вступить добровольцем в ряды действующей армии. В 1915 г. на Западном фронте он был произведен в офицеры и, оставаясь в рядах армии, получил боевые награды и отличия до Св. Станислава II степени с мечами, включительно, и персидский орден «Лев и солнце» III степени, о чем пишет в своей книге московский историк-культуролог В. И. Косик⁵. После Октябрьской революции Верховской принял участие в Гражданской войне на стороне Белой армии. В 1920 г. (по другим данным — в 1921 г.)⁶ Верховской с волной русской эмиграции попал в Королевство СХС, где он вернулся к своему призванию — архитектуре и живописи. Он жил в пригороде Белграда (г. Земун) и держал здесь свое ателье. Работал он во Дворцовом ведомстве и в Министерстве строительства Королевства СХС. Верховской был близок к королю, Александру I Карагеоргиевичу, и регулярно получал от него заказы. Некоторые полотна, написанные Р. В. Верховским, вошли в частную коллекцию живописи короля Александра I Карагеоргиевича. Одну из выставок своих работ Верховской даже смог организовать и провести прямо в апартаментах Королевского дворца⁷. В немалой степени со-

⁴ Русская эмиграция 1920–1931 (альманах). Beograd, 1931. Вып. II. С. 38.

⁵ Косик В. И. Что мне до Вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч. 1. М., 2007. С. 157.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Русская эмиграция 1920–1931 (альманах). С. 39.

трудничество с королем позволило Верховскому украсить Сербию многими прекрасными зданиями и памятниками, о которых пойдет речь ниже.

В Югославии Р. Н. Верховской принимал участие во многих коллективных архитектурных выставках. Чаще всего они проходили в Белграде, поскольку именно здесь жили и работали ведущие мастера архитектуры⁸. Среди них особое место занимали выставки русских архитекторов. Первая выставка, организованная Всероссийским земским союзом, состоялась в 1922 г. и проходила в здании нового Белградского университета⁹. Старейшая на Балканах газета «Политика», освещавшая работу выставки, отметила в качестве одного из самых примечательных ее экспонатов огромный эскиз памятника архитектора Верховского¹⁰. На нем была изображена конная статуя белого офицера, с надеждой глядящего в небо. Рядом — змея на гребне огромной волны, олицетворяющей нашествие большевиков. Внизу живописной композиции располагался поверженный лев — символ императорской России. На второй Русской архитектурной выставке (Белград, 1924) проект Верховского «Русский храм в Белграде» также был отмечен в местной прессе¹¹. В 1926 г. Верховской издал «Альбом композиций периода 1923—1926 гг.», включивший 19 фотографий его работ¹².

В мае 1928 г. на выставке Общества русских художников, проходившей в здании Офицерского собрания в Белграде, внимание прессы привлекли уже не столько живописные, сколько архитектурные работы художника Верховского. Журналисты отмечали, что они выполнены в академическом и романтическом стиле и «свидетельствуют о сильной художественной индивидуальности, которая видна не только в проектах зданий и эскизах прекрасных интерьеров, но и в том, как он представляет византийский и неовизантийский стиль, показывая яркие образцы его красоты в изумительных строениях Королевской виллы на Дединье»¹³. В июне 1929 г. в Выставочном павильоне в Калемегдане проходил Первый салон, организованный

⁸ *Кадиевич А.* Выставки русских архитекторов в Белграде между двумя мировыми войнами // Сб. Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 271.

⁹ Русская эмиграция 1920—1931 (альманах). С. 38.

¹⁰ Политика (Белград). 1922. 18 мая.

¹¹ Политика (Белград). 1924. 9 апреля.

¹² Русская эмиграция 1920—1931 (альманах). С. 39.

¹³ Правда (Белград). 1928. 3 мая; 1928. 4 мая.

Группой архитекторов современного направления (Г.А.М.П.). Его председателем был избран выдающийся русский архитектор Василий (Вильгельм) Федорович Баумгартен, фон (1879–1962), а Р. Н. Верховской — членом Оргкомитета. В помещениях Салона Верховской выставил ряд своих новых работ, получивших высокую оценку. Что давало русскому архитектору участие в таких выставках? Самым важным, безусловно, было признание коллег из профессионального окружения, а также популярность, которая помогала «выйти» на богатых заказчиков. В условиях жесткой конкуренции каждое похвальное слово об архитекторе и его проекте, несомненно, притягивало разборчивых и богатых клиентов¹⁴.

Вскоре Верховской как скульптор-монументалист получил широкую известность в Югославии. Наиболее известными его работами в конце 1920-х гг. стали блестящие архитектурные композиции здания Русской церкви в Белграде, декоративные и скульптурные украшения здания Нового Парламента, величественная скульптура на новом здании Скупщины, цикл работ по заказу Двора Его Величества Короля Александра I Карагеоргиевича по отделке нового загородного Королевского дворца на Дединье и др. К знаковым архитектурным композициям пригорода Белграда относится и фонтан «За жизнь и свободу славянских народов», увенчанный фигурой Геракла («Лаокоон»). Статуя Геракла имеет 3,20 м в высоту. Фонтан стоит перед старым Королевским дворцом в загородном парке Топчидер¹⁵.

Всего среди скульптурных работ Р. Н. Верховского в Югославии 7 национальных памятников-усыпальниц Первой мировой войны (или Великой войны, как ее тогда называли). Один из наиболее известных памятников называется «Защитникам Белграда». Он построен в 1931 г. и стал самым высоким на Балканах военным памятником: 18 метров высоты, с бронзовыми фигурами Героя (югославский воин-победитель), гордо держащего знамя и опирающегося на винтовку, у ног его — смертельно раненный Орел, высотой в 14 метров. Обе фигуры отлиты из темной меди, хотя весь памятник выполнен из камня. Композиция выражает идею победы Добра над Злом. Под памятником находится усыпальница для 5000 воинов. Здесь в отдельных ящиках собраны останки героев, на каждом ящике проставлен номер, чин,

¹⁴ *Кадиевич А.* Выставки русских архитекторов в Белграде между двумя мировыми войнами. С. 276.

¹⁵ Русская эмиграция 1920–1931 (альманах). С. 38.

фамилия и дата смерти воина. Среди сербских фамилий встречаются и русские. Сооружение памятника принесло славу автору проекта¹⁶ — распоряжением короля Александра I Карагеоргиевича Верховской был награжден шейным орденом Св. Саввы III степени.

Но не только сербским, но и русским воинам в Белграде были поставлены памятники по проектам Р. Н. Верховского. Например — «Памятник-усыпальница Русская Слава» на Новом кладбище Белграда по проекту Верховского, который сам лично выполнил и все скульптурные работы. Он был сооружен военным инженером В. В. Шашевским. Памятник сделан из серого камня и стилизован под форму артиллерийского снаряда. Вверху, на его постаменте, стоит крупная фигура Архангела Михаила с вертикально поднятыми крыльями. У подножия, на знамени, лежит русский офицер с оголенной шашкой. По центру снаряда выгравирован большой двуглавый орел и дата «1914 г.». На левой стороне памятника, под крестом, выгравировано «Вечная память Императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». На тыльной стороне памятника по-сербски написано: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте 1914—1918 гг.». Под памятником находится часовня, над железной дверью которой надпись: «Спите, орлы боевые». Из 6 000 русских, погибших при защите Белграда в 1915 г., в склепе захоронен прах 387 офицеров и солдат, а также 1 полковника и 138 нижних чинов¹⁷. Памятник установлен напротив Русского участка на территории Нового Сербского кладбища.

Ввиду острого дефицита средств на постройку «Русской Славы» один из инициаторов идеи памятника — полковник Михаил Скородумов — был вынужден организовать сбор средств на его строительство среди населения. При этом стоимость каждого камня, используемого для строительства, была оценена в 300 динаров, и при закладке на камне камнетесы заранее выбивали фамилию дарителя¹⁸. Идея монумента — заинтересовать сербов славой русского имени и императорской России¹⁹ — возникла как своеобразный ответ на проявившуюся в эти годы симпатию некоторых сербов к Советской

¹⁶ Защитникам Белграда // Часовой (Белград). 1931. 15 декабря. С. 28.

¹⁷ *Маевский Вл.* Русские в Югославии: 1920—1945. Нью-Йорк, 1966. С. 38—39.

¹⁸ *Никифоров К. В.* Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. № 4. С. 37; *Косик В. И.* Что мне до Вас, мостовые Белграда? С. 159.

¹⁹ Там же. С. 159.

России. Несмотря на интриги, грязь, анонимки, направленные на то, чтобы сорвать постройку памятника, в 1935 г. строительство мемориала было закончено. Сербский патриарх Варнава и митрополит Антоний²⁰ торжественно освятили памятник в присутствии представителя короля.

Американский период (1937–1968)

В 1937 г., в возрасте 56 лет, Р. Н. Верховской переехал из Югославии в США и поселился в центре Нью-Йорка, на Манхэттене. Его европейские работы были высоко оценены американскими коллегами, о чем свидетельствует большая выставка работ Р. Н. Верховского, состоявшаяся в Нью-Йорке в 1938 г., т. е. буквально через год после его переезда в США. Она была организована «Архитектурной Лигой Нью-Йорка» („Architectural League of New York“) и проходила под патронажем и приличном участии супруги президента США — Элеоноры Делано Рузвельт. Спустя 10 лет, в 1948 г., той же Архитектурной Лигой была организована Вторая выставка работ Р. Н. Верховского.

Особенностью деятельности Р. Н. Верховского в США стал его «уход» в храмостроительство. Здесь он практически не занимался гражданским монументальным искусством как в Югославии; все было подчинено одной задаче — проектированию, строительству и росписи православных храмов. К тому времени в США наметился серьезный кризис в православном храмостроении. Так что яркий талант архитектора Верховского совпал с потребностями в его творчестве со стороны Русской православной церкви. В апреле 1941 г. указом главы Русской православной церкви в Северной Америке — Феофилом — он был назначен архитектором-художником Митрополии²¹. Находясь на этой высокой должности, Роман Николаевич разрабатывал проекты строительства храмов, часовен, иконостасов, занимался церковной росписью²². Верховской сам лично положил много сил на изменения

²⁰ Антоний (в миру — Храповицкий Алексей Павлович) (1863–1936) — митрополит, богослов. В период с 02.09.1922 — 10.08.1936 — председатель Заграничного Архиерейского Синода и первоиерарх Русской зарубежной церкви.

²¹ Архив Толстовского Фонда (Нью-Йорк), бокс ВИП. Коллекция Р. Н. Верховского. Письмо-обращение из Митрополичьего Совета, август 1941 г.

²² Ульянкина Т. И. По документам Архива Толстовского фонда (США). С. 358. См. также: Ульянкина Т. И. Зодчий града Китежа на чужой земле // Независимая газета. Религии. 2006. 21 июня. С. 5.

стиля православного храмостроения в Америке²³. Нельзя сказать, что его критику поддержали многие русские эмигранты — большинство храмов в эти годы строились на нищие деньги эмигрантов-прихожан, которые не могли оплачивать дорогостоящие проекты²⁴.

В общей сложности, с 1937 по 1960 г., для Американской митрополии и Русской зарубежной церкви Р. Н. Верховской выполнил 26 проектов храмов: из них к 1960 г. 12 проектов были уже реализованы, 8 утверждены, а 6 проектов приняты к строительству. Кроме того, он сделал 7 иконостасов (6 мраморных и один дубовый) и самостоятельно расписал 6 храмов. Из храмов, построенных по проектам Верховского, особой известностью у русских эмигрантов и американцев пользуется храм Св.-Троицкого монастыря в Джорданвилле и храм Св. Владимира в Джаксоне. С обоих храмов сделано огромное количество типографских репродукций, от продажи которых сам Верховской не получил ни цента. Вскоре после открытия Св.-Троицкий монастырь в Джорданвилле стал духовным центром всего русского зарубежья: здесь была открыта типография, выпускающая журнал «Православная Русь» с ежемесячным приложением «Православная жизнь», церковно-философский сборник «Православный Путь» и «Троицкий календарь». Деятельность монастыря известна всему миру. 16 мая 1948 г. при Свято-Троицком монастыре архиепископом Виталием (Максименко) была основана Духовная семинария во главе с профессором Н. Н. Александровым, которая, благодаря своему авторитету, 25 июня 1956 г. получила права американского высшего учебного заведения. По окончании ее выпускники получают звание «бакалавров богословия».

Из других архитектурных шедевров Р. Н. Верховского большой популярностью в США пользуется монументальный Храм-Памятник Св. Владимира в поселке Кассвилль (переименованный вскоре в Джаксон) (штат Нью-Джерси). Строительство храма намечалось еще в 1938 г. Это был юбилейный год 950-летия крещения Руси, который Архиерейский Синод РПЦЗ провозгласил как «Св.-Владимирский год». По инициативе архиепископа Виталия было решено «ознаменовать

²³ *Житков И. Н.* Несколько слов о русском зодчестве // Россия (Париж), 1940. 21 июля ; см. также: *Ульянкина Т. И.* По документам Архива Толстовского фонда (США). С. 358–359.

²⁴ Архив Толстовского фонда (штат Нью-Йорк), бокс ВИП. Коллекция Р. Н. Верховского. Письмо Р. Н. Верховского, адресованное А. Л. Толстой, 5 апреля 1963 г. (США).

950-летие крещения Руси сооружением в США величественного Св.-Владимирского храма-памятника, подобно тому как 900 лет крещения Руси было ознаменовано сооружением в Киеве Св.-Владимирского Собора»²⁵. Основанное по его инициативе Св.-Владимирское общество заказало проект храма Верховскому. В 1940 г. была совершена торжественная закладка храма. Его строительство продолжалось долго и было закончено только к середине 1965 г., а 24 июля начато богослужение. Участок земли в форме небольшого холма, на котором сооружен храм, получил в народе название «Св.-Владимирской Горки». Храм получился удивительно легким, стройным, красивым, монументальным, величественным. Все годы после открытия Храм находился в ведении Зарубежной русской церкви²⁶.

Р. Н. Верховской делал проекты и лично расписывал не только русские, но также и храмы других православных народов, живущих в США: греческие, сербские, болгарские. Можно упомянуть его проект по созданию храма «София» для Греческой церкви в Америке, высоко оцененный главой Греческой церкви архиепископом Михаилом²⁷. В начале 1940-х гг. им был сделан проект перестройки греческой церкви Св. Димитрия в Джамайке (штат Нью-Йорк), проект строительства сербской церкви Воскресения Христова в Сюбенвилле (штат Огайо), расписан иконостас в греческой церкви Св. Троицы в Бриджпорте (штат Коннектикут) и пр.²⁸

И наконец, Р. Н. Верховским был создан проект Всеамериканского Русского кафедрального собора в Нью-Йорке, который по красоте, пропорциям и замыслу композиции стал эпохальным явлением в русской храмостроительной архитектуре. В январе 1947 г. проект Всеамериканского Русского кафедрального собора был высоко оценен в Москве патриархом Московским и Всея Руси Алексием²⁹. Проект хра-

²⁵ *Соллогуб А. А.* Русская православная церковь за границей: 1918–1968 гг.: в 2-х т. Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. Copyright in the USA, 1968. Т. 1. С. 598.

²⁶ Там же. Т. 2. С. 600.

²⁷ Архив Толстовского фонда (штат Нью-Йорк), бокс ВИП. Коллекция Р. Н. Верховского. Письмо группы греческих православных священнослужителей, адресованное Верховскому, от 2 мая 1946 г.; 1 л., машинопись, на англ. яз.

²⁸ *Ульянкина Т. И.* По документам Архива Толстовского фонда (США). С. 365.

²⁹ Архив Толстовского фонда (штат Нью-Йорк), бокс ВИП. Коллекция Р. Н. Верховского. Письмо архиепископа Адама, адресованное Р. Н. Верховскому, 20 января 1947 г. 1 л., машинопись, на англ. яз.

ма был утвержден городским управлением Нью-Йорка. Одной из последних и значительных работ Р. Н. Верховского был проект православного собора в Лос-Анджелесе на 1000 прихожан (1956), который Митрополит Анастасий оценил как «шедевр в искусстве, который, безусловно, войдет в русскую историю»³⁰. Еще три крупных храма были сооружены по проектам Р. Н. Верховского в городах Стратфорде, Монессен и Донора.

В своем некрологе на смерть Р. Н. Верховского граф Илларион Сергеевич Ланской писал, что жизнь его друга не сопровождалась материальным успехом, и судьба его сложилась трагично³¹. Однако если судить по документам Архива Толстовского фонд, драма жизни художника и архитектора была связана не столько с материальной стороной его жизни, сколько с развитием душевной болезни. Была ли она наследственной или стала следствием чрезмерного переутомления, старости, неизвестно. Однако последние несколько лет жизни Верховского в Америке были омрачены ею. В начале 1960-х гг. болезнь стала прогрессировать, а в августе 1964 г., в возрасте 83 лет, он был госпитализирован в Отделение для душевнобольных в Центральный штатный госпиталь в г. Айслип, в Лонг-Айленде (штат Нью-Йорк) (State Central Islip Hospital, Islip, L.I., NY.). До госпитализации Р. Н. Верховской получал ежемесячно социальную пенсию в размере 115 долларов и успевал выполнять высокооплачиваемые заказные работы по проектированию храмов. Например, в течение двух лет, предшествующих госпитализации, он работал над проектом по заказу Строительного отдела Русской православной церкви имени Св. Иоанна Предтечи в г. Вашингтоне (округ Колумбия), за который получил гонорар в 200 долларов. Общая сумма проекта была оценена в 1000 долларов. После госпитализации Р. Н. Верховского все принадлежащее ему имущество: мебель, библиотека, картины, эскизы его проектов, были переправлены на хранение на склад „The Raymond Storage“. Большую роль в поддержании Романа Николаевича в последние годы жизни сыграл Толстовский фонд, который принял на себя всю огромную нагрузку по оплате хранения вещей Верховского на складе, по переписке с наследниками на пред-

См.: *Ульянкина Т. И.* По документам Архива Толстовского фонда (США). С. 365.

³⁰ Цит. по: *Ланской И. С.* Памяти Романа Николаевича Верховского // Возрождение (Париж), 1969. № 211. Июль. С. 133.

³¹ Там же. С. 133.

мет сохранения его коллекции (74 предмета, включая мебель), а также бывшими заказчиками Романа Николаевича. Хотя альтернативой могла быть быстрая распродажа с аукциона некоторых вещей из коллекции картин, рисунков, проектов Р. Н. Верховского, высоко оцениваемой специалистами. Дальнейшая судьба коллекции работ Верховского пока не известна. Но, судя по содержанию переписки Фонда с родственниками Верховского³², скорее всего, после смерти Р. Н. Верховского основная коллекция его работ была отправлена его племяннику — Артуру Келлеру в штат Южная Каролина (США).

³² Ульянкина Т. И. По документам Архива Толстовского фонда (США). С. 356–386.

Академик В. И. Ламанский и сербские ученые

Имя такого известного деятеля науки XIX в., как Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) — историка, слависта, геополитика, этнографа, публициста, общественного деятеля, — к сожалению, долгое время было предано забвению. Однако Ламанский был создателем и крупнейшим представителем целого направления в славяноведении, а также основателем известной научной школы. Учениками Ламанского являлись Ф. И. Успенский, Ф. Ф. Зигель, А. С. Будилович, Н. В. Ястребов, Т. Д. Флоринский, Р. Ф. Брандт, И. С. Пальмов, М. И. Соколов, К. Я. Грот, А. А. Шахматов и др.

Окончив в 1854 г. историко-филологический факультет императорского Санкт-Петербургского университета, В. И. Ламанский, ученик И. И. Срезневского, в 1859 г. успешно защитил магистерскую диссертацию «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». В 1871 г. ученый защитил докторскую диссертацию на тему «Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе», которая не потеряла актуальности до сих пор.

В том же году В. И. Ламанский был избран профессором по кафедре славянской филологии, а в 1900 г. — академиком по Отделению русского языка и словесности. В 1890 г. он основал журнал «Живая старина», редактором которого был до 1912 г., а в 1890-х гг. он участвовал в организации Этнографического музея им. Александра III и был одним из организаторов Литературного фонда. В. И. Ламанский работал и в Славянском благотворительном обществе, где руководил вместе с К. Н. Бестужевым-Рюминым русским общественным движением в пользу славян в 1876–1878 гг. С 1887–1888 гг. Ламанский являлся редактором «Известий» Общества, но затем отошел от этой работы из-за несогласия во взглядах с большинством руководителей Общества.

В. И. Ламанский — историк славянства, его политических и культурных судеб. Научные интересы Ламанского как слависта были сконцентрированы преимущественно на исторических и историко-филологических вопросах. Он понимал славянство как единый, целостный организм. Он издавал материалы по истории славянских стран: черногорские грамоты императрицы Елизаветы Петровны, за-

писки сербского митрополита Стефана Стратимировича императору Александру I и др.¹ Ламанский много писал о значении русского языка как предмета междуславянского общения². Ламанский активно работал в Русском географическом обществе как секретарь, а затем как председатель Отделения этнографии. Он писал не только о русском, но и об «инородческом» населении России, которое любил и уважал. Особенно характерны в данном случае работы Ламанского «Речь при вступлении в звание председателя в отделении этнографии»³ и «О важности изучения не немецких народностей в Остзейском крае»⁴ и др.

Уже в 1860-х гг. В. И. Ламанский сформулировал собственную историософскую концепцию коренных начал славянского просвещения, возрождения славян и их взаимоотношений с Россией. В очерке «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» и «Изучение славянства и русское национальное самосознание» ученый делил европейский мир на Запад и Восток, прежде всего на основе духовных признаков, а также географических, этнографических, религиозных, общественных и культурных особенностей каждой нации. В работе «Три мира азиатско-европейского материка»⁵ развивается учение о трех мирах культурного человечества — азиатском, германо-романском и греко-славянском, имеющих географические, этнографические и культурные основы самостоятельного бытия.

Как и Ф. И. Тютчев, В. И. Ламанский относил Россию к молодому, до конца себя не проявившему греко-славянскому миру, где важную роль играет православие. Но в отличие от Ф. И. Тютчева, он впервые еще до выдающегося русского мыслителя, востоковеда К. Н. Леонтьева⁶, помимо славянских племен ввел в орбиту интересов России также и греков, и ряд мусульманских народов. В этом плане вместе с К. Н. Леонтьевым В. И. Ламанского можно считать одним из предшественников евразийского учения.

¹ Чтения. М., 1868. I. V.

² Распространение русского языка у славян // ЖМНП. 1867. № 6; Об общеславянском значении русской литературы // Известия славянского благотворительного общества. 1887. № 9.

³ Известия. 1865. I. 1.

⁴ День. 1865. № 24.

⁵ Славянское обозрение. 1892. № 1–4.

⁶ См.: Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб., 2006.

Будучи авторитетным ученым-славистом, В. И. Ламанский являлся довольно заметной фигурой в общественной и культурной жизни второй половины XIX в. В 1860-е гг. он принимал участие в организации Российской этнографической выставки и Славянского съезда в Москве 1867 г. Он был учредителем Санкт-Петербургского отделения Славянского комитета, преобразованного в 1877 г. в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество. В 1890 г. В. И. Ламанский разработал проект устройства Этнографического музея Александра III, в том же году основал этнографический журнал «Живая старина» (редактировал до 1910 г.), где часто выступал против излишней русификации окраин империи и, в частности, насильственного насаждения русского языка в Литве, добивался отмены запрещения латиницы.

В. И. Ламанский имел частые контакты с сербскими учеными и общественными деятелями. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук хранится обширная переписка В. И. Ламанского с сербскими, хорватскими деятелями. Прежде всего Ламанский оказывал посильную помощь сербским студентам, проходившим курс обучения в России. Так, студент Милован Джакович в письме от 7 мая 1885 г. благодарит Ламанского за помощь в поступлении в университет⁷. В письме сербского посла в России Саввы Груича есть слова благодарности за «участие к нашим беднякам-студентам»⁸.

К В. И. Ламанскому как представителю Славянского благотворительного общества обращаются за материальной помощью сербские ученые. Так, этнограф Марко Драгович просит Славянское благотворительное общество «назначить ему на четыре месяца по 50 рублей или одновременно 200 рублей, что даст ему возможность продлить занятия в Московском главном архиве Министерства иностранных дел по делам черногорским»⁹. Общение Ламанского с сербскими общественными деятелями проходило на фоне развертывающейся сложной внутренней политики Сербии. В 1858 г. скупщина лишила Александра Карагеоргиевича престола. К власти вновь пришла династия Обреновичей. Михаил Обренович провел реорганизацию государственного управления, подчинив его своей абсолютистской власти. Это привело к появлению оппозиции со стороны национальной буржуазии, пред-

⁷ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 526. Л. 1.

⁸ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 491. Л. 1.

⁹ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 555. Л. 1.

ставители которой в 1866 г. создали культурно-просветительскую организацию «Омладина», способствовавшую своей деятельностью пробуждению политического самосознания сербского народа.

Интерес представляют письма публициста, историка, чиновника русского посольства в Белграде В. М. Медаковича к В. И. Ламанскому. В письме от 14 января 1865 г. Медакович пишет следующее: «Стурками дело еще не кончено. Турки намерены строить какие-то укрепления, и они постоянно готовятся к войне. Славянам в Турции пора бы восстать против своих притеснителей, но так как теперь вся Европа находится в летаргическом положении, то едва ли можно питаться надеждой, чтобы христиане были в состоянии что-нибудь предпринять против турок... Православная вера находится в слишком опасном положении, и если не будут скоро предприняты меры, то она пропадет»¹⁰.

Переписка с сербами, хранящаяся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, обширна, и анализ писем может вылиться в интересное дальнейшее исследование, выходящее за рамки данной статьи.

Примером дружеских контактов В. И. Ламанского с сербской интеллигенцией является дружба с Валтасаром Богишичем. В. Богишич принадлежал к числу крупнейших знатоков славянского права и славянской, южнославянской этнографии. Он окончил среднюю школу в Венеции, а затем учился в высшей школе в Берлине, Мюнхене, Париже и Вене. В 1863 г. Богишич занял место библиотекаря в Венской придворной библиотеке, в ее славянском отделе¹¹. В 1868 г. Богишич оказался в юго-восточных австрийских провинциях в должности школьного инспектора. К этому времени он подготовил программу по собиранию народных памятников права. Еще в Вене Богишич познакомился с настоятелем Венской русской посольской церкви М. Ф. Равевским, который и обратился к В. И. Ламанскому с просьбой помочь молодому ученому: «Посылаю Вам пакет с книгами. Когда получите оный, то разделите книги по надписям. Богишич просит, не можете ли Вы одну из этих книг поднести министру графу Толстому. Может быть, придется позвать Богишича впоследствии на профессуру, и тогда эта книга может послужить рекомендацией перед министром»¹². В 1869 г.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 933. Л. 3.

¹¹ *Кораблев В. И.* Валтасар Богишич и академик Ламанский // Труды института славяноведения АН СССР. 1934. Т. 2. С. 164.

¹² ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1197.

ректор Новороссийского университета Ф. И. Леонтович предложил факультету истории русского права избрать в ординарные профессора по кафедре славянского законодательства Богишича с возведением его в почетные доктора государственного права Юридического факультета Новороссийского университета¹³. В. Богишич не сразу остановил свой выбор на Новороссийском университете — он претендовал на кафедру славянского права в Санкт-Петербургском университете. В бумагах академика В. И. Ламанского, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, имеются несколько писем к нему Богишича за 1867–1878 гг., освещающих период пребывания Богишича в Новороссийском университете. Знакомство с В. И. Ламанским, занимавшим уже кафедру славяноведения в Санкт-Петербургском университете, Богишич начинает с просьбы о помощи в составлении библиографии по этнографии южных славян. В 1870 г. Императорская академия наук поручила В. Богишичу представить разбор сочинения Нила Попова «Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.», представленный на соискание Уваровской премии. В. Богишич опубликовал отзыв в «Отчете о XIII присуждении наград графа С. С. Уварова» (СПб., 1870), который имел исключительное значение не только по фактическим поправкам и библиографическим дополнениям, но и по тем важным материалам, которые впервые были извлечены из архива Министерства иностранных дел и Военно-топографического депо. В этой работе Богишич использовал такие материалы, как записки участников сербских войн 1806–1813 гг., очерки этнографического, политического, военного характера о Сербии, Боснии, Албании и др. Заслуга в обнаружении и внедрении в научный оборот этих материалов принадлежит В. Богишичу.

В письме к В. И. Ламанскому от 3 марта 1870 г. Богишич рекомендует обратить внимание на члена Загребской Академии наук И. В. Ягича — филолога-слависта, текстолога, палеографа, фольклориста, литературоведа. В 1868 г. Ягич избирается иностранным членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук, в 1880 г. он стал экстраординарным академиком по тому же Отделению (славянская филология), а в 1881 г. — ординарным академиком Императорской академии наук¹⁴.

¹³ *Кораблев В. И.* Валтасар Богишич и академик Ламанский. С. 165.

¹⁴ *Летопись Российской академии наук.* СПб., 2003. Т. 3. С. 159, 297, 314.

В 1872–1874 гг. И. В. Ягич становится профессором Новороссийского университета. В Санкт-Петербурге Ягич преподавал также на Высших женских курсах, в Археологическом институте. В 1886 г. в Венском университете он занял кафедру своего учителя Ф. Миклошича. При Венском университете И. В. Ягич организовал славянский семинарий, который стал центральной школой славяноведения для Австрии, Балканского полуострова, а также для России и Западной Европы. При Венской академии Ягич создал Балканскую комиссию для изучения и собирания материалов по диалектологии Балканского полуострова. Он замыслил и отчасти осуществил несколько важных научных мероприятий общеславянского значения: составление славянской библиографии (1876), публикация всех выдающихся памятников русской письменности XI–XII (1882), издание серии «Исследования по русскому языку» (СПб.). В 1903 И. В. Ягич и А. А. Шахматов организовали съезд славистов при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, где Ягич председательствовал, а затем встал во главе редакции «Энциклопедии славянской филологии» (1-й вып. — 1907); в составе Энциклопедии вышла важная работа И. В. Ягича «История славянской филологии» (1910). Ягич уделял значительное внимание южнославянскому фольклору, старой хорватской литературе, а также истории русской литературы XVIII в. Он является автором пособий по старославянскому и сербохорватскому языкам и литературе для школы: «История сербохорватской литературы старшего периода» была переведена на русский язык. Ученый подготовил к изданию сочинения хорватских писателей.

В. И. Ламанский отличал В. Богишича и И. В. Ягича, ставив Ягича, как ученого, безусловно, выше. В письме к И. Бодуэну де Куртинэ Ламанский пишет следующее: «Часто выдаюсь с Ягичем — человеком хорошим, умным и знающим. В нем Россия сделала несомненное приобретение. Он будет поделнее Богишича и полезнее его, за последним я признаю и дарование, и трудолюбие»¹⁵.

Финалом в переписке В. И. Ламанского с В. Богишичем является визитная карточка — Богишич стал министром права, государственным советником в Цетинье. В 1890 г. Богишич, закончив составление Черногорского Законника, покинул Черногорию и переселился в Париж, но в 1893 г. по приглашению Черногорского князя принял назначение на пост министра юстиции Черногории для проведения в жизнь

¹⁵ *Кораблев В. И.* Валтасар Богишич и академик Ламанский. С. 186.

новых законов, им же разработанных. В 1899 г. он получил полную отставку и вернулся в Париж.

В ноябре 1914 г. умер В. И. Ламанский, застав начало Первой мировой войны и во многом предсказав ее начало в своих трудах, но так и не дождавшись издания собрания своих сочинений. Еще в 1867 г., отмечал ученик Ламанского Г. А. Князев, он указывал на опасность, угрожающую России с возникновением на «Балтийском и Немецком морях» сильного немецкого флота и стремлением немцев к объединению Северной и Южной Германии. Более того, в других его работах он предвидел план совместной кампании Германии и Австро-Венгрии против России. Все это говорит только о том, что сегодня нам необходимо воздать по достоинству академику В. И. Ламанскому и издать его наследие, не потерявшее своей актуальности и по сей день.

Д. Н. Савельева

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Жизнь и судьба святителя Николая Сербского

Владыка Николай (Велимирович) (1881–1956) — епископ Охридский и Жичский, богослов, философ, почетный доктор Колумбийского университета — мало известен современному российскому читателю. Владыка Николай — самая крупная фигура в сербской духовной литературе XX столетия. Литературное наследие владыки Николая, богослова с мировым именем, насчитывает 15 томов, содержащих разнообразные по жанру произведения.

Никола Велимирович родился 23 декабря 1880 г. (5 января 1881 г. по новому стилю) и был первым из девяти детей в крестьянской семье Драгомира и Катарины в маленьком горном селе Лелич, недалеко от г. Валево в Западной Сербии¹. Когда мальчик подрос, родители отдали его в школу при ближайшем монастыре Челие. После ее окончания отцу посоветовали направить Николу на дальнейшее обучение, поскольку он проявил большие способности в учебе, и, после некоторых колебаний, в 1892 г. он отправил сына в гимназию г. Валево. Окончив гимназию, юноша решил поступить в военное училище. Но заключение медицинской комиссии, которое гласило «малый объем груди и хроническое недоедание»², поставило этому намерению непреодолимое препятствие. Тогда Никола поступил в Белградскую семинарию, где на него сразу же обратили внимание как на одаренного ученика. Во время своего обучения Никола изучил произведения великого сербского духовного писателя владыки Петра II Негоша, кроме того, он был хорошо знаком с творчеством Шекспира, Пушкина, Достоевского, Данте, Гюго, Вольтера, Ницше, Маркса и других европейских классиков, увлекался философией Древнего Востока³.

¹ Город Валево — центр Колубарского округа, находится приблизительно в 90 км к юго-западу от Белграда.

² Числов И. М. Апостол Европы и Славянства: Предисловие // *Святитель Николай Сербский*. Библийские темы. М., 2007. С. 9.

³ *Епископ Артемий (Радосавлевич)*. Краткое жизнеописание святого Владыки Николая // За Крест Честной и свободу золотую! Альманах. М., 2006. Вып. 2. С. 15.

После окончания семинарии (1902) Никола был назначен сельским учителем. Вскоре (1904) он получил от министра просвещения Сербии стипендию на продолжение учебы в Швейцарии, на Бернском старокатолическом факультете. Там Никола выучил немецкий язык, слушая лекции по богословию и философии на нескольких факультетах в Швейцарии и Германии. Учебу в Берне 28-летний Никола с блеском завершил двумя докторскими диссертациями: по истории — «Французско-славянское противостояние в Боке Которской в 1806–1814 гг.» и по богословию — «Вера Апостолов в Воскресение Христова как главный догмат Апостольской Церкви». Следующий, 1909, год Никола провел в Оксфорде, где изучил английский язык и, закончив философский факультет, подготовил еще одну докторскую диссертацию — «Философия Беркли», которую защитил в Женеве на французском языке⁴.

Вернувшись в Белград, Никола внезапно заболел дизентерией настолько серьезно, что врачи не надеялись на его выздоровление. В больнице он дал обет — в случае излечения целиком посвятить себя служению Богу, Сербской церкви и своему народу. После выздоровления Никола немедленно отправился в монастырь Раковица близ Белграда, где 17 декабря 1909 г. и принял монашеский постриг с именем Николай, а через три дня, 20 декабря, он был рукоположен в сан иеромонаха⁵.

В 1910 г. иеромонах Николай уехал учиться в Россию, в Санкт-Петербургскую духовную академию. При приеме в Академию он даже не упомянул о том, что закончил несколько западноевропейских факультетов, а поступил — как вчерашний семинарист. Скромный студент регулярно посещал лекции и оставался незаметным для товарищей до одного академического духовно-литературного вечера, когда он вступил в дискуссию и поразил своей богатой эрудицией и ораторским искусством всех присутствовавших студентов, преподавателей и, в особенности, Петербургского митрополита Антония (Вадковского), который выхлопотал для него у российского правительства «бесплатное и беспрепятственное путешествие по всей Российской империи»⁶.

В мае 1911 г. иеромонах Николай был срочно вызван на родину телеграммой из Белграда — ему предложили принять сан епископа.

⁴ *Епископ Артемий (Радосавлевич)*. Краткое жизнеописание святого Владыки Николая. С. 17.

⁵ *Числов И. М.* Апостол Европы и Славянства. С. 17.

⁶ Там же. С. 18–19.

Отец Николай от этого предложения решительно отказался и стал преподавать в Белградской богословии⁷ философию, логику, психологию, историю и иностранные языки. Он опубликовал свои литературные труды: «Над грехом и смертью» (1911), «Беседы под горой» (1912)⁸, «Религия Негоша» (1912).

В 1914 г. началась Первая мировая война, и сербское правительство направило отца Николая, к тому времени уже известного духовного автора и проповедника, в США и Великобританию разъяснять общественности этих стран, за что воюет православная Сербия. Целых четыре года (1915–1919) отец Николай выступал в церквях, университетах, колледжах, в различных залах и собраниях, рассказывая, почему расчлененный врагами на несколько частей сербский народ столь решительно борется за единство своей некогда великой⁹ родины. После его проповедей на Солунский фронт отправилось значительное число добровольцев из числа сербских эмигрантов в Америке. Главнокомандующий британской армией сказал как-то на встрече с сербскими офицерами: «Вам нечего беспокоиться за исход войны, ведь у вас целых три армии: ваша собственная, мы, ваши союзники, и отец Николай»¹⁰.

В 1920 г. иеромонах Николай был рукоположен в сан епископа Охридского. В Охриде, древнем городе Македонии, расположенном близ Охридского озера, им был создан целый цикл литературных

⁷ Так называлась в это время семинария в Белграде.

⁸ *Святитель Николай Сербский. Беседы под горой* // Душа Сербии. М., 2006. Ссылки даются только на произведения Святителя Николая, изданные и на русском языке. В скобках рядом с названием работы указан год издания на сербском языке. — *Примеч. авт.*

⁹ После установления в конце XII в. династии Неманичей сербское государство освободилось из-под власти Византии и к середине XIV в. развилось в крупную державу, охватывавшую почти всю юго-западную часть Балкан. Расцвет средневековой Сербии пришелся на время правления царя Стефана Душана (1331–1355). Однако после его смерти государство распалось. В 1389 г. войска сербских князей потерпели поражение от турецкой армии в битве на Косовом поле, что привело к признанию Сербией сюзеренитета Османской империи. Окончательно Сербия была завоевана турками в 1459 г. На протяжении следующих 350 лет сербские земли находились под властью Османской империи, а северные районы с конца XVII в. входили в состав Австрийской империи.

¹⁰ Цит. по: *Числов И. М.* Апостол Европы и Славянства. С. 24.

произведений: «Слова о Всечеловеке» (1920)¹¹, «Молитвы на озере» (1922)¹², «Охридский пролог» (1928)¹³, «Омилии» (1925) и др.

В 1934 г. епископ Николай был переведен в Жичскую епархию. Древний монастырь Жича (XIII в.)¹⁴ требовал реставрации и всестороннего обновления, как и многие другие монастыри, находящиеся в самом сердце Сербии. На это и направил свои силы владыка Николай, и вскоре жичские святыни заблестали своим прежним светом, тем светом, которым светились они, быть может, еще до турецкого нашествия.

Вторая мировая война для сербского народа началась 6 апреля 1941 г. Гитлер лично приказал своему командующему Южным фронтом Александру фон Леру обессилить сербский народ: «Уничтожить сербскую интеллигенцию, обезглавить верхушку Сербской православной церкви, причем в первую очередь — патриарха Дожича, митрополита Зимонича и епископа Жичского Николая Велимировича»¹⁵. С первых дней оккупации епископ Николай Велимирович находился в Жиче под домашним арестом. Немцы из опасения нападения четников¹⁶ перевели владыку в монастырь Любостыню (12 июля 1941 г.),

¹¹ *Святитель Николай Сербский*. Слова о Всечеловеке: (Фрагменты) // *Святитель Николай Сербский*. Избранное. Минск, 2004. С. 19–60.

¹² Там же. С. 61–220.

¹³ *Святитель Николай Сербский*. Охридский пролог. М., 2008.

¹⁴ Монастырь Жича находится недалеко от г. Кралево. Жичский монастырь был основан Св. Саввой как резиденция сербских архиепископов; Савва же стал первым архиепископом Сербской православной церкви после дарования ей автокефалии в 1219 г. Здесь же он помазал на царство своего брата, вошедшего в историю под именем короля Стефана Первовенчанного (1196–1228) (в святцах св. прп. Симеон). Поэтому монастырь Жича можно сравнить с Успенским собором в Кремле. Позднее монастырь немало пострадал от монголов, турок и немцев. Последняя бомба упала в 200 метрах от Жичи во время военной операции НАТО против СРЮ в 1999 г.

¹⁵ Цит. по: *Числов И. М.* Апостол Европы и Славянства. С. 38.

¹⁶ Четники — от слова «чета», в переводе с серб. — отряд. Четниками называли отряды народного сопротивления, которые были частью национального движения на стадии национально-освободительной борьбы сербского народа в XIX в. В тексте идет речь о четниках Второй мировой войны во главе с Драголюбом Михайловичем (были и другие отряды, в том числе сотрудничавшие с гитлеровцами). Сам Михайлович не опирался непосредственно на предыдущие четнические организации, считая себя составной частью Армии Королевства Югославии. Но народ их прозвал четниками. (См.: <http://www.srpska>.)

где он находился в заточении. Затем 3 декабря 1942 г. он был препровожден в монастырь Войловицу под г. Панчево (недалеко от Белграда), где, кроме прочих трудов по исправлению сербского перевода Нового Завета, перевел с русского языка книгу «Моя жизнь во Христе» святого праведного Иоанна Кронштадтского (перевод, к сожалению, не сохранился); а 15 сентября 1944 г. владыка Николай вместе с сербским патриархом Гавриилом оказались в концлагере Дахау в Германии¹⁷.

Союзническая 36-ая американская дивизия 8 мая 1945 г. освободила узников концлагеря Дахау. Из лагеря владыка Николай вышел с готовой книгой — «Сквозь тюремную решетку»¹⁸. Узнав, что Иосип Броз Тито возглавил воссозданное (после ликвидации в 1941 г.) федеративное государство — Федеративную народную республику Югославию, — владыка остался в эмиграции. В октябре 1945 г. он приехал в Англию по приглашению сербского короля Петра II Карагеоргиевича на крещение его сына, престолонаследника Александра. Однако британские власти не позволили ему находиться в стране более двух недель. Вскоре после этого визита владыка переехал в Америку. Он жил в разных городах Америки, где продолжал вести миссионерскую и литературную деятельность. В это время он написал такие произведения, как «Жатвы Господни» (1952)¹⁹, «Страна Недоходимая» (1950), «Единственный Человеколюбец» (1958). Почти каждый год выходила какая-нибудь его книга. Все полученные гонорары он неизменно направлял своим соотечественникам и в сербские церкви и монастыри.

Случилось так, что именно русский монастырь святителя Тихона в Саунт-Кенноне (штат Пенсильвания) стал последним земным прибежищем владыки Николая. Владимир Маевский — давний знакомый святителя — оставил свои воспоминания о приходе владыки в этот монастырь.

ru/article.php?nid=6115.) В то же время в противовес четническому возникло партизанское движение коммунистов во главе с Броз Тито и Моше Пьяде. Ревностный обличитель коммунистической идеологии, владыка Николай был приговорен коммунистами к смерти в числе первых. Партизаны планировали нападение на Любостыню с целью исполнения этого приговора, а четники скрытно охраняли подступы к монастырю. См.: *Числов И. М. Апостол Европы и Славянства*. С. 38.

¹⁷ *Числов И. М. Апостол Европы и Славянства*. С. 40.

¹⁸ *Святитель Николай Сербский. Из окна темницы*. Минск, 2005.

¹⁹ *Святитель Николай Сербский. Жатвы Господни // Душа Сербии*. М., 2006. С. 44–103.

В 1950 г. они встретились после долгой разлуки в эмиграции в Нью-Йорке. Владимир Маевский в то время преподавал в Духовной семинарии при монастыре святителя Тихона Задонского (штат Пенсильвания). Из бесед с владыкой Николаем Маевский выяснил, что сербский епископ в Америке Дионисий не оказывает ему, заслуженному иерарху и великому богослову, никакого внимания и никак не участвует в его судьбе. Тогда Владимир Маевский начал хлопотать о приглашении владыки в семинарию, для преподавания. Когда он стал об этом говорить с владыкой, тот от неожиданности заплакал и стал сердечно благодарить за такое приглашение, поскольку он, уже 70-летний пожилой человек, был не у дел. Однако сразу же после его прибытия в монастырь туда приехал правящий сербский епископ Дионисий и потребовал, чтобы владыка Николай покинул семинарию, на что тот дал решительный отказ²⁰.

С 1951 г. преосвященный Николай стал преподавать богословие (догматическое и пастырское). Его лекции были настолько яркими и интересными, что на них приходили не только семинаристы, но и преподаватели семинарии²¹.

В 1955 г. скончался ректор семинарии епископ Иона; преосвященный Николай был единогласно избран следующим ректором. Митрополит русской православной церкви в Америке из деликатности обратился за одобрением к правящему сербскому архиерею. Но епископ Дионисий, кроме явно отрицательного высказывания по этому вопросу, поинтересовался, не хочет ли епископ Николай вместе с этим перейти под русскую юрисдикцию. Ответ удивил всех, поскольку в русских семинариях работали иерархи не только сербские, но и болгарские, и никогда не возникало вопроса о перемене их юрисдикции — этого вовсе не требовалось²².

Через некоторое время в сербской газете, которую выписывал владыка Николай, появилось сообщение о том, что он опасно болен. «Рано хотят недруги похоронить меня» — прокомментировал это сообщение владыка²³. Это случилось за 11–12 дней до его смерти.

17 марта 1956 г. семинаристы видели, как некий серб около 10 часов вечера вошел в комнату владыки, а после 11 часов они видели, как он

²⁰ *Владимир Маевский*. Смерть Владыки Николая. С. 91.

²¹ Там же. С. 95.

²² Там же. С. 104.

²³ Там же.

с кофейными принадлежностями ходил за водой, говоря, что готовит для владыки черный кофе. Семинаристы очень удивились тому, что владыка захотел кофе, которого в последнее время избегал по предписанию врача. Когда и как серб ушел от владыки, никто не видел. На следующий день, в воскресенье 18 марта, утром позвонил епархиальный сербский архиерей (который за все время пребывания владыки в русском монастыре не звонил ему ни разу) и вдруг стал расспрашивать о здоровье владыки Николая, и, поскольку владыка в положенное время не пришел на литургию, служащие пошли в его комнату и нашли его мертвым. Причину смерти без вскрытия врач установить не смог, а прибывшие сербы попросили вскрытия не делать²⁴.

По желанию сербов тело владыки из русского монастыря было перенесено в сербский монастырь святителя Саввы в Либертвилле. Несмотря на всемирную известность, литературные труды владыки Николая Велимировича были запрещены на родине (так же как и в России)²⁵. Архимандрит Иустин Попович в своей речи на 10-летие со дня смерти своего учителя с горечью говорил о том, что Сербская церковь все эти 10 лет официально не поминает владыку Николая²⁶. Этот запрет был снят лишь в 1991 г.²⁷

Владыка Николай оставил обширное наследие богословских, исторических, литературных, публицистических трудов, стихов, переписки и переводов. В своем творчестве он так или иначе касался темы исторических судеб России, вспоминал русскую литературную классику. Россию он называл «большой сестрой» и писал, что Россия — великая страна, а у всего великого есть не только свет, но и тень: он так и называл Россия-свет и Россия-тьень²⁸. Среди его высказываний о самых разных политических деятелях есть и такое мнение о Петре I, которого он называл Петром Весьма Великим: «Это величайший американский дух, когда-либо живший в Европе. Говоря „американский

²⁴ *Владимир Маевский*. Смерть Владыки Николая. С. 105–106.

²⁵ *Епископ Артемий (Радосавлевич)*. Краткое жизнеописание святого Владыки Николая. С. 27.

²⁶ *Преподобный Иустин (Попович)*. Святой Николай Жичский — равноапостольный Владыка, Сербский новый Златоуст // За Крест Честной и свободу золотую! Альманах. М., 2006. Вып. 2. С. 10.

²⁷ Перенесение мощей святителя Николая Сербского состоялось 3 мая 1991 г. в его родное село Лелич.

²⁸ *Святитель Николай Сербский*. Духовное возрождение Европы. М., 2006. С. 218.

дух“, я имею в виду человека с самыми смелыми, самыми масштабными и самыми оптимистичными замыслами, полного энергии, задора и творческого порыва, который можно наблюдать лишь в Нью-Йорке XX в. А ведь было это два века тому назад»²⁹. Нет нужды упоминать, что оценка деятельности Петра I была неоднозначной среди историков, не говоря уже о церковных деятелях. Известно, например, что даже при жизни Петра его труды, в частности по созданию флота, активно поддержал только митрополит Воронежский Митрофан, однако и он осуждал многие нововведения царя. То обстоятельство, что святитель Николай так горячо одобрил кипучую деятельность нашего самодержца, показывает способность владыки отрешиться от множественности известных противоречивых фактов правления первого российского императора и выделить главную положительную доминирующую составляющую всех усилий Петра I.

Труды епископа Николая Велимировича начали переводиться на русский язык сравнительно недавно, и этот процесс еще не завершен. К сожалению, пока еще нет полного жизнеописания этого выдающегося деятеля даже на сербском языке — в настоящее время ведется только поиск документов многих обстоятельств его непростой жизни и публикуются воспоминания людей, знавших его. Сейчас же непреложным фактом является то, что святитель Николай — это целая эпоха в сербском богословии, сербской поэзии и сербской литературе. Вне всякого сомнения, его работы привлекут внимание и сербских, и российских исследователей, которые по достоинству оценят его многогранное творчество.

²⁹ *Святитель Николай Сербский*. Духовное возрождение Европы. М., 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 3

I. Пути развития российско-сербских связей в области науки и образования

Лиляна Миятович, Александр Петрович, Джордже Джурич
Метаморфоза русско-сербских интеллектуальных связей..... 5

О. А. Красникова
Сербы на этнических картах славянских народов Европы
(вторая половина XIX — начало XX в.) 10

Джордже Джурич
Влияние русской культуры на творчество Йована Раича,
основателя сербской научной историографии 20

М. В. Хартанович
Исторический аспект этнографического памятника:
черногорские костюмы в собрании Музея антропологии
и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук..... 26

Е. И. Красикова
Представители королевской династии Карагеоргиевичей
в учебных заведениях Санкт-Петербурга..... 34

Елена Милойкович-Джурич
Ответ Толстого и Достоевского на «восточный вопрос»,
1875—1877. Образы себя и других 47

Т. И. Ульяновкина
Русская академическая эмиграция в Сербию:
обзор довоенного периода 1919—1938 гг. 56

Александр Петрович
Мост, через который еще предстоит перейти. Русские
ученые — члены Сербской королевской академии
после Октябрьской революции 77

II. Судьбы ученых

В. П. Борисов

Представители российской школы прикладной механики

С. П. Тимошенко и Я. М. Хлытчиев в эмиграции89

В. Жикич

Игорь Андреевич Рудский: жизнь и деятельность.....95

С. И. Фокин

Зоолог Юлий Николаевич Вагнер:

Неаполь – С.-Петербург – Киев – Белград 101

Т. И. Ульякина

Русский художник и архитектор Р. Н. Верховской

в Сербии и США 116

М. Ф. Хартанович

Академик В. И. Ламанский и сербские ученые 126

Д. Н. Савельева

Жизнь и судьба святителя Николая Сербского 133

Российско-сербские связи в области науки
и образования: XIX – первая половина XX в.

Отв. ред. Э. И. Колчинский и А. Петрович
Ред.-сост. М. В. Лоскутова и М. В. Хартанович

Редактор *О.А. Потанина*
Компьютерная верстка *Л. А. Философова*
Оформление обложки *Л. А. Философова*

Подписано в печать 01.09.09. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812) 622-01-23